

18+

Иван Стаценко

Откровение

Иван Стаценко

Откровение

«Издательские решения»

Стаценко И.

Откровение / И. Стаценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988300-1

В современном мире человек очень уязвим. Слабые духом люди часто попадают под влияние мошенников или религиозных сект. Главный герой Джеймс Росс делает быструю карьеру от врача до городского советника. Разделяя взгляды президента о запрете религиозных сект, Джеймс сталкивается с деятельностью преступной организации, прикрывающейся религией. В финале романа, расставляя приоритеты, понимает, что в жизни самое главное — это семья. Однако жизнь распорядилась иначе.

ISBN 978-5-44-988300-1

© Стаценко И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	37
Глава 3	67
Глава 4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Откровение

Иван Стаценко

© Иван Стаценко, 2020

ISBN 978-5-4498-8300-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Боже, храни Америку

Я думаю, что есть какое-то объяснение всей этой вселенной.

То, что вы можете назвать богом.

Илон Маск

Глава 1

– Боже, нет, как они могли так облажаться?! Нет, я не верю в это, это просто невозможно! Нет, нельзя дважды наступать на одни и те же грабли. Это всё фикция! Политика запугивания. Такое уже было раньше, всегда эффективно работало. Я не верю всяким слухам, пока не появится официальная информация.

– Ой, да замолчи ты, тупая ты овца, ни черта не понимаешь, что говоришь! Это и так официальная информация. Мелишь всякое, как только рот у тебя открывается? – завопил Йозеп, сжимая в руке бутылку пива. От злости на Мирьям, чуть было не разлил столь драгоценный напиток, который купил за два доллара в местном супермаркете. Сделав ещё небольшой глоток, вытерев рот рукавом свитера, он продолжил свою травлю. – Ты ведь вообще ни хрена не смыслишь в политике. Как ты можешь здраво рассуждать, если все твои занятия сводятся к стирке белья за своим крысёнышем, да убожению своего муженька-алкаша?

– Йозеп, прекрати, хватит, не до тебя сейчас. И так не видишь, что в стране творится? – вмешалась сестра Йозепа – Айра, худощавая низкорослая брюнетка восточноевропейской наружности. Одета она была в потертые джинсы двухлетней давности и старый коричневый свитер, явно на два размера больше. Впрочем, это её обычная одежда, другую она и не носила. – Потерпи еще немного, быть может всё ещё изменится.

– А, по-моему, всё как раз-таки очевидно, – настаивал Йозеп. – И то, что говорит Мирьям, полная хрень. Нет никакой политики запугивания. Вспомни, что было в 2016 году. Точно такая же ситуация. Все тогда ставили на победу Хилари Клинтон, ее поддержали в 18 штатах, включая и Вермонт. Вермонт всегда чтит свои традиции и голосует за демократов.

– А в итоге выбрали этого недалёкого ума старикана, – выразилась Мирьям и сразу же пожалела, что вообще решила продолжать этот бессмысленный спор, да и ещё с человеком, который ей был неприятен. И чувство то было взаимным.

– Ну и идиотка же ты! Впрочем, я не удивлен. Трамп был нормальным мужиком. И политик он хороший. Не многие после победы выполняют свои предвыборные обещания. А он был в числе тех, кто сдержал слово.

Мирьям хотела было возразить, но репортер из телеканала «NBS» в очередной раз выступил со своей речью:

– Уже совсем немного времени осталось, до вынесения окончательного результата выборов. Буквально несколько секунд назад нам сообщили из комиссии «Fox News», что Оклахома и Арканзас поддержали Нормана Хинтона из Демократической партии. Похоже, это означает, что Норман Хинтон станет сорок шестым президентом Соединенных Штатов.

– Нет, Господи, я не могу это слышать, – взывала Мирьям, нервно покусывая свои и без того сломанные от ручной стирки ногти.

«Да, похоже, что это конец», – подумал Йозеп, отложив бутылку пива в сторону, пить было уже не в радость. О конце света говорилось в священном Писании. И вот, видимо, апокалипсис уже наступил.

* * *

– Это уже не первый раз, когда очевидный выбор на деле оказывается вовсе не таким уж очевидным. Остались считанные минуты до разглашения результата. Напомним вам, что ещё семь штатов не определились с выбором. Говорить пока ещё рано, но, похоже, что уже с большой вероятностью можно сообщить, что сорок шестым президентом США станет *Норман Хинтон*, – резюмировал диктор из телеканала «CNN».

– Да, это самый лучший день в моей жизни! Вы слышали это?! – Джеймс Росс радостно вылетел в коридор, раздвинул дверцу шкафа, достал небольшую подарочную коробку и вынул бутылку шотландского вина, который приберег на особый случай. И сегодня был тот самый случай, ведь сегодня день, который должен изменить ход истории.

Вернувшись в гостиную, он открыл штопором бутылку и разлил красноватого цвета напиток по бокалам. Ханна раздала бокалы Дилану и Камилле.

– Так выпьем же за это, за светлое будущее. За новую Америку! – произнесла тост Ханна и осушила бокал.

– К черту весь мир, к черту всех! Наконец- то Америкой будет править человек, который выведет нашу страну на новый уровень. Который вернет Америке её былое величие! Который не прогнётся под натиском этих выскочек из Европы! – резюмировал Джеймс.

Осушив до дна бокалы, они принялись дальше наблюдать за репортажем.

– Думаешь, Хинтон сможет выполнить свои предвыборные обещания, не развязав при этом национальную или религиозную войну? Или того хуже, не развязав гражданскую войну? – Дилан всегда старался придерживаться консервативных взглядов, его трудно было переубедить. Джеймс же настаивал, что великие свершения требуют радикальных перемен.

– Ну конечно же, мой дорогой друг. Конечно же сможет. Я не уверен, что люди легко примут все эти перемены, но по крайней мере уже при нашей жизни путь к успеху будет проложен. Люди должны осознать, что это все вынужденная мера. И выборы на пост президента Хинтона это подтвердят. Люди хотят перемен, но они боятся. Они ни за что не сдвинутся с места, пока кто-нибудь их не подтолкнет.

– Тише, мальчики, все пропустите, – вмешалась Ханна. – Осталось совсем чуть-чуть. Ещё рано праздновать победу.

– Вот тут не поспоришь, – согласился Дилан и скрестил руки возле лица.

Между тем волнение все нарастало. Джеймс уже готов был уйти в отрыв, но на секунду он представил, а что же будет, если остальные семь штатов не поддержат Хинтона? Что тогда? В выборах победит Ридли Харвут? Снова у власти окажутся республиканцы? Как минимум четыре года просиживать штаны, когда можно было заняться делом? Ну уж нет, такого допустить нельзя. Сегодня будет положен конец многолетнему застою.

– Вот-вот, сейчас уже скажут, – сообщила Камилла и прибавила громкость телевизора.

Джеймс уселся на диван, между Ханной и Камиллой, прижал руки к лицу, глубоко выдохнул, поправил волосы. Алкоголь стал приятно теплить в желудке, но волнение всё ещё присутствовало.

– Это один из самых важных дней в истории нашей страны. Миллионы людей по всей Америке наблюдают у экранов телевизоров в ожидании окончательных результатов. *Вирджиния* также сообщила о результатах выборов. Нетрудно догадаться, что лидирует *Норман Хинтон*...

За Америкой светлое будущее.

* * *

– ...мы продолжаем наблюдать за результатами выборов. Оставайтесь с нами, – закончил репортёр.

Йозеп вытер потные руки об кофту. Несколько дней он молился, чтобы победу на выборах одержал республиканец, но теперь, казалось, что мольбы его не были услышаны. Однако ещё была надежда. Больше всего его, как и всех американцев, волновала неопределённость, это тягостное чувство, что давило изнутри.

– Ещё есть надежда. Луизиана не поддержит Хинтона. Они не допустят такого провала, – произнес он, нервно потирая руки, которые от пота уже стали липкими.

– Про Трампа говорили точно также. Однако, это не помешало ему выиграть выборы, – ехидно заметила Мирьям.

– Тогда и ситуация была вовсе другая. Идиотка, всему тебя учить надо. Хилари Клинтон слишком много из себя возомнила, к тому же мы не были готовы к тому, что страной будет править женщина. Именно поэтому, и благодаря грамотной предвыборной компании победу одержал Дональд Трамп. Сейчас же ситуация немного другая. Выборщики вообще не знают, за кого они голосуют. Я считаю, что выборы должны быть прямыми.

– По-твоему люди лучше знают, за кого им надо голосовать? По-твоему, рабочие, которые целыми днями таскают грузы в порту, стоят у станков на заводах, лучше разбираются в политике? И ты бы доверил таким людям распоряжаться судьбой нашей страны?

– Я считаю, что рабочие, у которых есть гражданство, имеют точно такие же права, как и все остальные. О чём ты вообще можешь говорить? Твой муж работает на автозаправке, он такой же рабочий, как и те, что работают на складе. Тебе и самой бы не помешало поработать немного, совсем уже жиром заплыла, как родила своего отпрыска.

– Я бы на тебя посмотрела, как бы ты разжирел, если бы тебе поставили сахарный диабет, – раззадорено прокричала Мирьям, готовая чуть ли не наброситься на своего врага.

– Да сахарный диабет и развился у тебя оттого, что ты слишком много жрала, дура. Совсем крыша у тебя поехала, – завелся Йозеп, так бы и продолжая разбрасываться бранными словами и поливать Мирьям грязью, если бы Айра не стала их разнимать.

– Хватит, прекратите, черт бы вас побрал, мешаєте же слушать! – вспльчиво вмешалась она, прибавляя громкость телевизора.

Йозеп умолк. По телевизору, что стоял на небольшом книжном столике, снова началась прямая трансляция из Вашингтона.

– Цифры очень схожи во многих штатах. На данный момент известно, что Аризона за Нормана Хинтона. Ни для кого уже нет сомнения, что сорок шестым президентом США станет Норман Хинтон, одержав победу в самых волнительных выборах за последние несколько десятков лет.

Вот он, момент истины, которого ждал весь мир. Через минуту объявят результаты самых нервных выборов, буквально вот-вот назовут человека, чьё имя увековечат в учебниках по истории, чьё имя будет звучать каждый день на всех федеральных телеканалах всех стран мира. Человек, что навсегда войдёт в историю, как яростный противник консерватизма.

– Из официальных источников известно, что Спикер Палаты Представителей Ридли Харвуд уступил место Норману Хинтону, сделав заявление по телефону.

Пот медленно начал струиться по лбу Йозепа, вызывая ещё большее раздражение, чем информация, которую доносил репортёр. Лицо его стало бледным, как мел, а руки дрожали, как у алкоголика со стажем.

– Итак, дамы и господа, – начал свою речь будущий вице-президент Стэнли Грин, – для меня огромная честь представить вам нового избранного сорок шестого президента Соединённых Штатов Америки Нормана Хинтона.

– Нет, Господи, нет, только не это. Как такое возможно!? Как такое вообще могли допустить!? Они там совсем рехнулись!? Нет, я не верю своим глазам, – пала в истерику Мирьям,

Айра тут же кинулась её успокаивать, несмотря на то, что состояние у нее тоже было близко к истерике.

Йозеп схватился за голову, увидев, как новоизбранный президент под многочисленные аплодисменты выходит из-за кулис и направляется к трибуне. Это провал, это конец. Конец всей демократии! Конец Америке! Конец всего!

– Вот, же сука, – проговорил себе под нос Йозеп, чуть не вырвав клочок волос с головы. – Чёрт, это всё-таки произошло.

Йозепу не хватило бы и целого месяца, чтобы всё осмыслить. Этой победы никак не должно было быть. Впрочем, это, казалось, было даже невозможно, судя по итогам предварительного опроса избирателей.

– Успокойся, Мирьям, всё хорошо, – Айра прижала её к себе, – Йозеп, принеси успокоительное, оно в аптечке в ванной.

* * *

– Да, мать вашу, да, это победа. ПО-БЕ-ДА! – заорал на весь дом Джеймс, разлил еще вина и залпом осушил весь бокал. – Победа! Пусть катятся к чёрту все противники Хинтона, ведь он настоящий герой. Вы верите в это, верите? – обратился он к остальным.

Дилан и Камилла все еще не могли оторвать взгляд от экрана телевизора, а Ханна удивленно поглядывала то на Джеймса, то на своих друзей, то на экран, где новоизбранный президент страны и будущий вице-президент поочередно выступали со своей речью, обсуждая итоги выборов. Ханна никогда особо не интересовалась политикой, и никогда в душе собственнно не поддерживала Нормана Хинтона, но она знала, насколько эта победа была важна для Джеймса, поэтому в какой-то мере даже была рада такому исходу.

– Да здравствует великая Америка! Да здравствует великий народ! Наконец наступит процветание нашей великой страны! – Джеймс плюхнулся на колени, подняв голову вверх. – Боже, храни Америку, – произнес он и тут же усмехнулся из-за нелепости своих слов.

* * *

– *Такого точно никто не ожидал. Это, пожалуй, самые непредсказуемые выборы, не считая выборы 2016 года...* – продолжал свою речь диктор.

– Нет, выключи, пожалуйста, этот сраный ящик, я не могу на это смотреть. Как можно было выбрать этого психопата? Они ведь все ошибаются. Они все ещё сильно пожалеют, – продолжала истерить Мирьям, заливаясь слезами.

– Господи, Йозеп, да очнись ты уже, принеси успокоительное, в аптечке в красной упаковке, – резким тоном проговорила Айра, протягивая гипоаллергенные салфетки Мирьям.

Йозеп вернулся в реальность. Победа Нормана Хинтона стала для него и для миллионов жителей настоящим ударом. Еще никогда прежде он не испытывал столько чувств, начиная от чувства безнадежности и безысходности и заканчивая сильной эмоциональной злобой и раздражительностью. И не успокаивающаяся истеричка Мирьям только лишь обостряла эти чувства. У него появилось дикое желание подойти к ней, заткнуть рот тряпкой и придушить, чтоб не вопила, но сделав глубокий расслабляющий выдох, он метнулся в ванную комнату, отыскал красную упаковку с успокоительным и, вернувшись в гостиную, вручил её Айре.

Всё нынче перемешалось в голове Йозепа. Весь мир и все представление о мире. О том, правильно ли он поступал или нет, правильно ли он жил или стоило пойти по другому пути. Его семья эмигрировала в США, когда ему было лишь два года, а Айре еще не исполнилось и девяти месяцев. Эстонский он вообще практически не знал, родители сразу приучали его

говорить на английском, объяснив ему, что теперь для них всех началась новая жизнь, что им следовало бы забыть старое. Новая страна, новые возможности, новое начало.

Но теперь все представления о процветающей Америке, о незыблемых американских традициях, о великой американской мечте стали для него столь же мифологической сущностью. Порядок вещей был нарушен, непоколебимо сбит с истинного курса. И восстановить его может только лишь одна сущность, от которой Йозеп не отворачивался ни на минуту, к которой был привязан с самого детства, которую восхвалял со всеми почестями. Самое время обратиться к Нему за помощью.

Йозеп не желал больше задерживаться в маленькой неубранной гостиной, ему срочно нужно было уединиться. Сложившиеся обстоятельства требуют решительных мер. Но сначала нужно прочитать молитву, провести минуту душевного единения со Всевышним. Он быстро двинулся по коридору в свою комнату, захлопнул дверцу на защелку. Комната была ещё более захламлена, чем гостиная, но сейчас не время наводить марафет. Вынув из тумбочки крест на чётках, набросив их на пальцы правой руки и, склонившись на колени, сложив руки вместе возле груди, он начал свои молитвы:

– Отец наш, во имя Иисуса Христа, распятого и воскресшего, я возношу свою благодарность за Твою любовь и милость, за то, что моя жизнь была ценна в Твоих глазах, и я сегодня нахожусь среди живых. Помогите мне, Господи, понять то обращение, которое Ты имеешь к нам, то доброе, что Ты нам предлагаешь, даруй нам духа святого, даруй нам Твою мудрость, чтобы мы могли понять Твои слова. Благослови всех нас, благослови этот город, эту страну, благослови всех христиан. Направь нас на путь истинный, Боже, спаси Америку...

* * *

Две полицейские машины выехали днём из города Берлингтон и направились к местной церкви, что располагалась в трёх милях от города. Во главе всей операции стоял шериф округа Дарек Роджерс, именно его инициатива была навестить Отца Джона, по располагающейся от полиции информации, в данный момент находившегося в церкви.

Погода была солнечной и приятной. В такое приятное время ощущалось острое желание прерваться от работы и сделать небольшой перерыв, но дела сами себя не сделают. Как только, припарковав автомобиль возле входа в методистскую церковь, шериф вышел из салона, тут же поправил штаны и проверил кобуру. Снаружи возле церкви на скамейке сидел пожилой мужчина. Увидев полицейский отряд, он ужаснулся, ведь сам шериф посетил это место, а значит, скорее всего, дело обстояло серьёзное.

Встав из-за скамейки, старик, не спеша шаркающей походкой приблизился к полицейским.

– Шериф Роджерс, не ожидал Вас увидеть здесь сегодня, – встретил он наряд. – Какими судьбами пожаловали?

Шериф знал этого старичка, вместе они как-то однажды пересеклись на одном из городских мероприятий, разговорились, обсудили кое-какие дела. Город Берлингтон – немногочисленный город. Здесь практически все друг с другом связаны, либо имеют общих знакомых. Именно поэтому шериф считал своей обязанностью знать, как можно больше людей из своего города, чтобы лучше справляться со своей должностью.

– Добрый день, – дружески поприветствовал он миловидного старика. Первое впечатление – самое важное, особенно для шерифа, именно поэтому он старался производить хорошее впечатление на горожан и коллег, но получалось это далеко не всегда. Такова была работа полиции. – Мне нужно поговорить с Джоном Уокером, он ведь сейчас там? – указал он на церковь.

– Отец Джон сейчас читает проповедь, его нельзя беспокоить, – ввёл в курс дела старик и откашлялся.

– Боюсь, у нас нет времени ждать окончания проповеди. Мы его заберём сейчас, – махнув полицейским он двинулся вместе с ними ко входу.

Здание церкви выглядело весьма достойно: стены были обделаны белым сайдингом, а крыша окрашена в красный цвет. Внешний косметический ремонт, что был проведён несколько недель назад, производил впечатление недавно построенной церкви. Прямо над входом возвышался большой крест, сделанный из древесины.

– Побойтесь Бога! – воскликнул старик, следуя за нарядом. – Ведь так же нельзя! Врываться прямо посреди проповеди.

– Тогда придётся сегодня закончить проповедь раньше времени, – ответил шериф, не обращая внимания на старика. Сегодня и так день был паршивым, не хватало ещё выслушивать причитания от верующих.

Столпившись возле входа, уже снаружи шериф услышал голос Отца Джона, доносившийся изнутри. Немного помешкав, взвесив все «за» и «против» и оценив последствия, он всё же твёрдо решил, что сделать это необходимо сейчас и, получив одобрительный кивок со стороны коллег, уверенно распахнул дверь.

Воздух, казалось, был наэлектризован, атмосфера была уютной, но, с каждой проведённой минутой полицейских внутри, становилась всё более напряжённой.

Вдоль дорожки по обе стороны располагались ряды скамеек, на которых сидели и слушали проповедь местные жители. Они не обращали вначале внимания на полицейских и продолжали внимать речь Отца Джона. Сам же святой Отец стоял за амвоной, на которой была раскрыта священная книга.

– «И когда Я вознесён буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрёт», – медленно проговаривал Отец Джон. – Откровение Иоанна Богослова, глава двенадцать, стих тридцать третий и тридцать четвёртый. Именно так пророк Иоанн описывает процесс спасения грешника. Ведь мы как грешники сопротивляемся Богу. И только лишь Голгофа – великий духовный магнит для нашей грешной планеты. Любовь, которая сияет с голгофского креста Божьими путями достигает сознание и сердце грешного человека.

Одет он был, как и подобает священнику, в чёрный костюм, а на шее у него виднелся белый воротничок – колоратка. Внешне он производил впечатление умного и образованного человека. Высокий и красивый тридцатичетырёхлетний мужчина, с пронизывающим глубоким, но очень добрым взглядом, с короткой ухоженной бородкой. Его длинные волосы были причёсаны назад и собраны резинкой в хвостик.

– Иисус – личный спаситель каждого из нас, – продолжал он проповедь, не обращая внимание на полицейских, что медленно продвигались вглубь церкви. – В Откровении Иоанна в шестнадцатой главе, восьмом стихе также говорится: «И Он, дух святой, когда придёт, обличит мир о грехе, о правде и о суде». В истине Бог открывает, что означает грех человека, а не то, что мы считаем. «Вот Моя правда, а не твоя правда» – говорит Бог. Дух начинает открывать, кто мы такие. Кто-то не хочет раскрыться перед Богом. Но если мы разрешаем духу святому, он откроет нам глаза и во свете истины Библии мы увидим себя так, как Бог нас видит. Мы увидим тот грех, который Бог называет грехом в нашей жизни. И после этого приходит покаяние.

Джон говорил настолько завораживающе, что невозможно было оторвать от него взгляда. Его голос, словно озарённый самим ангелом небесным, так и манил прислушаться к нему и внимать всё, что из уст пастыря будет сказано. Но шериф и его подчинённые не поддались такому очарованию.

– Деяние 5:31: «Бог возвысил Иисуса в спасителя, дабы дать Израилю и покаяние и потом и прощение грехов».

Шериф замедлил шаг, заметив, как прихожане недовольно стали на них обращать внимание, и только лишь святой Отец продолжал общаться с народом, как ни в чём не бывало.

– Каждый грех – это удар в гвоздь, который пронзился в тело нашего господина Иисуса Христа. Мы его распяли, ради нас он поднялся на крест голгофский. Закон Божий – это десять заповедей, согласно слову Павла, в послании к римлянам. Он говорит: «Я не иначе узнал грех, как посредством закона». Именно так он открывает, что такое грех в глазах Божьих.

Теперь уже люди стали шептаться, недопонимая, что на проповеди забыла полиция. Встревоженно они поворачивали головы в сторону шерифа, не смея перебивать священные слова проповедника.

– Шериф, – шёпотом взволнованно произнёс один из полицейских, – может не стоит делать этого сейчас? Люди этого не поймут.

– Отступать уже поздно, – заверил тот, потягивая руку к наручникам.

Джон Уокер сделал небольшую паузу, внимательно разглядывая непрошенных гостей, что так нагло вторглись в его царство. Здесь царит закон Божий и только лишь Он вправе судить человека за его грехи.

– Шериф Роджерс, – наконец, обратился к нему пастырь. – Решили посетить проповедь? Что же, присоединяйтесь, места хватит для всех. – Джон прекрасно понимал, что полиция явилась явно не на службу. Что уж говорить, он предполагал, что они нагрянут именно в этот день и, скорее всего, именно во время службы, поэтому визит шерифа не стал для него неприятной неожиданностью.

– Вы прекрасно знаете, зачем мы здесь, – ответил шериф, сделав ещё несколько шагов в сторону пастыря. – Джон Уокер, я вынужден взять Вас под арест. Выйдите из амвоны и повернитесь ко мне спиной.

В зале раздались голоса удивления и недовольства. Люди были в шоке, они, непременно, ждали объяснений со стороны полиции, ведь для них это было богохульство: приехать в священное место и арестовать священнослужителя прямо посреди проповеди. Они жаждали разъяснений, которые должны были убедить их в том, что данные меры столь необходимы.

– Вот он Вельзевул – подручный дьявола, – дал он новое имя шерифу. – Что мы и говорили несколько минут назад, – обратился он к народу, продолжая стоять за амвоной. – Апостол Пётр говорит: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит как рыкающий лев, ища, кого поглотить». Дьявол всегда подходит к нам лукаво. Я видел, как Вы, шериф, крались, словно и есть тот самый рыкающий лев, загоняющий свою жертву в западню. Одно я знаю точно, дьявол постоянно занят тем, чтобы мы сопротивлялись Богу, чтобы мы не слушали Бога. Он побуждает нас не повиноваться Богу.

– Прошу Вас, хватит причитать мне религиозные нотации, – опешил шериф, не ожидая такой реакции. – Думаете мне самому нравится всё это?

– «Неверующим, у которых Бог века сего ослепил умы, чтобы не воссиял им свет благовествования», – продолжал свою речь Джон, наблюдая за реакцией служащих. – Дьявол – автор всех несчастий и страданий. Но, к счастью, Бог намерен положить конец этому злу...

– Прекратите! – остановил его шериф, не выдержав больше этот бессмысленный монолог пастыря. – Мистер Уокер, я не намерен просить дважды. Вы арестованы, пройдите ко мне и повернитесь спиной. Живо!

На этот раз слова шерифа подействовали на святого Отца. Джон покорно вышел из-за амвоны и под шквал возмущённого прерыванием проповеди народа, подошёл к Роджерсу, повернулся спиной и запрокинул руки. Шериф одел на него наручники. Именно щелчок наручников ещё больше раззадорил толпу.

– Что он Вам такого сделал? Он же просто читал нам проповедь, – донеслось из возмущённой толпы. Ситуация становилась крайне напряжённой, и шериф решил поскорее убраться с этого места, пока волнения толпы не переросли во что-нибудь более серьёзное.

– Мистер Уокер, Вы имеете право хранить молчание. Всё, что Вы скажете, может быть использовано против Вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если у Вас нет адвоката, он будет предоставлен Вам государством, – зачитал права Роджерс.

Люди начали кричать и высказывать из толпы, полицейские тут же расстегнули кобуры и примкнули руки к оружию, не пока ещё не вынимая его.

– Нашего святого Отца собираются забрать. Люди, не позволим этого! – прокричал мужчина в сером костюме. Другие тоже были готовы наброситься на полицейских.

– Шериф, позвольте мне сказать пару последних слов моей пастве, – проговорил Джон, повернув голову к шерифу.

– У Вас было предостаточно времени, чтобы сказать им всё, что Вы думаете. Ваше время иссякло.

– Шериф, – не унимался тот, – оглянитесь вокруг. Вы в моём обиталище, эти люди верны мне, и они не успокоятся, пока Вы не объясните им, за что меня взяли под арест. Позвольте мне в последний раз обратиться к ним, чтобы смягчить ситуацию. Позвольте мне объяснить перед ними и не запятнать свою репутацию. А после я отвечу на все интересующие Вас вопросы.

Оглядевшись вокруг, шериф и все остальные полицейские, стоя в полной боевой готовности, осознали всё положение вещей. Сейчас всё помещение было словно заполнено газом, а любая искра со стороны народа могла привести к катастрофическим последствиям. Не хватало ещё объясняться губернатору, каким образом в храме были устроены беспорядки, в результате которых пострадали граждане и полицейские. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, шериф поддался влиянию пастыря и позволил ему произнести прощальную речь.

– Дети мои, – повернулся он к жителям, начавшим немного успокаиваться. Когда все вновь уселись на свои места, Джон продолжил, невзирая на то, что руки его были скованны. – Пророк Исаия в пятьдесят третьей главе в шестом и пятом стихе говорит: «...Господь возложил на Него грехи всех нас... Он был мучим за беззакония наши...» Иисус взял все грехи на себя. Но насколько неприятен был грех для Бога? Об этом написано в Евангелие в последних стихах о смерти Иисуса Христа. Иисус висит на кресте. Отец все грехи возложил на него. Это было так неприятно для святого Бога, что Он отвернулся от Иисуса, своего сына. Иисус очень переживал и чувствовал это отвращение Отца. – Шериф был поражён, как быстро люди утихомирились и внимательно стали слушать своего духовного наставника. – Евангелисты пишут, что из его груди вырвались слова: «Почему Ты оставил меня?» Бог оставил на время Иисуса, отвернулся от него. – Он выдержал короткую паузу. – Совершая грех, Господь смотрит на человека не лучше, чем на Христа на кресте, – взглядом он презрительно окинул шерифа. – Иоанн, первая глава, седьмой и девятый стих: «И кровь Иисуса Христа, сына Его, очищает нас от всякого греха». Нет другого средства удаления греха. Только кровь Иисуса Христа.

– Вы закончили? – задал вопрос шериф после очередной паузы, понимая, что не стоило всё же позволять святому Отцу брать власть в свои руки, при том, что руки Джона были в наручниках, он всё же прекрасно справлялся со своей задачей.

– Деяние 14:12, апостол Пётр говорит: «Ибо нет другого имени под небом данного человеком, которым надлежало бы нам спастись». А в одиннадцатом стихе сказано: «Нет другого имени. Нет другой личности, кроме Иисуса, кто может стать вашим и моим спасителем». Даром Господь предлагает избавление. Любовь его нас привлекает. Дух святой освещает, озаряет наш разум и нашу совесть. Христос брал на себя и берёт наши грехи, омывает нас в крови святой, пролитой. Нас объявляют невинными и детьми Его семьи. Детями небесного царя.

– Всё, довольно, хватит! – шериф взял Джона за локоть и повёл его к выходу, так и не дождавшись окончания проповеди.

– Через непослушание мы стали сыновьями дьявола. А через веру в жертву Иисуса Христа мы можем стать сыновьями и дочерьми нашего небесного Отца.

– Я же сказал, прекрати! – яростно произнёс шериф. – Мы все уже Вас наслушались сполна. Теперь будете причитать свои проповеди сокамерникам.

– Деяние Апостола, глава шестнадцатая, стих тридцать первый: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасёшься ты и весь дом твой» – не унимался святой Отец, при том даже не сопротивляясь шерифу, который вёл его к полицейской машине. – Вера – это рука, которая берёт Божьи дары. Кто не верит, тот по праву может считаться духовным инвалидом.

Толпа снова завелась и начала возмущаться. Полицейские своими телами пытались отгородить шерифа, ведущего арестованного проповедника, от воздействия со стороны служащих прихожан. Шериф максимально ускорил шаг, чтобы поскорее вырваться из этого злополучного места. Религиозных учений с него хватило на несколько лет вперёд.

– Иоанн, первая глава, стих двенадцатый: «А тем, которые приняли его, верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими».

– Как вам не стыдно? – кричали им вслед. – Он ведь не сделал ничего плохого.

– Господь покарает вас за это, служители Сатаны.

Один из полицейских уже распахнул дверь салона. Шериф, придерживая святому Отцу голову рукой, чтобы тот не ударился о крышу, усадил его на заднее сиденье. Затем тоже уселся подле него. Народ стал покидать церковь вслед за полицейскими, продолжая возмущённо обсуждать события. Ещё какое-то время они провожали взглядом своего кумира, пока полицейские машины не выехали на дорогу и не скрылись за горизонтом.

Почти всю дорогу до города Отец Джон просидел молча, уставившись в окно разглядывая пастбища. Он не задавал вопросов, в чём его обвиняют, поскольку и так знал причину недовольства со стороны полиции и властей. Лишь на подъезде к городу из его уст донеслось:

– Я знал, что этот день настанет.

– О чём это Вы? – поинтересовался шериф.

– Настанет тот момент, когда люди окончательно утратят веру.

– По всей видимости, вашей вере это не грозит, – насмешливо подметил один из полицейских.

– Норман Хинтон одержал победу на выборах. Это самая большая ошибка, которую могли допустить, – не обращая внимания ни на кого, проговаривал Джон. – Очень скоро вера сильно пошатнётся. Это приведёт к необратимым последствиям, которые Вы ощутите на себе, шериф Роджерс. – Он повернул голову и пристально посмотрел на него, словно пытаясь заглянуть в душу. – Запомните, последствия придётся разгребать Вам. И мне искренне жаль Вас, но Вы сами выбрали этот путь.

Никто не пытался разобрать слова священника. Машина подъехала к полицейскому участку. Шериф вывел Джона из машины и повёл его в комнату для допроса.

* * *

20 января 2025 года. День инаугурации.

– *Сегодня один из самых важных дней для всей Америки. Уже с самого утра люди по всему миру наблюдают по прямой трансляции за инаугурацией нового президента. Сейчас мы можем наблюдать, как Норман Хинтон и Дональд Трамп вместе со своими семьями направляются в Капитолий, чтобы дать присягу. Следите за новостями.*

Мир изменился. Более двух тысяч лет велись войны, одни правители свергали других правителей. Один сильный лидер вставал в противовес другому, на необъятной и прекрасной земле проливалась кровь. Земля поглотила остатки былых цивилизаций, замуровала и увековечила историю, чтобы спустя несколько веков человечество вновь могло пройти свой путь и создать свою историю. Создав новый порядок вещей и сохранив его на сотни лет, люди неосо-

знанно снова и снова губили себя и свою цивилизацию, чтобы в очередной раз доказать закономерность исторического развития Империи.

Верующие верят, что конец истории уже близок, что произойдёт второе пришествие Христа, который положит конец царству Дьявола, той злобе, которая развилась на Земле. Всё земное будет уничтожено, и останется на веки только лишь одно царство. Царство Иисуса Христа. Однако многие, в том числе и Джеймс, были уверены, что мы стоим лишь в начале нашего пути развития. Впереди неисследованные горизонты бесконечной Вселенной, которая откроет новые тайны мироздания. И только лишь человек волен сам решать, по какому пути будет развиваться новая эра.

В кабинете было слегка прохладно. Джеймс не стал закрывать окно, поскольку воздух в помещении пропитался запахом едкого дыма. Он, естественно, понимал, что на территории больницы курить строго запрещено, но именно сегодня он впервые в жизни нарушил правило и, достав сигарету из пачки «Marlboro», закинув ноги на рабочий стол, чиркнув зажигалкой, с наслаждением затянулся табачным дымом. Главное и самое первое правило любого врача, то самое, которое произносят при клятве Гиппократата – не навреди. Но ведь ты никому не навредишь, если закуришь сигарету у себя в кабинете, разве что самому себе.

По телевизору вещали трансляцию инаугурации президента Хинтона. Джеймс поражался, как прямо у всех на глазах Хинтон действовал вопреки здравому смыслу. Первое, на что все жители Америки обратили внимание – в ходе предвыборных дебатов Хинтон заявил, что считает себя приверженцем атеизма, и настроен в ходе своего президентства снизить влияние церкви на политические решения государства. Казалось бы, в одной из самых религиозных стран такое решение было опрометчивым, и победы на выборах ждать не было смысла, но в очередной раз американский народ доказал, что итоги выборов могут быть весьма непредсказуемыми.

Несколько десятилетий назад в США возникла традиция, которая честно соблюдалась до этого момента. Перед церемонией вступления новоиспеченный президент вместе со своей семьей посещал богослужение в епископальном храме Святого Иоанна. Однако президент Хинтон пренебрег данной традицией и отказался от посещения церкви, таким образом доказав, что он готов самостоятельно принимать решения вне зависимости от мнения окружающих.

Очередной бычок был потушен о дно импровизированной пепельницы, которую Джеймс смастерил из подручных средств, разрезав банку газировки пополам. Нужно было заполнить истории болезни поступивших больных, но он не мог сконцентрироваться на работе, когда на глазах всего мира решалась судьба страны. Пациенты, к сожалению, никуда не денутся, в то время как инаугурация ждать не будет.

Пока Норман Хинтон давал клятву, приложив руку на Конституцию США, Джеймс в очередной раз восхищался уверенностью своего будущего президента, ведь до него правители давали клятву ещё и на Библии. Это означает, что Хинтон сдержит слово, данное на предвыборных обещаниях. Да здравствует Великая Америка!

И вот он, час настал. Выход нового президента под шквал аплодисментов, под свист публики, Хинтон встал на трибуну и поднял правую руку. Джеймс переметнулся на другой конец кабинета поближе к телевизору, чтобы в полном объеме наблюдать за речью своего кумира.

– *Уважаемый Председатель Верховного суда Робертс*, – начал свою речь Хинтон, после того, как гул слегка утих, – *Президент Трамп, Президент Обама*, – Барак Обама слегка улыбнулся. «Постарел он за последние несколько лет», – подумал Джеймс. – *Вице-президент Грин, Спикер Палаты Представителей Харвуд, сограждане США и другие граждане всего мира, хотел бы выразить свою благодарность.* – Снова раздались аплодисменты. Джеймс тоже не хотел выделяться, несмотря на то, что находился за несколько тысяч миль один в своем кабинете, и тоже легонько хлопнул в ладоши. – *В очередной раз мы собрались здесь на торжественной церемонии передачи власти. Все мы граждане Америки сегодня сделали большой шаг*

на пути по восстановлению нашей страны, чтобы вместе мы смогли построить наше светлое будущее. Вместе мы сформируем путь на несколько лет вперёд, дабы предопределить ход истории не только нашей страны, но и всего мира. – Хинтон говорил отчетливо, чтобы каждое слово дошло до народа, не забывая при этом жестикулировать. Как предполагал Джеймс, именно ораторские качества, умение правильно поставить речь и предельно ясно на простом языке донести до всех информацию и помогли ему выделиться на фоне других кандидатов в предвыборной гонке. – *Это будет нелёгкий путь, нас ожидает долгая и упорная работа по восстановлению тех ценностей, на которых держится наша страна, но вместе мы справимся со всеми трудностями.*

Джеймс быстро распаковал новую пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и закурил. За последние пару недель количество потребляемых им сигарет увеличилось втрое. Сам же он связывал это с навалившимся стрессом на работе. Сегодня же он хотел просто абстрагироваться от всей суеты и насладиться церемонией.

– *Сегодня миллионы людей вышли на улицу,* – продолжил Хинтон, – *миллионы людей по всему миру наблюдают за этим событием, чтобы стать свидетелем триумфа возвращения Америке её былого величия. Прямо сегодня двадцатого января две тысячи двадцать пятого года вы стали свидетелями беспрецедентного движения, которого мир ещё не видывал.*

Снова разнесся шквал аплодисментов. Джеймс же на минуту задумался, сколько сейчас в Вашингтоне собралось протестных акций против Нормана Хинтона? Люди разделились на три лагеря: те, кто поддерживал нового президента, те кто объявили забастовку и те, кто индифферентно остался сидеть дома. Впрочем, такое происходило практически на каждой инаугурации, ничего удивительно. Джеймс также вдруг осознал, сколько сейчас людей могут поступить в больницу с психозами либо с другими обострениями. У него даже мелькнула мысль провести через пару месяцев статистику госпитализированных в больницу. Быть может даже получится провести исследовательскую работу, а там и научную статью можно будет написать. Но не время сейчас рассуждать, нельзя отвлекаться. Овации поутихли и Хинтон вновь продолжил выступление.

– *Всё это время наш славный народ жил в страхе за своё будущее. Миллионы долларов из бюджета вкладывались в здравоохранение, но люди не получали должной медицинской помощи, было проведено множество образовательных реформ, но школьники и студенты не получали нужных знаний. Вместе с этим никуда не делась преступность, наркоторговля и коррупция, несмотря на все попытки пресечь эти злодеяния на корню. Все эти факторы не дают нашей стране подняться с колен и доказать всему миру, что Соединённые Штаты Америки – это сверхдержава не только на словах, но и на деле.*

Даже в таком небольшом прокуренном кабинете в воздухе веяло духом патриотизма. Была бы воля Джеймса, он бы в миг исполнил гимн своей страны, приложив руку к сердцу. Ещё никогда он не испытывал такую гордость, что вот оно, будущее, которое так и стучит в двери, нужно лишь слегка приоткрыть эту дверь и пустить к себе в душу. К сожалению, люди боятся даже слегка заглянуть за завесу, они боятся увидеть там нечто такое, чего не смогут воспринять. Именно поэтому все технологические прорывы происходят постепенно. И как же приятно, что в мире есть такие люди, готовые сбросить бранные оковы древности и пройти по истинному пути совершенства.

– *Я всегда был убеждён, что страна должна прежде всего защищать интересы народа. К сожалению, многие мои предшественники забывали об этом. Сегодня я дал присягу перед всеми вами, перед гражданами нашей страны, моя победа на выборах – это ваша победа. И требования народа для меня предельно ясны – это предоставление рабочих мест, это хорошая зарплата, достойное образование и высококвалифицированная медицинская помощь. У нас с вами единая цель и по достижению этой цели мы построим великое будущее.*

– Будущее, которое мы все заслужили! – воскликнул Джеймс, докуривая очередную сигарету, и снова приоткрыл окно, чтоб хоть немного улетучился запах табачного дыма. Не хватало, чтоб еще датчики пожаротушения сработали. К счастью, Джеймс как-то ради интереса проверил датчик в своём кабинете и понял, что он работает только в случае, если всё помещение будет задымлено.

– Сегодня мы зададим новый курс и будем следовать по нему, Америка будет развиваться по новому направлению. Мы создадим новые научно-исследовательские институты, чтобы наши научные достижения совершили инновационный переворот. Мы тратили триллионы долларов, чтобы обеспечить другие страны, но забывали, что наша страна также нуждается в финансах. Пока Америка вмешивалась в дела других стран, наша страна испытывала серьёзные трудности: рос внешний долг, росли цены, увеличивался уровень безработицы и процветала бедность. Пока я буду находиться у власти, только американские интересы будут стоять в приоритете, только интересы нашей страны будут стоять на первом месте.

Ещё никогда прежде Джеймс не ходил на выборы и уж тем более не смотрел инаугурацию президента. Голосование на выборах он всегда считал фикцией, очередной способ привлечь к себе внимание. Пока политики кричали с трибун, поливали друг друга грязью, давали ложные обещания, народ позволял им себя дурачить. Но вечно вешать лапшу на уши невозможно, рано или поздно тебя раскусят, и тогда уже придется так или иначе отвечать за свои слова и поступки. Но теперь настало время разорвать это порочный круг безнравственности и поменять ход истории.

– Америка никогда не проявляла свою слабость, и всё это только благодаря сильному духу американского народа. Наши духовные скрепы помогли нам сохранять гордость и честь даже в самые трудные времена. Наш народ всегда был образцом единения, в нашей стране проживают представители разных этнических групп, разных национальностей и разной расовой принадлежности. – Крупным планом камера навела на Дональда и Меланью Трамп. Несмотря на свой возраст она до сих пор впечатляла многих мужчин. Для многих это смысл жизни – жить с роскошной красавицей модельной внешности, имея на счету три миллиарда долларов и управляя самой могущественной страной за всю историю человечества. – И несмотря на столь многочисленные различия народа, – камера снова переключилась на Хинтона, – мы смогли достичь великих побед, и это только благодаря нашему национальному характеру. Благодаря американской системе ценностей мы смогли создать собственную формулу успеха. И только с помощью вашей поддержки мы добьёмся таких успехов, которых весь мир будет добиваться ещё очень долго. Мы восстановим Америку с помощью нового правильного политического курса. Мы на своём собственном примере покажем другим странам, как должна развиваться великая держава.

Джеймс сложил в стопку истории болезни и поместил их в шкаф. Работа никуда не денется, но чем раньше он разберётся с документацией, тем раньше сможет уйти с работы и продолжить праздновать столь значимый день. К тому же, у него уже запланирована на сегодня встреча в ресторане, где он вместе с Ханной, Диланом и Камиллой сможет, наконец, отвлечься от повседневных забот.

Выбросив импровизированную пепельницу в урну, разобрав небольшой беспорядок на рабочем столе, он уселся на диван, чтобы продолжить слушать речь президента. Время ещё позволяло уделить Хинтону пару минут. Пока Джеймс разбирал беспорядок он даже нашёл несколько плюсов того, что его кабинет небольших размеров по сравнению с другими кабинетами врачей, которые заведовали отделениями в больнице. Не нужно тратить много времени, чтобы перетащить предметы в другой конец комнаты, практически всё необходимое находится на расстоянии вытянутой руки. Справа от рабочего стола небольшой шкаф, забитый учебным пособием по психиатрии, а также пронумерованными папками с историями болезни, нормаль-

ной и патологической физиологией организма, нейрофизиологией и учебник по неврологии, который он сохранил еще со студенческих времён. И еще куча документов, сложенных стопкой. Слева от стола не слишком удобный, но всё же, выполняющий свои функции черный диван. Спереди от стола у противоположной стены небольшой комод, на котором стоял телевизор. Сама атмосфера в кабинете была весьма уютной и приятной и настраивала на рабочую обстановку.

– Мы должны открыто говорить о своих намерениях всему миру, но мы не должны навязывать интересы нашей страны другим странам, мы всегда будем стремиться поддерживать дружеские отношения со всеми государствами, если их интересы будут совпадать с нашими, мы будем налаживать дипломатические отношения, чтобы укрепить нашу позицию на международной арене.

В дверь кабинета раздался стук. Джеймс не успел ничего сказать, как уже вошёл Дилан.

– Я не отвлекаю? – Спросил он, закрывая за собой дверь.

– Нет, я уже скоро освобожусь, – проговорил Джеймс, неуклюже поднимаясь с дивана.

– Смотришь инаугурацию Хинтона? – обратил тот внимание. – Я слышал, что он пренебрег давним традициям и не стал клясться на Библии. Это вообще нормально? И народ так спокойно на это отреагировал?

Вот что Джеймсу всегда нравилось в Дилане, так это его простота. С ним всегда было легко общаться. Они познакомились ещё в университете, с тех пор были опорой друг для друга. Несмотря на то, что Джеймс стал заведующим отделением, это несколько не повлияло на их отношения. Джеймс никогда не играл перед Диланом в начальника, и всегда с уважением на равных относился к своему другу.

Помнится, в медицинской школе Дилан всегда пользовался популярностью среди представительниц женского пола. Да и как можно было не влюбиться столь очаровательного и симпатичного молодого человека. С его внешности можно было рисовать портреты, а каштановые волосы, с поднятой гладко уложенной чёлкой соблазняли даже самых устойчивых девушек и недотрог. Джеймс тоже был приятной наружности, но никогда не пользовался такой популярностью, из-за чего в глубине души завидовал своему другу. Но времена изменились, сейчас Дилан уже женат на прекрасной Камилле, а Джеймс встречается с красоткой Ханной.

– Народ и сам не знает, чего хочет. Поэтому им и нужен пастух, который не побоится поменять систему ценностей ради будущего нашей страны, – объяснил Джеймс, пряча пачку сигарет в ящик стола. Разумеется, Дилан бы спокойно отреагировал на то, что Джеймс курит у себя в кабинете, но привлекать к себе лишнее внимание не стоило. – Сейчас уже закончится, ещё пару минут.

Между тем речь президента Хинтона подходила к концу. Напоследок он напомнил всему народу, почему выбор его в качестве главы государства – самое правильное на данный момент решение.

– Мы должны гордиться, что живём в такой замечательной стране, по нашим венам течёт кровь патриотов. Мы снова сделаем Америку великой державой, безопасной страной. Страной будущего, где будет процветать наука, экономика, страной, где прежде всего будут стоять интересы граждан. И мы гордо поднимем флаг нашей страны, как символ великой империи и непоколебимого духа и отваги великого американского народа. Мы снова заставим всех гордиться Америкой, спасибо вам всем, что сделали первый шаг на пути к процветанию этой страны.

– Этот человек первый, кто заслуживает моего уважения, – проговорил Джеймс.

Инаугурационная речь Президента подошла к концу. Джеймс не спеша стал снова переключаться на работу.

– Что ты хотел, Дилан?

– Нужно расписаться в истории болезни, – Дилан протянул папку и уселся на диван. По телевизору показывали, как Норман Хинтон пожимал руку всем высшим государственным чинам, включая и Дональду Трампу. – Ты не представляешь, какой случай произошел сегодня у меня.

– За все время, что я здесь работаю, я повидал многое, что порой не описать обычными словами. Меня трудно удивить, но я весь внимание. – Джеймс черкнул ручкой по листу.

– Я ведь вчера работал в психиатрической бригаде, – начал Дилан. – Вчера ближе к вечеру поступил вызов, какая-то полоумная мать била своего ребенка, называла её грешницей, заперла в комнате и приказала искупить свои грехи. В общем у матери помрачнение сознания и психозы на религиозном фоне.

Дело обстояло так...

Очередной рабочий день. Дилан уставился в окно скорой помощи, наблюдая за тем, как мир вокруг проносится в безмятежном спокойствии. Людям все равно, что кому-то стало плохо, кто-то умирает, кто-то задыхается от сердечного приступа, кто-то стонет от боли переломанных костей, а кто-то не может отличить вымысел от реальности. Каждый занят своими делами, ведь в мире гораздо легче жить, находясь в узком кругу исключительно своих потребностей и интересов.

Машина скорой помощи подъехала напрямик ко двору, наполненному людьми в полицейской форме. Когда в дело вмешивается полиция, значит дело обстоит плохо, вероятнее всего имеет место острый психоз с помрачнением сознания. Дилан и на этот раз не ошибся.

Выйдя из машины, он направился к полицейскому, стоявшему возле входной двери. Тот мрачно смотрел на медработников, но не от того, что их не любил, а от того, что сам по себе у него был мрачный взгляд.

– Что у вас здесь? – с ходу спросил Дилан, готовясь к очередному приёму пациента.

– Примерно час назад поступил вызов, – сообщил коп, поправляя полицейскую фуражку, – соседи слышали крики в доме и стук бьющейся посуды. Приехал наряд, на стук в дверь никто не отреагировал, но уже и они услышали крики. Разбили окно, ворвались в дом. Женщина в истерике била свою дочку, кричала что-то типа о греховности и требовала свою дочь покаяться в грехах. Мы попытались её вразумить, но она и слушать нас не хочет.

– Всё понятно, офицер. Спасибо вам, дальше мы сами, – проговорил Джеймс и направился вместе с санитарями в дом, откуда по-прежнему доносились одиночные крики.

Внутри всё было чисто и убрано, словно дом был выставлен на продажу. Он не производил впечатления обжитого, видимо, хозяйка здесь была помешана на чистоте. Исключение составляли осколки тарелки на кухне, видимо разбитые в ходе ссоры, и разорванные листы, разбросанные по всему полу. Женщина находилась в гостиной, под присмотром двух полицейских. Дочери рядом не было, по всей видимости, её увели в другую комнату.

Женщина была достаточно ухоженной, но не стремящейся к красоте. Косметики на её лице, очевидно, не было достаточно давно. Одета она была скромно – черный сарафан, полностью покрывающий руки и длинная до пола юбка. Она беспокойно метала взглядом по всей комнате, но ни на кого из присутствующих не обращала внимания. И только лишь молитвы доносились из её уст.

– Верую в единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего и видимого, и невидимого. И в единого господина Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от отца рождённого прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, Несотворенного, единосущного Отцу, через Которого всё произошло...

– Мэм, с Вами всё в порядке? – задал вопрос Дилан, осторожно приближаясь к ней. Полицейские встали позади женщины, а двое санитаров приближались с обеих сторон.

Дилан также успел заметить, что гостиная была обвешана различной христианской атрибутикой, иконами и крестом с распятым Иисусом Христом.

– ...Ради нас, людей, и нашего ради спасения, сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося. Распятого же за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребённого. И воскресшего в третий день, по Писаниям. И восшедшего на небеса, и сидящего справа от Отца. И снова грядущего со славою судить живых и мёртвых, и Царству Его не будет конца. И в Духа Святого, Господа, Животворящего, от Отца исходящего, с Отцом и Сыном равно поклоняемого и славимого, говорившего чрез пророков...

– Мэм, Вы слышите меня? – повторил Дилан и легонько схватил женщину за руку. Сейчас она была как динамит, а Дилан мог сыграть роль детонатора. В психиатрии никогда не знаешь, чего можно ожидать от пациента.

– ...Во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Признаю одно Крещение для прощения грехов. Ожидаю воскресения мёртвых и жизни будущего века. – Женщина перестала метаться безумным взглядом и посмотрела на Дилана. Она вырвала руку и отпрянула от него, но уперлась в полицейского.

Бомба сработала. Женщина попыталась оттолкнуться от полицейского, но тот крепко схватил её за руки. Двое санитаров тут же подбежали и не дали ей нанести кому-либо увечья, схватили за плечи и повели к машине. Женщина в свою очередь всячески сопротивлялась и пыталась упираться ногами, при этом громко и истерично крича на всех присутствующих.

– Дьявол, в неё вселился дьявол, он ведёт её прямиков в ад! Она должна искупить свои грехи! Грешница! Вы все грешники, наследники Сатаны, исчадие ада. Господь наш Всемогущий, благослови же и защити меня от этого дьявольского отродья. Благослови, ибо благословен будет тот, кто принимал уста твои. Вас всех настигнет кара. Отпустите же меня, – она попыталась исцарапать лицо санитаря, но поскольку помимо косметики она не пользовалась педикюром и не выращивала ногти, её план провалился.

– Ну что же, – выдохнул Дилан, когда женщину затолкали в машину и её истерические крики поутихли. – Теперь я хотел бы поговорить с её дочерью.

Полицейские поняли с полуслова и быстро привели из комнаты девочку, на вид лет шестнадцати, милой наружности. Одетая она также была скромно: серая кофта почти покрывала руки, но зоркий глаз Дилана сразу же заметил несколько едва выступающих шрамов на сгибательной стороне предплечья левой руки. Стало очевидно, что она нанесла их сама себе лезвием, пытаясь таким способом покончить жизнь самоубийством. Похоже, что помимо матери придётся забрать и её ребёнка, которому предстоит долгий курс психотерапии. Один только чёрт знает, как эта верующая мать воспитывала своё чадо.

– Привет, меня зовут Дилан, я работаю врачом в психиатрической больнице. А тебя как зовут? – задал он вопрос, усаживаясь на диван напротив зашуганной девочки.

– Мелинда, – скромно проговорила девочка.

– Мелинда, очень приятно. Расскажи мне, что здесь произошло, до того, как приехала полиция? Расскажи мне всё подробно и в деталях.

Она говорила много. Всё описывала весьма подробно, как и просил Дилан. На удивление Дилана, Мелинда хоть и производила впечатление зажатого ребёнка, прекрасно себя чувствовала при разговоре с психиатром. Пока она оживлённо рассказывала о начале конфликта с матерью, Дилан делал пометки в листе сбора анамнеза. «Правильно ориентирована в месте, времени и собственной личности. Внешне опрятна. Эмоциональные реакции синтонные, адекватные. На вопросы отвечает по существу. Настроение снижено», – черкнул Дилан в разделе «Психический статус» и продолжил слушать Мелинду, не забывая записывать важные моменты.

Из рассказа Мелинды стало ясно, что всё это началось около месяца назад. Юная красавица хотела только одного – любить и быть любимой. Против природы не пойдёшь, разумеется

она привлекала внимание многих парней, но был среди них всех один особенный. Из хорошей образованной семьи, красавец, каких мало. Имел множество наград в старшей школе, да и просто парень с хорошей репутацией, который пригласил юную Мелинду на школьный бал. Она не смогла отказаться, все девочки мечтают танцевать на школьном балу.

Он был с ней добр и обходителен, хорошо воспитан, всегда проявлял знаки внимания. Не позволял каких-либо дурных намёков. И ей с ним было хорошо. Они веселились, она хохотала над его шутками, он парень юморной, веселил от души. На дворе было темно, слегка прохладно. Он отдал ей свою куртку, они шли, держась за руки, по пустынной улице, обсуждая не слишком-то важные темы.

Вот они и достигли её дома. Она вернула ему его куртку, он улыбнулся, нежно обнял её и, как истинный джентльмен, проводив девушку до дома, помахав ручкой, направился к себе домой. Она ещё какое-то время постояла возле двери, провожая его взглядом и, когда уже силуэт его скрылся за горизонтом, вошла в дом.

Атмосфера в доме царилла другая. Мелинде не очень хотелось возвращаться домой, она решила быстро поужинать, поскорее сделать домашнее задание и лечь спать, чтобы как можно скорее встретиться в школе со своим предметом воздыхания. Она направилась на кухню, в надежде, что мать моется в душе или занята своими вечерними молитвами. Но её надежды не оправдались.

– Ты видела который час? – строго спросила мать, моя посуду.

– Всего-то восемь часов мама, ещё не так поздно, – начала оправдываться Мелинда.

Мелинда всегда была домашней девочкой, она редко выбиралась за пределы своей зоны комфорта, у неё было не так много подруг, именно поэтому она никак не могла понять, почему мама не может порадоваться за неё, что она выбралась из дома, чтобы пообщаться со сверстниками.

– Ты уже должна была в это время быть дома, занятия в школе давно закончились. Тебе не стоило больше нигде задерживаться. Ты должна только и посещать школу и дом, школу и дом. И не забывать молиться. Я не слышала, чтобы ты вчера молилась перед сном.

– Мама, я должна тебе кое-что сказать, – перебила её Мелинда. Помявшись, она всё же озвучила, что хотела. – Меня пригласили на школьный бал. Представляешь, я пойду на школьный бал, – радостно воскликнула Мелинда, но её мать явно была не в восторге.

– Вот оно что. Вот оно что, – дважды повторила мать и обессиленно плюхнулась прямо на кухонный стул. – Этого я и боялась, что этот день когда-нибудь наступит.

– Мама, о чём ты говоришь? Это ведь прекрасно. Я буду танцевать на школьном балу с самым красивым парнем. Да все мне только позавидуют. Разве ты в юности не танцевала на балу?

– Боже, какой ужас, – мрачно промолвила мать, обхватив голову руками. – Ты дотрагивалась до мальчика, ты шла рядом с ним. Тебе не стоило этого делать. Они все одинаковые. Он только и сделает, что воспользуется тобой где-нибудь в старом, пропахшем дешёвым пивом и сигаретами автомобиле, и бросит тебя одну посреди тёмного леса. О да, я знаю его мысли, они все мыслят одинаково. Им всем от нас, женщин, нужно только одно. Чтобы их ублажали. А они и пальцем не пошевелят, чтобы сделать для нас что-нибудь приятное.

– Нет, мама, он очень хороший, он не такой, как ты говоришь. Он очень приятный и воспитанный, он никогда не причинит мне зла.

– Всё, хватит! – перебила мать, хлопнув рукой по столу. – Наивное дитя, ты не знаешь с чем связываешься. Но ничего, я помогу тебе обрести ясность ума. Ты не пойдёшь на бал, ты останешься здесь и будешь делать то, что должна делать каждая уважающая себя девушка.

– Нет, мама, я пойду на бал, ты не посмеешь, – пустилась в слёзы Мелинда.

– Прекрати! Я не потерплю неуважения ко мне в моём доме. Ты должна осознать свою вину и просить прощения. Марш к себе в комнату, и проси прощения вначале у Господа нашего.

– Нет, мама, нет. Я не буду этого делать.

Мать не стала церемониться с ней. Она подошла к своей дочери и силой, схватив за руки и волосы, потащила её в комнату.

– Греховное дитя, как ты только посмела упрямяться мне и Богу нашему? Сейчас же я тебя образумлю. Господи, наставь эту девочку и вразуми её, чтоб была она безгрешна.

– Мама, отпусти, мне же больно, – взвыла Мелинда, вцепившись в руку своей матери.

Она затолкала свою дочь в комнату и закрыла дверь на замок. У Мелинды на глазах выступили слёзы. Ещё никогда ей не было так тошно и противно находиться в собственном доме. И даже самый родной и единственный в этом доме человек обратился с ней, как с животным. Мелинда всегда была верующим человеком, но ни на столько, чтобы её вера доходила до абсурда. Её мать сама установила правила, которыми её дочь должна была руководствоваться на протяжении всей жизни, аргументируя это цитатами, которых даже в Библии нет. Мелинда знала это, потому что провела много времени, изучая священное Писание от корки до корки.

– Царь Небесный, Утешитель, Дух истины, – начала молиться мать, не отходя от двери, – везде пребывающий и всё наполняющий, Источник благ и Податель жизни, приди и вселись в нас и очисти нас от всякого греха и спаси, Благой, души наши.

Мелинда не стала даже слушать свою мать в этот вечер. Она кинулась на кровать, отвернулась к стенке и в слезах, посапывая уснула так и не поужинав. На следующий день она попыталась покончить с собой, перерезав вены в ванной, но не смогла довести свой план до конца. Весь вечер она только и думала, как бы скорее выбраться из этого дома.

Через три недели, когда бал уже был на носу, Мелинда вдруг осознала, что у неё нет подходящего платья, на котором было бы не стыдно показаться перед сверстниками в школе. В гардеробе у неё были одни только блузки, да монашеские юбки размером до пола. Даже туфель на каблуке у неё не оказалось. К счастью, у Мелинды была подруга, которая с радостью поделилась одним из своих элегантных и роскошных платьев, которое отлично подходило Мелинде по размеру. Счастью не было предела, пока мать Мелинды не увидела свою дочь, примерявшую платье у зеркала.

– Боже милостивый, избави нас от Лукавого, – не выдержала она.

– Мама, ну прекрати. Хватит уже, я всё равно пойду на бал. – Мелинда настойчиво отстаивала своё желание пойти на вечеринку, к которой большинство девушек готовятся за несколько месяцев.

– Посмотри же ты на себя, в кого ты превратилась. В развратницу: открыты руки, открыты ноги, ещё и эти каблуки. Ты не должна никому показывать своё тело.

– Мама, это же платье, мне что же в монашеской рясе идти на бал? Там ведь все будут красивые.

– Я так и думала, жизнь ничему тебя не учит, глупое дитя. Недостаточно было услышано моих молитв. Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твоё; да приидёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

– Мама, прекрати. Ну почему ты не можешь хоть раз за меня порадоваться? Неужели тебе всё равно? Ты вообще не замечаешь, что происходит вокруг тебя. С тех пор, как умер папа, ты только и делаешь, что молишься и молишься, и не замечаешь, как проходит жизнь мимо тебя. Я уже давно не маленькая наивная девочка, я тоже хочу быть счастливой. Я не хочу всю жизнь проходить в монашеском одеянии и спать с Библией в руках, я хочу, как и все девочки,

гулять с парнями, проводить время с подругами, веселиться, как все нормальные школьницы. Почему ты не позволяешь мне этого, почему ты не радуешься вместе со мной, что я иду на бал, почему ты меня так сильно ненавидишь?

Мать на какое-то время встала в ступор. Но ненадолго, вскоре она ответила своей дочери:

– Я не ненавижу тебя, я хочу уберечь тебя. Твой отец оставил меня одну в этом грешном мире, и я не знала, как мне справиться со всем этим. Но мне помог Бог, он указал мне на путь, он помог мне обрести свет в темноте незнания истины Божьей.

– Ну вот снова ты за своё. Мне не нужна защита, по крайней мере не такая.

– В тебя вселился бес, это он говорит твоими устами.

– Мама, прекрати, я устала слушать всё это. Ты никак не уймёшься. Нет никакого беса или лукавого. Хватит находить оправдания своим эгоистичным поступкам.

Мелинда надела браслет на то место левой руки, где красовался шрам от пореза лезвием, чтобы его было не так заметно.

– Нет, моя родная дочь никогда бы такое не сказала. Ты должна покаяться в своих грехах. Выброси это платье, и мы вместе будем молить Бога о прощении. Позвони этому парню, скажи, что не сможешь прийти, скажи, что заболела.

– Нет, мама, завтра самый важный день в моей жизни, и ты не посмеешь испортить мне его. Я пойду в этом платье на бал и стану самой счастливой. А ты порадуешься за меня, мама. Ты будешь гордиться, что у тебя выросла такая прекрасная дочь.

– Этот твой бал один сплошной разврат, порождение дьявола. Ты не пойдешь туда, я не позволю тебе оступиться своей веры.

– Да что ты такое говоришь, разве в Библии написано, что нельзя ходить на школьный бал? Мама, ты совсем уже не знаешь о чём говоришь. Прошу тебя, замолчи, я не хочу больше тебя слушать.

Этого было достаточно, чтобы разгорелся новый конфликт. На этот раз мать не стала церемониться с дочерью и силой заставила сесть в гостиной на колени и раскрыть Библию, внимательно читать молитвы об искуплении. Мелинда долго терпела унижения от матери, всю злобу она выплеснула, когда разорвала священную книгу прямо у матери на глазах. Такого мать точно потерпеть не могла. Весь дом был наполнен криками, звоном бьющейся посуды. Еще никогда её мать не опускалась до рукоприкладства, чтобы избивать свою дочь, ей пришлось переступить через себя. Платье было разорвано в ходе потасовки, на коже у Мелинды ещё долго будут сходить синяки. К счастью, бдительные соседи услышали крики, доносящиеся из дома и вызвали полицию.

– Судя по рассказу, мать все время твердила, что не по-христиански встречаться с мальчиками, оголять участки тела, забывать читать молитвы. Но, очевидно, по-христиански избивать свою родную дочь за непослушание и не подчинение своим же надуманным правилам. – Джеймс покончил с историей болезни и вернул папку Дилану.

– Девочка сейчас проходит курс психотерапии, а её мать находится в палате под воздействием галоперидола. Очевидно, у неё будет время пересмотреть свои взгляды касательно религиозных убеждений, – резюмировал Дилан. – Ребхорн взялся её курировать.

– А ему то какое до неё дело? – поинтересовался Джеймс.

– Без понятия, тебе лучше самому его об этом спросить. – Дилан вышел из кабинета, оставив Джеймса одного в размышлениях.

Гидеон Ребхорн был отличным первоклассным специалистом в психиатрическом центре. Он был старше Джеймса на восемь лет, и первым метил на должность заведующего психиатрическим стационаром. Но его практически принадлежавшее по праву место занял молодой и с большими перспективами Джеймс, тем самым подогрев небольшую вражду. Сам же Джеймс никогда не вступал в прямые конфронтации, но всячески улавливал негативные дей-

ствия и попытки очернить имидж со стороны своего неприятеля. Однако Джеймс давно уже перестал обращать на то внимание, должность заведующего отделением требовала невероятной отлаженной работы, и времени уделять внимание таким мелочам у Джеймса не было.

Вечером того же дня Джеймс, Ханна, Дилан и Камилла посетили один из ресторанов Берлингтона, где решили обсудить нынешнее положение в политике, рассказать забавные истории о работе, да и просто расслабиться под классическую музыку, испив несколько бокалов недорогого шампанского. Им нравилось по выходным выбираться в различные заведения или на природу. Джеймс всегда считал, что лучший отдых – это активный отдых, именно поэтому в последнее время всегда был инициатором различных мероприятий.

Обстановка в ресторане была весьма уютной и предрасполагающей к активной беседе в кругу друзей. Также одним из плюсов можно было выделить соотношение цены и качества поставляемых блюд, что несомненно, не могло не радовать.

В ходе непринуждённой беседы друзья обсудили начальника Камиллы, который только и умеет, что просиживать вмятину на кресле, да липкими от жира руками пачкать клавиатуру, не забывая при том закусывать куриными ребрышками, смоченными в сливочном соусе и запивать всё это колой. Девушки обсудили новый ассортимент товаров в местном торговом центре, парни же обсуждали работу и уникальные клинические случаи, которые происходят почти каждый день. Дилан с энтузиазмом вспоминал время учёбы и студенческую жизнь, Джеймс кивал в ответ, ведь для него настоящая жизнь началась после медицинской школы. И, конечно же, дело не обошлось без обсуждения политики, пожалуй, самая актуальная тема, которая звучала из каждого уст. Президента Хинтона не обсуждал только ленивый, а Джеймса нельзя было назвать ленивым.

– Я считаю, что на Нормана Хинтона возлагают слишком большие надежды, кои он не оправдает, народ слепо верит человеку, о котором еще три года назад никто и знать не знал, – высказался Дилан, и опробовал свежую рыбу из тофу.

– Вот тут ты ошибаешься, – подметил Джеймс, поправил багровый галстук, испил из бокала шампанское и продолжил. – Очередная ошибка не только тебя, но и многих: вы смотрите на него, как на политика. Как на президента, теперь уже можно и так сказать. Я же смотрю на него, прежде всего, как на человека. Обычного простого человека, которого вы можете встретить на улице или в очереди в продуктовом отделе местного супермаркета. Да, он не является владельцем миллиарда долларов, у него нет шикарного трёхэтажного особняка, у него нет красавицы жены модели с обложки глянцевого журнала. Он обычный простой бизнесмен, который сам научился добиваться в жизни высот, который сам выдвинул свою кандидатуру и, не без помощи отличной предвыборной компании, как я считаю, был избран народом. Это и отличает его от других кандидатов, он, в отличие от остальных, знает, чего хочет получить от этой должности. – Джеймс чуть было не поперхнулся, но успел шампанским промочить горло.

– И чего же он хочет? – с ухмылкой спросила Камилла, и уставилась на Джеймса. Ханну также это заинтриговало, она с нетерпением стала ждать, когда Джеймс прожует кусок телятины по-милански, и сможет продолжить разговор.

– В корне изменить этот мир, – ответил Джеймс и, заметив удивлённый взгляд на лице своих друзей, тут же поспешил пояснить, – всё это время мы жили по определённым законам, возведённые в рамки общих понятий. И это правильно, человек на то и придумал законы, ведь по ним гораздо проще становится жить. Нарушил закон – будь добр, ответь за это. Не нарушал – молодец, получишь вознаграждение. Всё это время человек был вынужден сосуществовать по определённым правилам и стандартам, если хотел нормально жить в этом мире и взаимодействовать с социумом. Нет, можно конечно было стать отшельником, пуститься куда-

нибудь в Мексику, в глубину джунглей и жить так, как тебе хочется. Но разве это можно было назвать цивилизованной жизнью?

– Разве отшельничество имеет какое-то отношение к Норману Хинтону? – тут же перебила его Камилла, на что Джеймс, слегка обескураженный, что его сбили с мысли, тут же нашёл, что ответить.

– Нет же, фишка не в том, что ты отшельник или изгой. Я имел в виду, что законы – это самое важное, что мог придумать человек, и предельно важно, что он им следовал. Но так повелось, что законы постоянно меняются. Сегодня, к примеру, официально запрещено продавать марихуану в штате Вермонт. Но вот придёт новый сенатор, и легализует лёгкие наркотики. Или проституция, например. Во многих странах сейчас практикуется легализация этого вида деятельности. – Музыка в ресторане сменилась с классической на современную летнюю поп-музыку. Джеймс оглянулся по сторонам в поисках виновника таких изменений, но не нашёл его и не стал прерывать свой разговор. – И законы эти, я считаю, вправе устанавливать только государство. Только государство может решать, как нам жить, как нам работать, как нам защищать свою страну, как нам сделать так, чтобы наша экономика не рухнула в одночасье. Ведь только специально обученные этому ремеслу политики, экономисты, военные генералы и прочие должны решать такие важные вопросы государственного масштаба. И мы не смеем им перечить, у нас ведь нет повода им не доверять.

– Вообще-то есть, – снова вмешалась Камилла, переходя с горячего блюда на десерт. Джеймс уставился на бисквитное пирожное и пожалел, что сам его не заказал. В этом ресторане делают отличное бисквитное пирожное. – Не всегда страной управляют знающие люди. Ты может быть забыл о таком деянии, как коррупция. Никуда не делись гангстеры, история помнит множество моментов, когда государство было вынуждено подчиняться законам преступных группировок.

– Ты чертовски права, Камилла. Всё, что ты сейчас перечислила – это важнейший проблемы человечества, которые мы пытаемся решить. Но есть ещё одна не менее важная проблема, которая, к сожалению, несмотря на то, что мир всё больше развивается в сторону научного прогресса, не даёт нам переступить через порог на новую ветвь эволюции.

Вот тут Дилан, Камилла и Ханна, наконец, поняли, к чему всё время клонил Джеймс. Самая волнующая тема не только всех присутствующих за столом, но и всех американцев. Всего мира.

– Ты видно хочешь сказать о предвзятом отношении Нормана Хинтона к религиозным организациям? – довёл Дилан мысль Джеймса до конца после небольшой паузы. – Тем самым наплевав на давние традиции.

– Да кому нужны эти традиции? – недоумённо обратился Джеймс к своим друзьям. – Традиции – это пережитки прошлого. Мы ведь не хотим жить прошлым, мы хотим двигаться в будущее. В конце концов, можно создать новые традиции. Я считаю, что пора снять оковы и не бояться идти вперёд. Именно таким я вижу Хинтона, человека, готового разорвать эту цепь вопреки всем негодующим.

Джеймс стал улавливать, что стучит правой ногой в такт музыки. Видимо, смена композиции пришлась весьма кстати. Официант стоял в стороне, ожидая, что со столика потребуют счёт или закажут что-нибудь ещё. Но поскольку столик был забронирован ещё как минимум на пол часа, Джеймс и его компания не собирались никуда спешить.

– Не вижу ничего плохого в том, чтобы прошлое всегда оставалось с нами, как напоминание о совершённых ошибках, – сказала Камилла. Джеймс усмехнулся. Дилан это заметил.

– Не думал, что услышу от тебя такие слова, – Джеймс стал нащупывать во внутреннем кармане пачку сигарет. После вкусной еды и несколько бокалов шампанского безумно хотелось курить. – Вспомни себя четыре года назад, когда тебя бросил человек, которого ты любила.

– Джеймс, может не надо? – вступила в разговор Ханна.

– Нет, ничего, всё нормально, – заверила Камилла. – Я хочу послушать. Продолжай.

– Так вот, вспомни, в каком ты была состоянии. Вспомни, как тебе было одиноко и грустно, как ты неделями не выходила из квартиры, как плакала, отвернувшись в стенку. А всё потому, что ты жила в тот момент приятными воспоминаниями из прошлого, которые уже не могла вернуть. Прошлое тяготило тебя, тянуло вниз в бездну. Оно как впадина, затягивало тебя, и чем глубже ты погружалась в неё, тем тяжелее тебе было вырваться наружу, в наш мир, в настоящее. Ханна говорила, как ей было тяжело смотреть на тебя такую, сломленную. Но как здорово, что ты познакомилась с Диланом, с этим прекрасным молодым человеком, – Дилан улыбнулся, а Джеймс незаметно для остальных подмигнул ему. – И весь твой внутренний и внешний мир тут же изменился. И всё, что с тобой так или иначе происходило, было из-за тягостного груза в виде прошлого, но стоило тебе только отпустить его... – Джеймс, наконец, нащупал пачку сигарет в кармане брюк. – И сейчас ты живёшь прекрасно и счастливо, и вряд ли у тебя появляются мысли или желания вернуться назад в прошлое, которое тебе причинило столько боли.

Камилла ничего не возразила. Слова были лишними, ведь каждое сказанное Джеймсом слово было правдой. Она действительно стала другим человеком, как только выбралась из тюремной камеры своего прошлого печального опыта.

Джеймс подозвал официанта и заказал для себя десерт из бисквита, который забыл заказать первоначально. Официант записал заказ и удалился. Затем Джеймс и Дилан извинились перед дамами и отлучились на улицу, чтобы покурить. Глубоко дважды затянувшись, Джеймс облокотился на перила и продолжил свой незаконченный разговор уже наедине с другом.

– Я всячески уверен, что президентство Нормана Хинтона – это лучшее, что могло произойти за всё время существования Америки. И я достаточно неплохо отношусь к политике Дональда Трампа, но, как мне кажется, он совершил большую ошибку в самом начале своего президентства. В шестидесятых годах Линдон Джонсон внёс поправку в указ и запретил религиозным организациям участвовать в политической жизни. Тем самым церковь лишилась привилегии поддерживать политических кандидатов. И что же сделал Трамп в начале своего правления? – задал он вопрос, который уже подразумевал логичный ответ. – Он подписал указ, отменяющий «поправку Джонсона», и вновь разрешил религиозным организациям участвовать в политической жизни страны. Нет, ну ты сам как считаешь, это правильный поступок?

– Я считаю, что ты слишком заостряешь на это внимание, – попытался вразумить его Дилан. – Пойми ты, что все проблемы и беды не решаются одним лишь запретом на свободное распространение религиозных убеждений. – Джеймс кинул окурок в урну и взял вторую сигарету. Он уже и сам понял, что стал чересчур зависимым от никотина, но ничего не мог с собой поделать.

– Верно говоришь, но мы могли бы сделать тем самым этот мир чуточку лучше, – Джеймс чиркнул зажигалкой, но не смог с первого раза зажечь сигарету. – В своих предвыборных обещаниях он открыто заявил, что намерен запретить пропаганду религии в некоторых штатах, дабы уменьшить число и без того возросшего количества религиозных сект. Вот увидишь, что его первым решением на должности президента будет подписание указа, снова отменяющего право церкви влиять на политику США.

– И обрушит тем самым очередной шквал негатива в свой адрес со стороны верующих.

– Да к чёрту этих верующих. Я считаю, что давно пора избавиться от религии раз и навсегда. Она всё время только и делала, что мешала нам развиваться в сторону научного прогресса. Вспомни только, сколько великих мыслителей было сожжено на костре христианского пламени? Мы могли бы уже давно осваивать просторы космоса, если бы эти религиозные фанатики не помыкали великими учёными.

Дилан докурил сигарету, Джеймс же стряхнул пепел и продолжил затягиваться, явно не спеша вернуться за свой столик, где уже, наверняка, находился его любимый десерт.

– Что же касается учёных, тот тут есть спорные моменты, – подметил Дилан. Джеймс удивлённо кивнул бровями. – Всё дело в том, что заявление о том, что церковь за всю историю своего существования сожгла тысячи или сотни тысяч учёных является скорее мифом, чем правдой.

– Интересное убеждение. И на чём же оно основано?

– Если обратиться к различным первоисточникам, то можно найти лишь парочку учёных, которые пострадали от гонения церкви. Это Джордано Бруно и Мигель Сервет. Стоит ли вообще говорить, что Джордано Бруно был великим учёным, я в этом сильно сомневаюсь. В большинстве источников принято его считать философом, некоторые даже называют его мистиком. Да и те труды, которые сохранились на сегодняшний день скорее являются оккультными, нежели научными. Именно из-за своих оккультных убеждений он и был сожжён римской инквизицией, но никак не из-за науки. Мигель Сервет и впрямь был учёным. А ещё он был фанатично религиозен и был осуждён из-за своей книги под названием «Восстановление Христианства», где высказывал весьма еретические взгляды. Ничто, естественно, не оправдывает поступок церкви – убивать еретиков это плохо, но вот сожжён Сервет в Женеве был опять же из-за своих антирелигиозных взглядов, но никак не научных. Все эти люди оказались на костре из-за своих религиозных учений и стали своего рода мучениками своей веры.

– Быть может ты забыл о всем известном противостоянии Галилея Галилео с католической церковью?

– Верно, такое противостояние действительно было, – согласился Дилан. – Но вот был ли Галилей сожжён на костре? Нет. Зверства инквизиторов ограничились лишь домашним арестом. Не самая плохая участь, провести жизнь в роскошном особняке, не правда ли? Что же касается других известных учёных: Ньютона, Фарадея, Максвелла, Бойля, Паскаля, Пастера и многих других, которые придерживались глубоких религиозных убеждений. Да, порой у них возникали трудности с церковью, но на то они и были верующие люди, готовые терпеть эти проблемы. Это в очередной раз доказывает, что наука не конфликтовала с религией так, как это преподносится из современных источников.

– Можно и отрицать тот факт, что наука преследовалась религией, но неоспоримый факт, что множество религиозных деятелей так или иначе создали...

– Мальчики, ну что вы там? Мы вас уже заждались, – подросла Камилла. Джеймс и Дилан переглянулись и решили, что пора бы уже вернуться за столик, что они и сделали. Как и предполагал Джеймс, десерт уже был подан.

Сказанное Диланом вогнало Джеймса в ступор. Пока он пережёвывал бисквитное пирожное, он также вспоминал свою речь, сказанную на федеральном телеканале о том, что религиозные организации несут в себе зло. Именно с такой речью выступил Джеймс три месяца назад, за что получил множество негативных высказываний в свой адрес и оскорблений в соцсетях. Тогда это его не сильно волновало, ведь самое важное, что произнёс Джеймс в ходе интервью, это то, что он открыто полностью поддерживает политику Нормана Хинтона и желает его победы на выборах. Что же, пожелания сбылись.

Ханна всё время странно посматривала на Джеймса, тот же в свою очередь тоже стал улавливать её похотливый взгляд. Её губы вытягивались вперёд, а голубые глаза блестели, словно дорогие украшения. Она поправляла свои пышные карие волосы, слегка приглаживала их, стараясь всячески привлечь к себе внимание. Красная помада слегка измазала левую щёку, когда она выпивала из бокала шампанское. Она медленно вытирала щеку салфеткой, кокетливо уставившись на Джеймса. Ему нравилось смотреть на неё и думать, что вся эта красота принадлежит только ему. И сегодня вечером, когда они вернутся домой, она отдастся ему, словно богиня, сошедшая с Олимпа, словно запретный плод, который так чертовски манил себя иску-

Посетителей прибавилось, время близилось к одиннадцати. За окном уже темно, Джеймсу всегда нравилось гулять по оживленному светлomu от ночных фонарей городу, наблюдать за прохожими, смотреть на их реакции при различных ситуациях. Он умел чувствовать людей и научился видеть их насквозь. Во многом это была заслуга его коллег на работе, у которых он всячески учился и набирался опыта.

– Так что ещё скажешь насчёт известных религиозных деятелей? – напомнил Дилан.

– Лафайет Рональд Хаббарт, – промолвил Джеймс, не отвлекаясь от десерта.

– Кто это? – поинтересовалась Камилла.

– Основатель религиозного движения под названием Церковь саентологии, – пояснил Джеймс. – Некая религиозная организация была основана в пятидесятых годах. Насчитывает множество последователей, среди которых были и знаменитости.

– Что плохого в том, что люди исповедуют ту религию, которую им хочется? – Дилан облокотился на спинку стула.

– Плохо то, что все эти организации... Да что там организации, секты, буду называть вещи своими именами, так вот, все они нужны только для того, чтобы выкачивать из наивных людей деньги. Люди отдают свои сбережения, а что получают взамен? Мнимое чувство спасения? От чего? От катаклизма? От конца света? От смерти? Ведь идеология этой церкви строится на том, что наш мир обречён на гибель. Но только последователи церкви смогут пережить это с помощью переселения душ, так называемого тэтана.

– С помощью чего? – не разобравшись, поинтересовался Дилан.

– Тэтан. Так они называют духовных существ, составляющих основу нашей личности. Я не то, чтобы понимал основную концепцию этого учения, но мне ясно только одно – это глобальная преступная корпорация, которая разрослась до уровня мирового масштаба. И вину нужно возлагать в первую очередь на тех, кто допустил такое.

– Это правда, – согласилась Камилла. – В последнее время их развелось слишком много. И то, как они влияют на умы доверчивых людей, просто непостижимо. Ума не приложу, как народ так слепо верит все этим бредням?

– Ты ведь помнишь, как у нас год назад проходил реабилитацию бывший саентолог, – напомнил Дилану Джеймс. – Сколько мы потратили усилий, чтобы вернуть его к нормальной жизни.

Рука Ханны нежно поглаживала бедро Джеймса под столом. Она завелась, и он тоже начал испытывать лёгкое чувство возбуждения. Мурашки пробежали по всему телу от лёгкого прикосновения женской руки. Джеймс не пытался сопротивляться, но и старался не помыкать своим похотливым желанием.

– Стоит ли вообще говорить, сколько подобных сект было и действуют до сих пор? – продолжил Джеймс, допивая остатки шампанского в бокале. Ханна не унималась, если бы в ресторане никого не было, она бы уже непременно залезла рукой к нему в штаны. – Взять, например, «Церковь Объединения», основанную Мун Сон Мёном. Себя же члены секты привыкли называть мунитами. Удивительно, что кто-то вообще решил вступить в эту секту, учитывая, что Мун провозгласил себя новой мессией и вступал в половую связь со всеми женщинами коммуны. Люди, сбежавшие из секты, также твердили, что при вступлении в секту были вынуждены проводить ритуал: они выпивали особый коктейль, который, вероятнее всего, содержал сперму Муна.

– Фуу, это мерзко, – сморщилась Камилла.

– Еще как мерзко, но нет ничего удивительного в том, что религиозные фанатики идут на всяческие безумства. – Джеймс посмотрел на Дилана. – Вспомни случай, который произошёл с тобой, когда ты только начал работать психиатром.

– Я прекрасно понимаю, о чём ты, но не за столом это будет сказано, – у Дилана сжались все внутренности от одной только мысли, что ему пришлось пережить в начале своей карьеры.

После случая с пациентом по имени Фред Батлер он даже подумывал о том, чтобы бросить медицину. Благо рядом оказались верные друзья, готовые поддержать в трудную минуту.

– Верно, не за столом, – согласился Джеймс. – Но в следующий раз, я уверен, он непременно расскажет эту историю.

Ханна оторвала руку от брюк Джеймса и встала из-за стола.

– Я отлучусь в дамскую комнату, – негромко проговорила она, и, эротично прикусив губу так, что это заметил только Джеймс, направилась в дальний конец помещения.

Народ стал расходиться. Дилан стал рыскать в карманах в поисках кошелька. Джеймс поднял руку, подозвал официанта и попросил у того принести счёт. Официант мигом скрылся.

– Я сейчас вернусь, – Джеймс встал из-за стола и направился напрямиком в туалетную комнату.

Две двери, одна с нарисованным мужчиной, другая с женщиной. Он, не раздумывая, толкает ту, где нарисована женщина. Заходит. В помещении тускло, лампы спрятаны в стеклянные пузыри. Вдоль стены череда светлых туалетных кабинок, пол выстлан голубой плиткой. У другой стены несколько раковин, возле одной из них стоит Ханна.

Джеймс берёт её за руку и уводит в туалетную кабинку, она не сопротивляется. Дверь от кабинки захлопывается автоматически. Он прижимает её к стенке и целует в шею, подбородок, губы, сначала нижнюю, потом верхнюю, слизывает помаду. Она обнимает его руками, закидывает за него правую ногу, легонько кусает мочку уха. Джеймс засовывает большой палец ей в рот, опускает правую руку, запускает её под платье, ей нравится, она хватается за волосы. Через несколько секунд она начинает легонько стонать, в спешке уже она старается слепо нащупать застёжку от его ремня. Джеймс помогает ей, расстёгивает пуговицу брюк, молнию и слегка приспускает брюки, она засовывает руку ему трусы и начинает шарить у него в паху. Она взмокла, он же не ослабляет хватку.

Дверь в туалетную комнату приоткрывается, по звукам шагов посетительница заходит в соседнюю кабинку. Джеймс старается не издавать ни звука, зажимает рот Ханне. Она улыбается, для неё это очередная игра. Она не сдерживается и периодически у неё проскальзывает смешок. Джеймс сердится, ему не хочется, чтобы их застали врасплох. Ей это нравится, когда он с силой сжимает свои скулы. Они застыли, словно статуи, ожидая, когда посторонние покинут помещение. Раздаётся звук смывающейся воды, активировалась вода из крана, затем захлопнулась дверь. Джеймс отпрянул от Ханны и натянул брюки, говоря, что продолжение следует дома, застёгивает ремень. Она слегка расстраивается, но не подаёт виду. Приоткрыв дверцу кабинки, он оглядывается по сторонам, убеждается, что никого нет и покидает туалетную комнату. Ханна задерживается, чтобы вымыть руки.

Джеймс вернулся за столик, залез в сумочку Ханны и достал оттуда влажную салфетку, вытер руки. Дилан странно покосился на него, слегка толкнул под столом ногой. Джеймс удивлённо уставился на него, тот же указал взглядом на штаны Джеймса. Нащупав под столом застёжку, Джеймс сообразил, что забыл застегнуть ширинку. Смущённо он попытался быстро исправить ситуацию, чтобы Камилла не заметила. Она всё же заметила странное поведение Джеймса, и догадалась, в чём дело.

Ханна подроспела через минуту, счёт уже лежал на столе. Расплатившись за заказ, Дилан, Камилла, Ханна и Джеймс покинули заведение.

Уже в такси Ханна снова начала проявлять знаки внимания, Джеймс молил, чтобы машина доехала как можно скорее, терпеть у него уже не было сил. Ворвавшись в дом, он схватил её, она обвила его торс ногами. Несколько раз по дороге в комнату они чуть было не навернулись, чуть было не разбили торшер. Наконец они добрались до комнаты, Джеймс повалил Ханну на кровать и, предвкушая пылкую бурную ночь, стал наслаждаться её молодым горячим телом.

* * *

В это сложное время, когда мир погрузился в хаос, когда миром всё больше правит анархия, когда, казалось, уже нет пути спасения, Йозеп снова обратился к священному писанию.

– Сохрани душу мою, ибо я благоговею пред тобою; спаси, Боже мой, раба твоего, уповающего не тебя. Помилуй меня, Господи, ибо к тебе взываю каждый день.

Сегодня важный и ответственный день. Не выполнить просьбу великого Покровителя и Отца, это подвести самого Господа. Но Йозеп не допустит провала, ведь он был избран, чтобы творить великие дела. И как только он выполнит свой долг, то непременно сможет встретиться с Отцом, который озарит его своим умом, своей мудростью.

Первая заповедь Божья гласит: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Господь – Творец Вселенной и духовного мира. Он – первопричина всего существующего. Только «безумец говорит в сердце своём: „Бога нет“». Ведь Бог не только Творец, но и Отец наш.

И всякий грех против первой заповеди является атеизм. Маловерие. Суеверие. Сомнение. Многобожие. Отречение от веры. Все, кто усомнился в вере не достойны Божьей благодати.

Война идёт всегда. Только в Библии описана великая война между Богом и Дьяволом. Между истиной и заблуждением. И так сложилось, что война эта касается каждого человека на этой земле. Она проходит через жизнь. И каждый человек должен разобраться, где Бог, а где Дьявол. Помочь разобраться, как реагировать на эту войну, может только Библия. Ибо сам Иисус Христос в Евангелие от Иоанна говорит: «Освети их истиною твоею, слово твоё есть истина». Сам Иисус Христос говорит, что слова в Библии – истина.

Нет сомнения в истине. И истина для Йозепа – донести до остальных, что вера в Бога это самое важное, что может быть в жизни каждого смертного, каждого грешника и праведного, каждого мученика и ученика, страстотерпца и чудотворца. Каждого, кто обременён смертным обликом, и живёт на этой обетованной земле.

Он готов совершить праведное дело. Йозеп достал из шкафа большую чёрную сумку, расстегнул молнию, дабы удостовериться в том, что все принадлежности на месте. Костюмы, маски политиков, биты. Всё собрано, осталось только дело за малым.

Вновь застегнув молнию, он направился к выходу. Единственное его желание было не встретить свою сестру, и, естественно, его желание не сбылось. В последнее время Йозеп слишком много стал терпеть неудач, несмотря на то, что не менее четырёх часов в день проводил за молитвами. Однако черед трудностей лишь закалила его, и ни коим образом не пошатнула его в вере, ведь именно препятствия на пути закаляют человека. Отец Небесный видит всё, и всё воздастся на небесах.

– Куда это ты собрался? – не слишком заинтересованно спросила Айра, глядя постельное бельё.

– На улицу, не видишь, что ли? – промямлил Йозеп. – И вообще, какая тебе разница?

– Я ведь твоя сестра, имею право знать, – громко высказала она. – И что это у тебя за сумка?

– Да какая тебе, сука, разница, что в этой сумке? Я не обязан перед тобой отчитываться, ты не моя мамочка, – Йозеп не стал больше вступать в диалог, а молча вышел во двор.

– Наша мама сделала большую ошибку, что воспитала такого нахала. Как тебя вообще не научили общаться с людьми? Я ведь говорила ей, что вырастет из тебя черт пойми что, – продолжала вопить Айра. Йозеп еще какое-то время слышал её мерзкий голос на улице, пока не отошёл на значительное расстояние.

Он кинул сумку в багажник своей машины, припаркованной на тротуаре. Сел на водительское место. Дело будет воспроизведено в точности, как и планировалось. Неожиданностей возникнуть не должно.

* * *

– ...мы готовы слепо верить идеалам, уповать на мудрость нашего президента, но мы никогда не позволим насмехаться над величием американского народа. Мы едины духовно, мы – великая сплочённая нация, которая не раз доказывала, что Америка – единственная могущественная страна, которая может коренным образом влиять на решения всего мира.

Заваривая свежемолотый кофе, Джеймс краем глаза посматривал на репортаж с телеканала «NBS», где корреспондент на фоне Капитолия рассказывал об итогах инаугурации Нормана Хинтона и краткий очерк о том, как происходили события.

На часах семь утра, а значит, пора собираться на работу. Ханна решила этим утром как следует выспаться, Джеймс не стал её будить. Кофе сварился отменный, Джеймс любил начинать утро с чашечки крепкого лишённого сахара чёрного напитка.

– Утром Норман Хинтон вместе с женой прибыли в Белый дом, где их встретил Дональд Трамп с супругой, – начал рассказывать новым слушателям корреспондент. – Далее уходящий и вступающий президенты отправились на церемонию инаугурации, – кадры, на которых один сплошной большой кортеж не спеша передвигался по пустынной дороге, огороженной полицейскими. – Церемония началась точно по времени, несмотря на то, что на улицах Вашингтона проходили акции протеста, – быстро сменяющиеся кадры людей в чёрных масках, кидающие горячие коктейли, разбивающие стёкла витрин, машин. Полицейские, пытающиеся остановить протестующих с помощью дубинок, токсических газов раздражающего действия, шлангов с водой. На фоне слышны взрывы, полицейская сирена, крики, стрельба. В конце кадры с мирно протестующими, раскачивающими свои агитационные плакаты.

Джеймса это и разозлило, и позабавило. Он считал, что глупо таким образом демонстрировать своё недовольство, разбивая окна, ломая и круша государственное имущество. Глупый народ никак не мог понять, что для того, чтобы изменить ситуацию, нужно включать не только силу, но и сообразительность. Однако Джеймс не задумался над тем, что порой именно силовые протесты зачастую приносили положительный результат.

– Норман Хинтон принял присягу, положив руку на Конституцию США. – Кадры Хинтона, поднявшего правую руку ладонью к камере и зрителям, а левую приложив к толстой книге.

– Я Норман Хинтон, – начал повторять президент за судьёй Робертсоном, – торжественно клянусь, что буду добросовестно выполнять обязанности президента Соединённых Штатов и в полную меру моих сил буду поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов. Да поможет мне Бог.

«Последняя фраза была явно лишней» – подумал Джеймс, но тут же сообразил, что, не произнеся эти заветные слова он мог бы сплотить на себя ещё больший гнев, который и так получил со стороны церкви и половины населения страны.

– Произнеся эти слова, Норман Хинтон официально стал сорок шестым президентом США, – пояснил диктор. Кадры сменились инаугурационной речью.

Джеймс сделал последний глоток и не стал досматривать репортаж до конца, он уже и так знал, что происходило дальше. Переключив на городские новости, он ополоснул пустую кружку водой.

– А теперь новости из городского Совета, – начал уже другой репортёр, – сегодня стало известно, что советник Чарльз Холл покинул свой пост, в связи с победой на выборах Нормана Хинтона, объяснив свой уход тем, что не намерен подчиняться власти, которая, по его

словам, не ценит традиции и ценности американского народа. Сейчас же на освободившуюся должность советника уже баллотируется кандидат по имени Билл Ривера.

Джеймс выключил телевизор. Поправив бардовый галстук, он надел в прихожей пиджак, обул коричневые начищенные до блеска туфли, надел чёрное пальто и вышел из дома, закрыв за собой дверь. По дороге до больницы его никак не покидала мысль, что люди могут отказаться от должности государственного служащего только из-за нелепых предрассудков. Новый президент ещё не издал ни один указ, а против него уже ополчились республиканцы и консерваторы.

В этот день Джеймс Росс засиделся на работе допоздна, пытаясь разгрести завал в виде кипы бумаг, документов и историй болезни. Разумеется, часть историй болезни можно было спихнуть на молодых и амбициозных врачей-практикантов, но сегодня и они были чересчур заняты, так что Джеймс решил взять инициативу на себя. В десять вечера, когда на улице уже стемнело, он всё же пожалел о своём выборе.

Неожиданно на столе завибрировал мобильный телефон. Джеймс не любил громкие сигналы вызова, поэтому всегда старался на работе ставить его на беззвучный режим. Номер не определился. Джеймс неторопливо взял трубку.

– Слушаю Вас, – машинально отгарабил он.

– Джеймс Генри Росс? – поинтересовался странный голос.

– Всё верно. С кем имею честь говорить?

– У нас слишком мало времени, чтобы говорить. – Голос показался Джеймсу слишком неестественным, ненастоящим, явно изменённым с помощью программы. Из фильмов Джеймс знал, что такой программой пользуются, к примеру, преступники, чтобы сообщить, где находится жертва или назвать сумму и место, куда нужно спрятать деньги за выкуп заложника. На другом конце соединения мог говорить брутальный мужчина, либо девятилетняя девочка, определить это по голосу было невозможно. – От того, будешь ли ты выполнять мои указания ближайшие несколько минут зависит, уйдешь ли ты из больницы в целостности.

– Послушайте, я не собираюсь играть с Вами ни в какие игры! – прокричал Джеймс, чувствуя, как учащается его сердцебиение. – Можете звонить и угрожать кому угодно, но только не мне!

– Я не угрожаю тебе, я пытаюсь тебе помочь, – низким тембром пытался урезонить голос.

Выгляни в окно.

– Вы что издеваетесь!? Я сообщу об этом в полицию!

– Я уже это сделал. Полиция прибудет с минуты на минуту, но времени всё равно мало.

Выгляни в окно, и ты сам всё увидишь, – не унимаясь повелевал незнакомец.

Джеймс подошёл к окну и медленно отодвинул край занавески. Так уж вышло, что вид из окна открывался на парковку за больницей. Он быстро пробежал взглядом и заметил, как посреди парковки остановился чёрный фургон. Погасил фары. Затем из него вышли несколько человек, Джеймс бегло насчитал четырёх человек, одеты они были в тёмную одежду. Но самое странное, что бросалось в глаза, это маски политических деятелей на их лицах. Тот, что вышел из водительского места был одет в маску Меркель, рядом с водителем – в маске Трампа. Ещё двое вышли из салона, на них были напялены маски Путина и Ким Чен Ына. У всех на руках были либо биты, либо дубинки, и направлялись они прямоком в корпус стационарного отделения.

Отпрянув от окна, задернув занавеску и выключив свет в кабинете, Джеймс проговорил в трубку:

– Что это за хрень?! Кто все эти люди? И кто ты такой, чёрт возьми?

– Я понимаю, ты хочешь задать много вопросов, но нет времени на них отвечать. Важно лишь одно: эти люди идут за тобой. Я подключён к камерам наблюдения и вижу, как они входят

в приёмное отделение. Через пару минут они доберутся до твоего кабинета. Если ты будешь меня слушаться, то, возможно, сможешь избежать встречи с ними до приезда полиции, – констатировал незнакомец.

– Хорошо, я согласен, чёрт тебя побери, – нервно выкрикнул Джеймс, пытаясь собраться с мыслями. – Что мне делать?

– Для начала спустись на второй этаж через пожарный выход, что находится возле ординаторской. – Джеймс, не церемонясь, вышел из кабинета и ускоренным шагом направился к выходу. В коридоре было тихо, медперсонал ещё не подозревал, что надвигается угроза. – Не говори ни с кем, – посоветовал голос, на что Джеймс хотел было возразить, но не успел ничего сказать. – Этим людям в масках нужен только ты, других они не тронут. Времени на объяснения нет.

– Да что им нужно от меня? – на ходу поинтересовался Джеймс, пытаясь вспотевшими ладонями удержать в руке телефон.

– Своими выступлениями на телевидении ты привлёк к себе много внимания, – пояснил голос, – многие были не согласны с твоим мнением. Были и среди них те, кто посчитал своим долгом вразумить тебя.

– Очень правильный подход, – с сарказмом согласился Джеймс, не обращая внимание на удивлённых медсестёр. Он ключом открыл железную дверь пожарного выхода, которая служила преградой для пациентов, пытающихся свободно покинуть отделение, и выбрался на лестничную площадку, – приезжать в больницу с дубинками. И почему мне нужно на второй этаж? Почему я не могу сразу выйти на улицу?

– Ты и сам знаешь, что пожарный выход ведёт на парковку. Если один из мудаков в маске там тебя заметит, то и смысла покидать кабинет не было.

Спустившись на второй этаж, Джеймс стал проклинать, что его кабинет располагается в самом углу верхнего этажа, сбежать незамеченным из больницы было весьма непросто. На каждом этаже, в каждом отделении в психиатрической больнице располагались железные двери, не допускающие посторонних и не выпускающие собственных посетителей. К тому же, кабинеты врачей также были огорожены с целью того, чтобы психически больные пациенты не докучали медперсонал.

На втором этаже уже проследивалась небольшая паника. Медперсонала нигде не было видно, похоже, они покинули свои посты. Не найдя никого, Джеймс отправился в отделение, где находились пациенты. Дверь, на его удивление, была открыта. Прямое нарушение правил, но сейчас экстренная ситуация, никто не готов был встречать вечерних гостей с дубинками и масками.

– Двое только что добрались до твоего кабинета, решают, где тебя искать. Один на выходе из корпуса. Ещё один прочёсывает первый этаж. Похоже, мы выиграли время, – резюмировал голос. – Теперь тебе следует оставаться на месте, полиция должна вот-вот приехать.

Некоторые пациенты выходили из своих палат, чтобы поинтересоваться, что произошло. Одна из пожилых пациенток в пижамном халате приблизилась к Джеймсу и протянула ему руки.

– Бабуля, вернитесь в свою палату! – строго произнёс Джеймс, чувствуя, как бешено колотится сердце. Как врач, он не должен показывать свой страх, если хочет, чтобы и пациенты тоже не волновались. – Народ, все внимательно выслушайте меня, – повысив голос обратился он к пациентам. – Время уже позднее, так что вернитесь все в палату и ложитесь спать. Вам нечего волноваться, всё в порядке.

«Конечно в порядке, не считая вооружённых мудаков, разгуливающих по больнице», – подумал Джеймс. Пациенты хоть и психически больные, но большинство из них сохранили способность к мышлению.

Одна из девушек увела за руку пациентку, которая так и не поговорила с заведующим отделением. На удивление Джеймса, пациенты потихоньку стали успокаиваться и возвращаться в палаты. Выдохнув, он примкнул к стене и стал ждать. Ждал около минуты, так и не промолвив ни слова.

– Похоже у тебя есть дар убеждения, – подметил незнакомец по телефону. – Хорошая новость, полиция уже прибыла на место. Плохая новость, люди в масках уже скрылись. Думаю, тебе стоит направиться к главному выходу и поговорить с полицейскими.

Абонент прервал звонок. Джеймс попытался дозвониться до него, но тщетно, человек с того конца соединения явно не желал больше общаться с тем, кому несколько минут назад старался помочь. Тогда Джеймс, прекратив попытки связаться с загадочным спасителем, направился к выходу.

Как позже выяснилось с камер наблюдения и по словам очевидцев, преступники приехали на фургоне, оглушили охранника электрошокером, подняли шлагбаум и въехали на территорию больницы. Остановились на парковке, затем трое мужчин и одна женщина (судя по типу телосложения) направились в приёмный покой. Там они угрожали охраннику и забрали у него ключи от всех дверей в здании. Один остался на стрёме, один стал искать Джеймса на первом этаже, двое направились на третий в сторону его кабинета. Добравшись до него и не застав Джеймса на рабочем месте, люди в масках решили поначалу разделить и поискать его на втором этаже, но кто-то по рации (видимо ещё один сообщник) сообщил им, что полиция на подходе. Тогда преступники в темпе выбрались на улицу, вернулись в фургон и покинули территорию больницы через тот же въезд, совсем чуть-чуть не застав полицейских.

Джеймс уже сообщил Ханне, чтобы она не ждала его в этот вечер. Пришлось долго объяснять ей, что произошло, что опасность миновала и что нет нужды ей приезжать в больницу. Полицейские обследовали всю территорию, но не нашли никаких последствий, указывающих на то, что в больницу ворвалась вооружённая группировка, не считая лёгкого переполоха среди пациентов и медперсонала, да охранника на въезде.

Полиция около получаса допрашивала Джеймса и других дежурных врачей, медсестёр и младший медицинский персонал. «Нет, я не знаю, кто это такие. Нет, я без понятия, что им от меня нужно было. Нет, я не покидал здание больницы. Я увидел фургон из окна и решил, что будет лучше дождаться полиции», – немногословно отвечал Джеймс на вопросы. Однако на вопрос, с кем он говорил по мобильному, Джеймс дал неоднозначный ответ, промямлив, что звонил Ханне, сообщить об инциденте. Сам же Джеймс всячески надеялся, что полицейские не станут звонить ей на телефон, чтобы убедиться в правдивости его слов. Не верить ему, пока, не было у полиции никаких оснований.

– Вы всё это время, пока находились в больнице, разговаривали по телефону со своей девушкой? – удивлённо спросил полицейский, записывая показания в блокнот.

– Да, разумеется. Я посчитал, что будет лучше держать её в курсе событий. Если бы со мной что-нибудь случилось, она была бы первой, кто об этом узнал, – выговорил Джеймс, моля, чтобы полицейский не попросил у него телефон, дабы проверить список звонков. На улице стало холодать.

– Вы точно больше ничего не хотите добавить в свои показания?

– Я всё сказал. Боюсь, что больше ничем не могу вам помочь. Хотел бы я знать, кто это такие и, разумеется, чтобы они понесли наказание. Теперь дело за вами. Найдите этих засранцев. И приставьте кого-нибудь охранять больницу, а то от этих двух охранников нет никакого толку.

– Мы сделаем всё, что в наших силах, – заверил полицейский и отлучился.

Джеймс засунул руки в карманы пальто, чтобы согреться. Ему не терпелось поскорее покончить со всем этим и вернуться домой в тёплую постель, прижаться к тёплому телу Ханны и уснуть сладким сном, забыв обо всём, что сегодня произошло.

Через ворота на территорию больницы въехал чёрный «Lexus», который явно выделялся на фоне полицейских машин. Джеймс знал хозяина этого автомобиля, с ним он хорошо ладил уже достаточно долгое время.

– Джеймс Генри Росс, уж не думал я, что когда-нибудь всё же посету твою больницу, – радостно произнёс мужчина в чёрной кожаной куртке, чёрных брюках и чёрных лакированных туфлях, выходя из своего автомобиля. Выглядел он весьма элегантно, и галантно обходился со всеми своими коллегами-полицейскими, что соответствовало его статусу. Зализанные черные волосы, гладко выбритый подбородок, дерзкий взгляд, красный галстук, завязанный на узел «Элдридж», знатно выделяли его среди всех присутствующих. В свои сорок пять ему можно было дать не больше тридцати пяти. Этого человека можно было смело назвать иконой стиля и поместить на обложку журнала топ горячих фотомоделей страны.

– Рик Льюис, рад встрече, – выговорил Джеймс, – не думал, что и тебя припекут к этому делу.

– Я сам вызвался, теперь расследованием официально занимаюсь я, – детектив Льюис стал изучать окрестности больницы. – Так где говоришь остановился фургон? – сразу приступил он к делу.

– Я ведь ещё ничего не успел тебе сказать, – Джеймс едва поспедал за детективом. Они первым делом прошли на пустую парковку.

– Полицейские уже передали мне всю информацию, – пояснил Рик, изучая следы шин на парковке. Фургон тронулся с места слишком резко, очевидно, старались как можно скорее покинуть место преступления, дабы не быть настигнутыми полицией.

– Рик, мне нужно тебе кое-что сообщить. Я всё же утаил кое-какую информацию от копов.

Детектив своим дерзким взглядом уставился на Джеймса, словно хотел заглянуть ему в душу или залезть в глубину его подсознания. Так они простояли несколько секунд, глядя друг на друга, не смыкая глаз. Джеймс даже почувствовал неприятное ощущение, будто ему только что засунули невидимую руку в рот и нащупали внутренние органы. Он съежился, не в силах противостоять в такой неравной борьбе.

– Мне звонила не Ханна по телефону, – сдался Джеймс.

– А кто же?

– Я не знаю. Он не представился, и говорил он не собственным голосом. Ну знаешь там, через компьютерную программу, или как это делается, не знаю. В общем, вот, – он достал из кармана мобильный телефон. – Ты не мог бы проверить номер, выяснить кто и откуда звонил? Но так, чтоб не официально?

Детектив Льюис взял телефон, осмотрел его со всех сторон и положил в карман куртки.

– И почему же ты не хочешь, чтобы кто-то об этом узнал? – задал он резонный вопрос.

– Потому что я не знаю, друг он или враг, – ответил Джеймс.

Джеймсу так и не довелось в этот день вернуться домой. Вместе с детективом Льюисом они провели всю ночь в больнице, собирая заявления от всех, кто хоть как-то мог помочь в расследовании. Джеймс неоднократно заваривал себе и своему старому приятелю кофе в ординаторской, чтобы дотянуть до утра. На рассвете, когда Джеймс уже, наконец, мог позволить себе поехать домой, его ждала ещё одна неприятная новость. Прибыли репортёры.

– Этих засранцев ещё не хватало, – устало проговорил Джеймс, докуривая сигарету на парковке вместе с Риком. Репортёры буквально бежали к детективу и заведующему отделением больницы, чтобы первыми задать интересующие зрителя вопросы.

– Похоже, ты становишься знаменитым, – проговорил Льюис. – Другой вопрос, такой ли славы ты хотел или нет, но теперь к тебе будет повышенное внимание. Теперь тебе самому решать, как поступить. Ты мог бы отрешиться от всего этого или воспользоваться ситуацией, чтобы привлечь к себе ещё большую аудиторию. Дело твоё.

Детектив отошёл в сторону, чтобы высказать пару слов касательно расследования. Несмотря на его статус в городе, почти всё внимание в это утро было приковано Джеймсу, хоть он и сам того не желал.

И в один лишь миг, словно щелчок пальцами, Джеймсу пришла в голову замечательная идея, как развернуть всю эту ситуацию себе на пользу. На пользу всему городу. всей стране. Этой великой и замечательной стране под названием Соединённые Штаты Америки.

Глава 2

Он всегда был скромным парнем, особо не проявлял себя. Жил обычной жизнью, не строил каких-то долгосрочных целей, у него, конечно, были перспективы, но главное правило для него – жить сегодняшним днём, а завтра – будь, что будет. В душе его всегда терзали сомнения, страхи, неуверенность в себе, это заставляло его испытывать трудности с учёбой, работой, личной жизнью. Любая социально-активная деятельность требовала от него упорной работы и огромных энергозатрат. Являясь интровертом, он любил после тяжёлого дня отгородиться от всех, закрыться в комнате и, погрузившись в себя, предаться мечтам.

Но в какой-то миг что-то изменилось...

– Мы находимся на территории психиатрической больницы города Берлингтон, где вчера вечером члены группировки, носящие маски политиков, совершили незаконное проникновение. По данным полиции, четверо преступников, надев маски Трампа, Путина, Меркель и Ким Чен Ына, вооружившись битами и дубинками, ворвались в стационарное отделение и стали распугивать пациентов и медперсонал. К счастью, пострадал от такой вылазки лишь охранник на въезде на территорию больницы, которого люди в масках оглушили шокером. Остальные же отделались лишь испугом. Несмотря на это, вчерашний инцидент является вопиющим случаем. Ещё никогда ранее в нашем немногочисленном городе не происходили столь асоциальные преступления. Значит ли это, что в штате Вермонт орудует новая преступная группировка, пока не ясно. Полиция уже объявила членов группировки в розыск, но их личности пока не установлены. О том, как вести себя жителям Берлингтона дал совет детектив Рик Льюис, – Беверли Кэмпбелл – местный репортёр обратилась к детективу.

– Прежде всего я попросил бы жителей города не впадать в панику. Преступники так или иначе не смогут долго скрываться, вскоре мы их поймем всех до единого, – заверил Рик Льюис. – Но пока они находятся на свободе, убедительная просьба всех жителей быть внимательным по отношению к своим близким, соседям, докладывать нам обо всех странностях, которые вы заметите. Благодаря вам мы сможем быстрее поймать преступников и посадить их за решётку.

Детектив Льюис не горел желанием делиться информацией, касательно дела, так как считал, что всё, что нужно знать жителям Берлингтона уже было озвучено репортёром. Единственное желание у него было поскорее закончить эту формальную часть и уехать домой, жалея, что напиться в прошлый вечер у него не получилось и придётся на некоторое время забыть о выпивке, пока идет следствие.

– Так или иначе, мотив у преступников остаётся неясным, – продолжила Беверли, – но одно очевидно наверняка, что у правонарушителей была цель встретиться лично с заведующим отделением Джеймсом Генри Россом, который также решил поделиться с нами своим мнением на этот счёт.

Он всегда был скромным парнем.

В 12 лет его отец покончил жизнь самоубийством, что, конечно же, нанесло ребёнку тяжёлую душевную травму. Мать приняла, как ей казалось, правильное решение переехать из Монтпилиера в Берлингтон, чтобы хоть как-то позволить маленькому Джеймсу реабилитироваться. На протяжении нескольких последующих лет Джеймс был вынужден проходить курсы психотерапии. Однако душевную травму вылечить невозможно.

В 14 лет юный Джеймс не отставал в психическом и умственном развитии от своих сверстников. Прилежно учился в школе, общался с одноклассниками, но последствия травмы

всё же периодически давали о себе знать. Замкнутость и скромность не позволяли ему в полной мере насладиться подростковой жизнью.

В 17 лет он стал испытывать трудности в общении с противоположным полом, чувство тоски и одиночества всё больше поглощали его, в то время, как сверстники уже вели активный образ жизни, влюблялись, встречались, испытывали половую близость, посещали крутые вечеринки.

В 20 лет Джеймс впервые занялся сексом со студенткой из параллельной группы, но чувство отрешённости от окружающего мира так и не покидали его. Единственной возможностью для него пробиться наверх было хоть как-то приспособиться к быстро нарастающему темпу жизни и как можно ближе влиться в коллектив. Он сблизился со своим активным одноклассником Диланом, найдя с ним общий язык, и стал чуть более общительным, но и здесь не обошлось без трудностей. Впрочем, ему ничего никогда не давалось легко.

В 25 он понял, что в жизни надо что-то менять. Сделав упор на карьеру психиатра, проводя немало времени за учебным материалом, он всё больше становился первоклассным специалистом, что, несомненно и повлияло на его дальнейшую судьбу.

В 27 лет он встретил Ханну, которая была младше него на пару лет. Впервые за долгое время простое дружеское общение переросло во взаимную симпатию. Самооценка у Джеймса наконец-то возросла до должного уровня, чтобы начать воплощать все свои нереализованные мечты и наверстать всё упущенное за прошедшие годы.

В 29 лет он достиг значительных высот и стал заведующим четвёртым отделением в психиатрической больнице. Цели на этом не ограничивались, планы были грандиозные, нужно было лишь приложить ещё чуточку усилий. Его амбициям можно было лишь позавидовать.

Будучи тридцатилетней взрослой сформировавшейся личностью, Джеймс открыл для себя новые горизонты. Перед ним встал выбор, который мог изменить не только его жизнь, но и жизнь города, а, быть может, и всей страны.

– Что я могу сказать? – задал Джеймс риторический вопрос корреспонденту. – Эти люди в масках показали свою прогнившую сущность. Норман Хинтон заявил, что не придерживается никаких религиозных убеждений и назвал всех членов культа людей с психическими отклонениями. Ранее я выступил на федеральном телеканале с поддержкой президента Хинтона и положительно оценил его политические взгляды относительно религии. И теперь все вы вольны наблюдать, на что готовы пойти те, кто не согласен с моим мнением и мнением нашего президента. Вместо того, чтобы решить все разногласия словом, они решили пригрозить мне расправой, что в очередной раз доказывает, что религиозные фанатики могут быть опасны и представляют угрозу для нашего населения. Именно поэтому я считаю своим долгом выдвинуть свою кандидатуру на освободившийся пост городского советника.

Джеймс периферическим зрением уловил нотки удивления детектива Льюиса, но не придал этому важного значения. Он и от себя не ожидал такого поворота событий.

– С вами был корреспондент «Life» Беверли Кэмпбелл из психиатрической больницы. Оставайтесь с нами и следите за дальнейшими новостями. – Оператор выключил камеру, прямая трансляция закончилась. – Должна признать, это было смелое заявление, – подметила корреспондент.

– Ты уверен, что не совершаешь ошибку? – озадаченно вмешался Рик Льюис. – Стать советником – это большая ответственность.

– Надеюсь, что нет, – немногословно ответил Джеймс и направился к своей машине. Это был самый тяжёлый и напряжённый рабочий день за всю его карьеру.

Все мы так или иначе совершаем в жизни ошибки, потом жалеем, что поступили так, а не иначе. Вспоминаем, как могла бы повернуться жизнь, поменяв решение в самый послед-

ний момент, совершить выбор, основываясь на многочисленном жизненном опыте, которого ранее не хватало, чтобы трезво оценить ситуацию и проанализировать последствия. Джеймс ни минуты не сомневался, что поступил правильно, ведь такая возможность предоставляется раз в жизни и нужно хвататься за неё, пока не упущен момент. Судьба часто любит подкидывать сюрпризы, нужно лишь только правильно ими воспользоваться.

За окном территория больницы, по которой теперь разгуливают охранники в белых рубашках с коротким рукавом, к их ремню прикреплен чехол, в котором находится карабин, обязательно полицейская дубинка, шокер и, несомненно, фонарик. Джеймса всё чаще стали посещать параноидальные мысли, поэтому всё чаще он вглядывался в окно, дабы оценить ситуацию и убедиться, что повтора событий вторжения больше не предвидится.

– Значит решил стать городским советником? – ехидно выплеснул Гидеон, допивая кружку чая. Внешне он не производил впечатления высокоинтеллектуального человека, обладал типичной, ничем не выделяющейся из толпы внешностью. Его с горбинкой нос намекал на то, что его дальние родственники были родом из Месопотамии. В целом же лицо его было достаточно ухожено, но всё же не производило приятного впечатления, которое должен производить врач. Лишь белый халат и слегка распушенный галстук придавали ему должный «врачебный» вид. – Ты ведь психиатр, а не грёбаный политик. Ты хоть знаешь, какая это ответственность? Тебе придётся принимать важные решения, от которых будет зависеть судьба этого города. И ты думаешь, что справишься с работой на этой должности?

Джеймс оторвался от окна и грозно посмотрел на Гидеона. В душе он терпеть его не мог, что, впрочем, было взаимно. Гидеона вообще не слишком то любили в больнице из-за его разросшегося до небесных масштабов эго, самовлюбленность и эгоизм лились через край. Если бы не его связи в больнице и отменные заслуги, Джеймс, непременно, задумался бы над тем, чтобы избавиться от своего неприятеля любым законным и, может быть, даже незаконным способом.

– Гидеон, – мягко обратился к нему Джеймс, еле сдерживая злобу внутри себя, – я понимаю, что ты работаешь не первый год в больнице, я понимаю, что ты хороший психотерапевт и всё такое, но даже это не позволяет тебе говорить всё, что взбрёт в голову. И мне плевать, что ты на восемь лет старше меня, это не даёт тебе право вести себя так, будто ты находишься дома, так что, будь добр, соблюдай субординацию, когда говоришь с заведующим отделением!

Дилан, сидевший на диване и наблюдавший за небольшой ссорой между коллегами не стал вмешиваться, а просто продолжал макать чайный пакетик в уже и без того крепкий чай.

– Так точно, босс, – вычурно проговорил Гидеон, сделал последний глоток и встал из кресла, поправив халат и галстук. – Думаю, я оставлю вас, ребята, мне нужно вернуться к работе. – Развернувшись, витиеватой походкой он покинул ординаторскую, оставив Дилана и Джеймса наедине.

– Вот же засранец, – подметил Дилан, хлебнув чаю. Джеймс молча подошёл к столику и взял свою кружку уже остывшего кофе без сахара. – Как думаешь, нас тоже ожидает такая участь?

– В каком смысле? – не понял Джеймс.

– Говорят же, что работа психиатром оставляет свой след. Вот я и думаю, мы тоже будем такими лет так через десять?

– Не думаю. Это у него врождённое. Я бы сказал, что у него психопатия, а как ты знаешь, дерьмовый характер не поддаётся терапии.

– Я делаю ставку, что у него всё же акцентуация личности, – сказал Дилан, Джеймс усмехнулся. – Готов поспорить?

– Нет, не стану, – Джеймс вновь посмотрел в сторону окна, понимая, что пора избавляться от навязчивых страхов. – Всё может быть...

Очередной страйк от Джеймса сделал его победителем против спэра Дилана. Ханна не удержалась и накинулась на Джеймса, расцеловав его. Сегодня он был её героем, завершив игру, обыграв соперника на два очка. Камилла, подмигнула Дилану, дав понять, что он всё равно для неё тоже будет личным рыцарем на белом коне.

– У тебя не было ни единого шанса, – проговорил Джеймс, – освободившись от объятий Ханны.

– В следующий раз я точно тебя обыграю. – Дилан всеми силами старался скрыть своё расстройство, ведь уже трижды подряд он не мог обыграть своего друга в такой простой игре, как боулинг. – Предлагаю продолжить этот вечер в баре.

Джеймс стал рыскать по карманам джинсов в поисках кошелька и, самое главное, пачки сигарет.

– Кажется я забыл кошелек в машине, – соврал Джеймс, не нащупав именно пачку сигарет, а курить ему хотелось сильно.

– Ерунда, я заплачу, – предложил Дилан, направляясь в сторону бара.

– Нет, нет, я, пожалуй, спущусь за ним – промямлил Джеймс. – Я быстро. Развлекайтесь, я присоединюсь позже.

Подиумной походкой, празднуя свою очередную победу в игре, он спустился в подземную автостоянку и стал вспоминать, куда припарковался. Ещё с детства у него были трудности с ориентировкой на местности, впрочем, на этот раз машину искал он не долго. Отперев дверцу, забравшись коленями на сиденье водителя и порывав в бардачке, он всё же нашёл то, что искал. Белая пачка «Marlboro» ещё больше приукрасит чувство победы. Выбравшись из машины, Джеймс заметил, как из-за угла появился тёмный силуэт.

Через пару секунд на безлюдной парковке появились несколько человек в масках. Тот, что быстрым и уверенным шагом направлялся к Джеймсу, был одет в маску Трампа. У всех в руках были полицейские дубинки и лишь только у «Трампа» в руках была бита.

Когда происходит стихийное бедствие, катастрофа или просто возникает опасная ситуация, у человека зачастую возникает аффективно-шоковая реакция. Она может проявляться двумя вариантами: либо в виде ступора, когда человек не двигается с места, ничего не произносит, а просто смотрит опасности прямо в лицо, несмотря на то, что его жизнь может быть под угрозой; либо в виде возбуждения. У Джеймса сыграл второй вариант.

Быстро достав из внутреннего кармана куртки перцовый баллончик, который Джеймс прикупил после событий в больнице, он мигом прыснул его содержимое в лицо приближающегося недруга.

Человек в маске Трампа, не ожидая такого сопротивления, отпрянул в сторону и плюхнулся коленями на асфальт, сдирая маску с лица. Хоть она и покрывала всё лицо, глаза всё же оставались незащищёнными. Мужчина стал растирать покрасневшие глазницы.

Другие члены группировки не растерялись и не позволили Джеймсу применить к ним слезоточивый газ. Тот, что был в маске Ким Чен Ына набросился на него и, повалив Джеймса на землю, услышал щелчок, похожий на звук вывихнутого сустава. Правая рука Джеймса оказалась за спиной и при падении он почувствовал резкую боль в плече. Затем последовали два удара по лицу. Мужчина освободил Джеймса, поднялся, но на этом избиение не закончилось.

Один из преступников подбежал к тому, что стонал от действия перцовки на глаза, и помог ему подняться на ноги, пока остальные избивали Джеймса дубинками. Джеймс старался прикрыть левой рукой голову, но от ударов это не сильно спасало. К счастью, очень скоро он услышал крик вдалеке.

– Эй, а ну прекратите, мать вашу! – прокричал голос издалека. Крик подействовал на нападавших, они отстали от Джеймса и, помогая потерпевшему другу добраться до фургона, быстро скрылись с места преступления. В очередной раз.

Охранник в два счёта сократил дистанцию, на ходу связавшись с диспетчером по рации, сообщив о нападении на парковке и требуя вызвать полицию и бригаду скорой помощи. Джеймс, не дождавшись приезда парамедиков, от острой боли в руке и по всему телу потерял сознание.

* * *

Красные опухшие в слезах глаза не позволяли Йозепу оценить обстановку в гостиной. Впрочем, он и не старался пройти скрытно в ванную комнату, резь в глазах заставляла его как можно скорее смыть остатки перцовки, чтобы хоть как-то облегчить боль. Молча он метнулся мимо сестры, не бросив даже и пару слов. Айра уже привыкла замечать за своим братом странное поведение и неадекватные реакции, но сейчас она крайне была взволнована его состоянием.

– Что с тобой случилось? Почему у тебя красные глаза? – Она в уме перебирала все возможные варианты, предположив, что это последствия наркомании или какой-то болезни.

– Отвали, пожалуйста, не до тебя сейчас, – грубо ответил Йозеп, полоская лицо прохладной водой. Он хотел было толкнуть ногой открытую дверь, но сестра уже вошла в ванную комнату.

– Да что с тобой такое?! Ты всё время посылаешь меня, когда я спрашиваю что-либо. Ты хоть раз можешь ответить своей сестре, что, чёрт возьми, происходит! Я устала уже от всех твоих выходов. Я твоя сестра и имею право знать, я ведь волнуюсь за тебя, хоть ты и козлина та ещё, – выдохнула она.

Йозеп выключил кран и обтёр лицо полотенцем. Глаза ещё долго будут красными, с этим ничего не поделаешь. Развернувшись, он взглянул на свою сестру.

– Ничего не происходит, всё нормально, – заверил он. – Просто неудачно сходил на прогулку.

– Так это называется?

– Что ты прикопалась ко мне? Я же сказал, что всё в порядке, что ещё ты хочешь от меня услышать?

– Правду. Хоть раз ты можешь сказать правду?

– Я сказал всё, что нужно. А теперь оставь меня, мне нужно привести себя в порядок.

– Я и не сомневалась. – Разочарованно она вышла из ванной комнаты, поняв, что ничего от него не добьётся.

Взглянув на своё отражение в зеркале, Йозеп пытался понять, как могло произойти такое фиаско. План был тщательно продуман. Первая попытка была неудачной, кто-то предупредил Джеймса о вторжении. Но вторая прошла как по маслу, хоть и возникли некоторые непредвиденные обстоятельства. В любом случае, дело сделано и можно было переходить на следующий этап.

Приблизив своё лицо к зеркалу, он стал разглядывать лопнувшие капилляры в глазу. Никаких других поражений слезоточивого газа на лице он не обнаружил. Его взгляд был словно взгляд хищника, а его розовые большие нежные губы придавали его лицу нотки чувственности, в то время, как мужественные скулы и спортивное телосложение производили впечатление взрослого и состоявшегося человека, несмотря на то, что ему было всего двадцать семь лет.

* * *

– Значит, Вы утверждаете, что на Вас напали те же люди в масках, что проникли в психиатрическую больницу пару дней назад? – задал вопрос полицейский, записывая показания.

– Да. Думаю, охранник, который вызвал скорую это подтвердит.

Кровать оказалась мягкой, почему-то Джеймс был уверен, что в больницах широкого профиля жесткие кровати. На правой руке у него была косынка синего цвета, врачи сообщили ему, что при падении на асфальт Джеймс вывихнул правое плечо. На лице также виднелся небольшой фингал под правым глазом. Основные удары дубинками приходились ему на тело, именно поэтому оно было усыпано гематомами различной величины. К счастью, по заверению врачей Джеймс всё же не получил серьёзного урона, не считая вывиха сустава и лёгкого сотрясения мозга.

– Вы не разглядели лица человека, которого опрыскали перцовым баллончиком? Или может увидели какие-то приметы, скажем, татуировки на руках у нападавших? Нам поможет любая информация. – Уставшим копам не терпелось поскорее покинуть больницу, поскольку они и так собрали достаточно сведений.

– Боюсь, что ничего не могу припомнить. Но если вспомню, то обязательно сообщу.

– Спасибо, что поделились с нами информацией. Будьте уверены, что преступники будут пойманы. Всего Вам хорошего, поскорее выздоравливайте.

Джеймс ничего им не ответил. Полицейские покинули палату, и детектив Льюис, что стоял у двери, пригласил Ханну, ожидавшую у кофейного аппарата. Она принесла три стаканчика с эспрессо и оставила их на подносе.

– Я поговорил с шерифом, он согласился представить к тебе круглосуточное наблюдение. Когда тебя выпишут из больницы, полиция будет тебя сопровождать до тех пор, пока мы не поймаем преступников, – пояснил детектив, взяв в руки стакан и сделав небольшой глоток. – Спасибо за кофе, – поблагодарил он Ханну, которая всю ночь провела с Диланом и Камиллой в палате интенсивной терапии, и которую уже начинало клонить в сон.

– Спасибо тебе, Рик, за всё, что ты для нас делаешь, – поблагодарила она его.

– Благодарить пока рано ещё. Но уверяю, что дело идёт полным ходом и у нас уже есть кое-какие зацепки. Не буду вдаваться в подробности, информация пока не проверенная, но город маленький, скрываться долго они всё равно не смогут, так что в скором времени вся эта шайка окажется на скамье подсудимых. – Он сделал ещё один глоток, в то время как Джеймс и Ханна, держась за руки, смотрели друг на друга. – И вот ещё что, по поводу твоего заявления о том, что ты намерен баллотироваться на место советника. Ты точно хорошо всё обдумал?

– Мы с Ханной уже всё обсудили. Теперь же это дело принципа. – Джеймс почувствовал лёгкое пощипывание в области левого предплечья, куда был вставлен катетер для внутривенных инфузий. Видимо, действие анальгетиков стало проходить.

– Что ж, ладно, – Рик не стал с ним спорить, понимая в душе, что это не очень хорошая идея. – Что же касается того телефонного звонка, – он знал, что Ханна тоже уже в курсе по поводу странного человека, решившего накануне вторжения помочь Джеймсу избежать встречи с бандитами, но всё же решил перестраховаться и, получив от него согласие в виде кивка, продолжил, – к сожалению, мне не удалось отследить номер. Тот, кто связывался с тобой явно этого не хотел и сделал всё возможное, чтобы мы не смогли его найти. Так что, вот, – детектив достал из кармана куртки телефон и положил его на поднос, – возвращаю телефон его законному владельцу.

– Что же это получается, какой-то странный тип узнал заранее, что на Джеймса готовится нападение, с помощью программы изменил свой голос и решил предупредить его? Ради благородных побуждений? – озадаченно задала Ханна вопрос.

– Возможно, он как-то связан с этой организацией, может, он бывший её участник. Этого мы пока не знаем.

– Если он так неравнодушен, почему же тогда не связался с нами, чтобы помочь следствию? Почему не предупредил во второй раз? Если не мог снова предупредить Джеймса, почему во второй раз не обратился анонимно в полицию? – Ханна начала сыпать детектива вопросами, на которые у того всё равно не было ответов.

– Хотел бы я знать, – лаконично ответил детектив. – Одно я могу сказать точно, мы ведём расследование и в этом направлении. Кто бы ни был этот человек, он прекрасно знает, как работает следствие. Возможно, он и сам работает в полиции. Так или иначе, мы это выясним.

На этом их разговор закончился. Теперь главное для Джеймса и Ханны было немного передохнуть от всего ужаса, с которым им пришлось столкнуться. А детективу Льюису нужно было собраться с мыслями, просмотреть все улики и поймать членов странного культа, навещающих панику в Берлингтоне.

– *Неделю назад в маленьком городке Берлингтоне было совершено жестокое нападение на местного жителя Джеймса Росса, работающего в психиатрической больнице. Это событие стало обретать популярность среди пользователей интернета, активно обсуждающих преступление в «Твиттере». То, что сперва казалось лишь уличным нападением переросло в настоящий политический и религиозный конфликт,* – репортаж показывал кадры с места происшествия, далее картинка переключилась на Джеймса Росса, стоявшего у входа в здание администрации города. Правая рука его по-прежнему была в косынке, побои на лице были уже едва заметны, но гематома под глазом до сих пор была видна.

– *Я сильно возмущён сложившейся ситуацией,* – начал интервью Джеймс. – В этом городе я прожил восемнадцать лет и ни разу не вступал в конфликт до этого момента. То, что произошло... – запнулся он на мгновение. – *Этот случай, я просто не могу оставаться в стороне. Именно поэтому я пришёл в администрацию города, чтобы подать документы на участие в выборах на пост главы городского Совета. Раньше я мог спокойно гулять по этому городу, теперь вынужден передвигаться в сопровождении полицейских. Напали один раз, напали второй, нападут и снова. Однако, несмотря на своё состояние здоровья, я намерен через два дня выступить на дебатах с Биллом Ривером. Жители Вермонта, я обращаюсь к вам,* – он обратил взор прямо в камеру. – *Если вы хотите изменить ситуацию, если вы хотите спокойно жить в своём городе без страха, что на вас нападут религиозные фанатики, голосуйте за Джеймса Росса.*

* * *

– *Норман Хинтон в своих предвыборных дебатах заявил, что придерживается атеистических взглядов, и я говорю вам, что религиозные организации – это зло. Голосуйте за того, кто сможет пресечь всю эту религиозную вакханалию на корню,* – добавил Джеймс в репортаже.

– *Мы будем держать вас в курсе событий. Беверли Кэмпбелл, прямая трансляция.*

Спустя секунду после того, как репортёр закончила свой репортаж, из центра гостиной с силой полетел пульт и ударился об плазменный экран телевизора, оставив после себя большую трещину. Звук удара разнёсся по всему дому так, что Айра, будучи в соседней комнате, услышала его и поняла, откуда он доносится.

Йозеп рассвирепел от наглости человека, неделю назад опрыскавшего его перцовым баллончиком, который нагло смеет заявлять, что религия – это зло. Этот антихрист к тому же поддерживает Нормана Хинтона, человека, что безнравственно отнёсся к традициям народа, жившего несколько сотен лет на этой обетованной земле, чья кровь была пролита ради свободы и независимости этой великой страны.

Он хотел было вдобавок ударить кулаком по стене, но вовремя остепенился. Айра пулей влетела в гостиную и тут же начала осыпать своего брата всеми возможными ругательствами.

– Ты совсем ума лишился?! У тебя реально поехала крыша из-за своих молитв. Сидишь и целыми днями страдаешь ерундой вместо того, чтобы пойти и устроиться на нормальную работу. И телевизор кто теперь новый покупать будет?

– Заткнись, – спокойно проворонил Йозеп, направляясь в комнату. И больше не проорил ни слова. Настало время вечерних молитв, после которых он, быть может, найдёт умиротворение в своей душе.

Между тем репортаж про нападение на жителей Берлингтона продолжался. Теперь уже говорили о том, что случаи появления людей в масках участились и их становится всё больше. Наблюдая за кадрами, как Джеймс Росс рассказывает о преступлении на автостоянке, о том, что ему удалось обезвредить одного из нападавших перцовым баллончиком, и, проанализировав всю цепочку событий, что произошли неделю назад и как братец вернулся с покрасневшими глазами, она пришла к выводу, что Йозеп также причастен к этим преступлениям.

Она понимала, что, владея такой информацией, по сути, если не обратится в полицию, то сама может попасть под разъярённую руку прокурора. Понимала, что её брат совершил тяжкое преступление, за которое должен заплатить. Но она была в отчаянии и не знала, как ей быть, что делать? Попытаться поговорить с братом было бессмысленно, он не станет даже её слушать. Обращаться в полицию тоже не хотела, вдруг она всё же ошиблась на его счёт? Единственным вариантом было дождаться дальнейших событий и хорошо всё обдумать.

* * *

Билл Ривера держался уверенно, не поддавался ни на какие провокации, отвечал чётко и, по существу. Джеймс понимал, что шансов занять место председателя городского Совета у него гораздо меньше, но сдаваться без боя он не собирался. В конце концов Норман Хинтон и Дональд Трамп тоже отставали на предвыборных дебатах, однако, всё же выиграли в президентской гонке.

Ривера всего лишь бизнесмен, скупающий активы, и дебаты эти нужны были ему исключительно для пиара, по крайней мере, так думал Джеймс. Всё, что он выдал в своё отведённое время, Джеймс и другие граждане страны слышат от политиков каждый день. Вновь обещание перераспределить средства налогоплательщиков, предложение обустроить центральный городской парк, который, впрочем, по мнению Джеймса, не нуждался в облагораживании. Также было дано обещание построить новые дома и переселить жителей из бедных районов, привести в должный вид неблагополучный район и так далее, предложений и обещаний поступило так много, что Джеймс потерял счёт. По окончании времени у него уже не осталось желания обсуждать и без того всем известные проблемы.

Настал черёд Джеймсу Россу высказать своё недовольство касательно ситуации в городе. Он не собирался трепать языком и обсуждать какие дома стоит снести и где построить новые коттеджи, есть гораздо более серьёзная проблема, на которую просто невозможно закрывать глаза.

– Друзья мои, коллеги, знакомые или просто избиратели, прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за то, что уделили нам время, чтобы обсудить важные проблемы, – начал Джеймс.

Помещение, где проходили дебаты было небольшим. В центре две небольшие трибуны, вокруг которых были расставлены стулья, на которых располагались граждане, желающие принять участие в обсуждении дебатов или просто посмотреть на кандидатов и решить, за кого проголосовать на предстоящих выборах. Билл Ривера был одет в серый дорогой костюм, под которым красовалась белая рубашка и красный галстук. Во время своей речи он не отходил от своей трибуны, Джеймс же был более раскрепощённым и не мог во время своей речи устоять на месте, постоянно обращаясь, как бы к зрителям, а не к сопернику. Выглядел он тоже весьма достойно: тёмно-синий костюм, белая обтянутая рубашка и красный галстук, закреплённый золотистого цвета зажимом между третьей и четвёртой пуговицей. Впрочем, Джеймс всегда знал, как одеваться стильно и выглядеть на публике безупречно.

– Так сложилось положение вещей, что во главе федерального правительства стоят люди, не готовые к серьёзным переменам. Избрание президента Хинтона даст первый толчок на пути к переменам, но у нас нет времени ждать, когда придут новые люди и станут принимать новые законы. Мы уже сейчас нуждаемся в переменных, и я, как и многие, кто поддерживает меня в «Твиттере», уверен, что США нуждается в этих изменениях, и изменения эти должны происходить на местном уровне. К сожалению, Вашингтон не придёт нам на помощь, мы должны сами решить свои проблемы, и будьте уверены, что, избрав меня, мы в один миг избавимся от многих проблем, терзающих не только наш округ, но и нашу страну в целом.

Некоторые из участников стали хлопать в ладоши, другие же смотрели на Билла Ривера в надежде, что он сможет вразумить своего соперника и поставить его на место.

– Всё это чушь собачья, – возмущённо выговорил Ривера, демонстративно закатывая глаза. – Вы говорите, что Норман Хинтон приведёт нашу страну к переменам, но наша страна держится на традициях и консервативных ценностях. Вся моя семья была приверженцами консерватизма, мой отец и моя мать голосовали за Рональда Рейгана, так что я знаю, о чём говорю. И поверьте, этот новый политический курс, на который устремился Хинтон и вся сегодняшняя молодёжь ни к чему хорошему не приведёт.

Снова раздались аплодисменты. Джеймс чувствовал себя неуверенно, когда большая часть присутствующих открыто поддерживала его соперника, но нельзя подавать виду, что тебя одолевают нервы, нужно постараться убедить народ, что единственное верное решение будет проголосовать за Джеймса Генри Росса.

– Все консерваторы говорят одно и то же. Все, как в один голос твердят, что перемены никогда не приводят к лучшему, что новые радикально настроенные правители могут только лишь сделать хуже. Но отчего же такая предубеждённость? Почему будет именно хуже? Мы не можем этого говорить, пока сами не проверим это. Я считаю, что любое государство, которое хочет быть на вершине, должно быть готово к переменам, и президент Хинтон стал первым за последнее время, кто не побоялся сделать первый шаг навстречу этим всё равно неизбежным переменам. Мы погрязли в этой устаревшей системе ценностей и взглядов, пора бы уже выбираться из низины и стремиться наверх. Все эти нормы морали, которые нам прививают с детства, все эти правила и устои, они не имеют ничего общего в современной действительности, нужно идти в одну ногу со временем, а мы всё по-прежнему тащимся где-то там позади.

– И что же вы предлагаете, мистер Росс? – Ривера встал в позу победителя, несмотря на то, что победителей здесь ещё не было. – Как, по-вашему, мы должны идти в ногу со временем?

– Всё очень просто, мой дорогой друг, – улыбнулся он в ответ, – большая часть проблем сейчас идёт из-за неверных моральных устоев. Взять хотя бы проблему нападения людей в масках.

Джеймс не мог не затронуть эту тему, по его мнению, именно в этом он точно превосходил своего соперника: Джеймс на собственной шкуре испытал, какого это пострадать от рук группировки. А значит народ проникнется в доверие, если всем поведать свои личные переживания.

– Я не удивлён, что Вы решили затронуть именно эту тему, – перебил Ривера. – Мы все прекрасно знаем, что на Вас дважды напали бандиты в масках политиков, и мы все очень возмущены этим событием, но какое отношение это, очевидно, бандитское нападение имеет к решению политических проблем в городе?

– Если бы Вы, мистер Ривера, не перебивали меня, я бы уже всё Вам рассказал, – также с издёвкой сказал Джеймс, не заостряя на него слишком много внимания, ведь главными слушателями здесь были граждане этого города, а не соперник на выборах. – Вы сказали, что люди в масках – это очередные бандиты, которые нападают на прохожих. Боюсь вас разочаровать, но это не так. Преступники нападают с целью ограбить прохожего, избить его или припугнуть.

Но эта организация нападает из-за личностных мотивов. И всё это делается из-за неких религиозных побуждений, – Билл усмехнулся, но ничего не произнёс, поэтому Джеймс продолжил. – Всё очень просто. Я ещё во время предвыборной гонки Нормана Хинтона и Ридли Харвута выступил с речью на федеральном канале о том, что поддерживаю политические взгляды Нормана Хинтона, а как вы знаете, в своих предвыборных обещаниях он заявил, что при его правлении религия никогда не будет стоять выше интересов государства и никогда не будет вмешиваться в политические выборы. Очевидно же, что данное решение не всех оставило равнодушными в стране, где примерно половина населения являются верующими.

Раздалось несколько громких хлопков, народ по неволе стал более внимательно вслушиваться в слова Джеймса и, самое важное, задумываться. Нужно было переманить их на свою сторону, именно с этой целью Джеймс, так и не оправившись после нападения, по-прежнему с поддерживающей правую руку косынкой выступал с подготовленной речью в здании городского Совета.

– И всё же мне не совсем ясно, что Вы хотите этим сказать и при чём тут нападение на Вас? С чего Вы вообще решили, что на Вас напали именно за ваши высказывания на федеральном канале?

– Потому что я знаю это. Прямо у нас под носом образовался религиозный культ, а как вы знаете, любой религиозный культ представляет угрозу для всего нашего населения. Не мне ли говорить, что из себя представляет, к примеру, Ку-клус-клан. И разве Вы не знаете к чему привели их действия?

– Постойте, подождите, ну что Вы говорите? – Ривера уже, очевидно, сам устал перебивать своего оппонента, но ничего не мог с собой поделать. – При чём тут Ку-клус-клан вообще? Насколько мне известно, это организация, которая была учреждена солдатами после Гражданской войны, отстаивающая белый национализм. Какое отношение это имеет к людям в масках политиков?

Джеймс глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Глупость оппонента всё больше и больше поражала его, все слова, которые он пытался донести до него, словно, пролетали мимо ушей. Но его это не слишком беспокоило, ведь главное, чтобы у Джеймса получилось донести свою мысль до избирателей.

– Вы, похоже, совсем не разбираетесь в этой теме. Ку-клус-клан – это расистское христианское движение, и стало оно известно благодаря своим жестоким убийствам. Вы верно сказали, что идеология их заключалась в превосходстве белой расы. Но самое важное, что здесь нужно понимать – то, что это РЕЛИГИОЗНОЕ движение. И нападение тех людей в масках – это тоже первый шаг на пути к тем жестоким убийствам, которые были совершены Ку-клус-кланом. Это в очередной раз доказывает то, что все эти религиозные организации – зло, от которого нужно избавляться. Уже сейчас мы видим в новостях по телевизору, что они не останавливаются на простых избиениях на улице, их численность растёт с каждым днём и скоро мы уже не сможем их остановить. Именно поэтому я категорично настроен решить эту проблему, запретив любую пропаганду религии в нашем городе, чтобы не было никаких религиозных собраний, чтобы мы могли спокойно жить и не бояться, что где-то в переходе на нас нападут люди в масках. Это Америка! Это свободная страна! И каждый может высказывать свои взгляды относительно религии, включая и атеистические. Так почему мы должны подвергаться насилию, если наши взгляды не совпадают с другими? Разве так поступают истинные верующие? Берут в руки дубинку и во имя Господа идут разбивать прохожим лица? Если вы согласны жить в таких условиях, то я нет. – От такой речи у Джеймса пересохло в горле, и он пожалел, что не взял с собой бутылку с водой.

На удивление Джеймса и Билла толпа начала аплодировать. Джеймс заулыбался, наконец, у него появился шанс составить сильную конкуренцию своему сопернику. Харизма и обаяние могут помочь ему собрать большее количество голосов, прямо как на выборах президента.

– То есть, вы хотите сказать, что в свободной стране, где каждый может высказывать свои взгляды... – попытался оспорить Джеймса Билл, но толпа продолжала хлопать, репортёры продолжали фотографировать и снимать, так что его слова еле доносились до ушей всех слушателей. – ...нужно запретить пропагандировать религию? Разве Вы не противоречите самому себе?

– Иначе мы не сможем их остановить. Процесс уже запущен и всё, что мы можем, это бороться с последствиями и не допустить, чтобы это повторилось, – коротко сделал заключение Джеймс и под продолжающийся шквал аплодисментов подошёл к сопернику и пожал ему левую руку, так как правая у Джеймса была в повязке. – Это были достойные дебаты.

– Я понимаю Вас, Джеймс. Я и сам был когда-то молодым и амбициозным человеком. Но за счёт юношеской самоуверенности эти выборы не выиграть. – Толпа стала умолкать. – Политика – это очень сложный и кропотливый труд, я освобожу Вас от этого бремени. – Билл Ривера улыбнулся.

– С нетерпением буду ждать итоги выборов, – Джеймс улыбнулся в ответ. На этом дебаты подошли к концу.

Вечером того же дня, когда Джеймс уставший пришёл домой, он ещё долгое время обсуждал в гостиной при включенном телевизоре с Ханной предстоящие выборы. Она была одета по-домашнему: в коротких спортивных шортиках и обычной майке. Джеймсу же было лень снять с себя хотя бы рубашку. Он улёгся головой на её колени, в то время, как она поглаживала нежными руками его волосы. Сейчас это было именно то, чего желал он больше всего. Расслабиться, отстраниться от всей этой политики и побыть наедине с любимым человеком.

Испытывая бурное наслаждение от массажа головы он и не заметил, как погрузился в сон.

За окном тьма, в коридоре тоже темень. На часах, что висели над школьной доской стрелки показывали 9:45 вечера. Несмотря на столь позднее время, когда Джеймс уже должен был быть дома и сидеть с семьёй за столом и, прочитав вечернюю молитву, ужинать, он всё ещё находился в школе в классе, где преподавали английский язык.

В школе было тихо, вокруг ни единой души, Джеймс слышал своё дыхание. Лишь шум старого включенного проектора нарушал идиллию тишины. Впрочем, его можно было смело выключить, поскольку он уже отработал своё предназначение на сегодняшний день.

В классе было тепло, несмотря на то, что за окном шёл снег и дул сильный ветер. Впрочем, такое понятие как тепло было в данный момент неприменимо, поскольку Джеймс вообще ничего не чувствовал: ни холода, ни голода, ни усталости. Ничего. Только лишь напряжение чего-то, что вот-вот должно произойти. Он чувствовал, как надвигается беда, но не знал откуда она и что именно должно произойти.

Двенадцатилетний мальчик по имени Джеймс стал прислушиваться в надежде услышать источник надвигающейся опасности. Очаровательный кабинет школы уже сам начинал казаться источником опасности, тишина начинала сводить с ума. Он хотел, чтобы хоть кто-нибудь зашёл бы сейчас и сообщил Джеймсу, что тот может смело идти домой, ведь занятия уже давно закончились, не стоит задерживаться допоздна, родители, наверняка, будут волноваться. Но никто не заходил, казалось, в здании вообще не было никого. Да и город из окна казался пустынным.

Страх стал накрывать маленького Джеймса, но со страхом можно справляться. Именно этим он и занимался, подавляя в себе это чувство, понимая, что по сути здесь нет никакой опасности. Он занимается в этой школе уже не первый год, знает всех учителей, многих учеников. Здесь приятная и дружеская обстановка, опасность просто не может ожидать в таком месте. Несмотря на все попытки себя успокоить и хоть как-нибудь ободрить, у Джеймса всё же сосало под ложечкой.

Наконец тишину прервал чей-то негромкий голос, который доносился откуда-то из коридора. Мужской голос явно пел христианский гимн, слова которого Джеймс знал наизусть. Причём слова доносились до его ушей очень отчётливо, будто человек, произносивший их, находился в паре метров от него. Лишний раз Джеймс даже осмотрелся по сторонам, и в очередной раз твёрдо был уверен, что доносились они из другого кабинета.

– О, благодать, спасён тобой я из пучины бед; был мёртв и чудом стал живой, был слеп и вижу свет, – доносилось из коридора.

Джеймс, несмотря на желание поддаться страху и убежать подальше от источника этих слов, всё же с любопытством выглянул в коридор и направился на голос мужчины.

Коридор был тёмным, лампочки горели временами, оставляя на пути участки, где хоть глаз выколи, не было видно ничего. Сама же школа, впрочем, выглядела весьма достойно, очевидно, с финансированием здесь не было никаких проблем. Разве что с освещением нужно было решить вопрос. Видимо, днём эта проблема была не столь значимой.

– Сперва внушила сердцу страх, затем – дала покой. Я скорбь души излил в слезах, твой мир течёт рекой.

Несмотря на то, что голос явно принадлежал мужчине, пел он мягко и душевно, словно находился на раскаянии у священника в церкви. Джеймс чем ближе подбирался к источнику звука, тем сильнее колотилось его сердце, словно опасность исходила именно оттуда, откуда доносилась эта прекрасная христианская песня.

– Прошёл немало я скорбей, невзгод и чёрных дней, но ты всегда была со мной, ведёшь меня домой.

Проходя мимо учительской, Джеймс заметил на стене, что располагалась прямо напротив центрального входа в здание школы несколько разноцветных плакатов религиозной тематики. На одном из них был призыв раскаяться перед Всевышним, на другом вокруг нарисованного креста была выстроена система ценностей для учащихся в религиозной школе. Над всеми плакатами красовался ещё один, на котором большими буквами было выведено: «**Catholic Schools**», а ниже красовались слова: «**FAITH. ACADEMICS. SERVICE**».

– Словам Господним верю я, моя вся крепость в них: Он – верный щит, Он – часть моя во всех путях моих.

Джеймс пересёк значительную часть школы, но так и не добрался до источника голоса. Очевидно же, что мужчина не мог петь так громко, что его слова песни доносились бы на другой конец огромного здания школы. Джеймс тревожно сглотнул и продолжил следовать по коридору, в надежде, что вскоре ему всё же удастся набрести на загадочного мужчину.

– Когда же плоть моя умрёт, придёт борьбе конец, меня в небесном доме ждёт и радость, и венец. – Голос начал петь быстрее, ускоряясь с каждым словом.

Ему следовало бы развернуться и бежать к выходу. Зачем он следовал вглубь школы, сам себе задавал Джеймс вопрос? Зачем ему нужно было непременно отыскать человека, поющего церковный гимн? И почему в школе царил мертвенно-пустынная напряжённая атмосфера? Где все люди? Неужели, они одни во всём здании?

– Земля истает словно снег, иссякнет солнца свет, тобой призвавшим меня здесь, навеки я согрет.

Джеймс остановился напротив кабинета химии. Дверь была приоткрыта, но в самом кабинете не было ни единого источника света. Голос доносился именно оттуда, в этом Джеймс не сомневался. Легонько подтолкнув деревянную дверцу, он встал на пороге, не решаясь зайти.

– Пройдут десятки тысяч лет, забудем смерти тень, а Богу так же будем петь, как в самый первый день.

Свет из коридора частично освещал пространство в кабинете. Приглядевшись, Джеймс обнаружил, что среди рядов парт в центре за одним из них сидел мужчина в костюме. Лица

Джеймсу никак не удавалось разглядеть, но ему этого не требовалось, так как он точно знал этого человека и точно видел его раньше.

Мужчина молчал, судя по силуэту, он тоже смотрел на маленького Джеймса. Страх у Джемса прокатился с невиданной силой, по телу пробежали мурашки. Опасность исходила именно от этого человека, теперь в этом не было никаких сомнений. Мужчина тоже чувствовал страх мальчика.

– Не хочешь зайти и помолиться вместе со мной? – задал он вопрос мальчику.

Джеймс помотал головой, ему не хотелось находиться рядом с этим человеком. Мужчина приподнялся из-за стола и лицо его озарилось светом, доносящимся из коридора. Джеймс с ужасом закрыл глаза и закричал, вытирая слёзы на щеках.

Проснувшись в холодном поту он первым делом посмотрел на часы. Время было 03:12. Сердце колотилось как у бешеного быка. Джеймс сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, как его научили в студенческую пору. Ханна тоже проснулась вместе с ним и обняла его голый торс сзади. Потихоньку он начал успокаиваться, понимая, что это всего лишь сон, опасности нет. Однако очень странным ему показалось то, что сон имеет такую подоплёку, расшифровать которую ему не под силу.

Сославшись на то, что в последнее время Джеймс испытал слишком много стресса и буквально при каждом разговоре ссылаясь на религию, отчего и стали ему сниться столь странные символические сны, он укутался в одеяло и, обняв свою любимую девушку, вновь погрузился в безмятежный сон.

– Это Беверли Кэмпбелл с репортажем из центрального городского парка, где кандидаты на пост советника могут в последний раз обратиться к жителям города Берлингтон и ответить на волнующие их вопросы. На данный момент по опросам в выборах лидирует Джеймс Генри Росс, обогнав своего соперника на восемь очков. Мы будем держать вас в курсе событий.

Половина города собралась в этот день в центральном парке, чтобы наблюдать за предвыборной компанией своих кандидатов. Большой американский флаг был натянут позади трибуны, на которой стоял Джеймс и вдохновлённо произносил свою предвыборную речь.

– Спасибо вам всем за то, что поддерживаете меня, без вашего активного участия в соцсетях, в частности в «Твиттере», у меня бы не было ни единого шанса продвинуться дальше подачи заявления секретарю округа, – насмешливо сообщил он, вещая свою речь с трибуны. – Вместе мы сможем пройти через любые преграды. Только благодаря вам мы очистим этот город от религиозных сект и преступников, возомнивших себя посланниками Бога.

В овациях у Джеймса не было недостатка, люди активно кричали свои лозунги, поднимали плакаты с надписями: «Голосуйте за Джеймса Генри Росса», «Мой голос принадлежит Джеймсу Россу», «Джеймс Росс для городского Совета». Атмосфера так и настраивала на победу, теперь Джеймс был уверен, что сможет заручиться поддержкой большинства и набрать голоса, чтобы избежать второго тура.

– К сожалению, – звук динамиков доносился до дальнего конца улицы, чтобы каждый житель и без того небольшого города мог услышать речь кандидата, – опасность подстерегает на каждом шагу, и я не могу предотвратить все угрозы, но и оставлять всё на произвол судьбы я тоже не намерен. Пока полиция занимается поисками членов культа, почему бы нам с вами не объединиться и не начать противодействовать появлению таких культов? Мы с вами прекрасно понимаем, что религия хоть и несёт в себе добрые намерения, зачастую интерпретируется неправильно. События в Библии всегда можно исказить так, что главной идеей будет устранение всех неверующих, ведь убийство ради высшей цели не является смертным грехом.

– Да! – закричали некоторые неравнодушные сограждане. Джеймс помахал им рукой, дав понять, что крайне рад такому успеху среди населения.

Семь смертных грехов человека. И среди них нет греха за убийство. Именно об этом говорил Джеймс.

Беверли Кэмпбел и её оператор также присутствовали на предвыборной речи. Из-за громких заявлений кандидатов, пытающихся привлечь к себе как можно больше внимания, обновлять новости приходилось чуть ли не каждый час. Однако корреспондент была поражена столь успешной предвыборной компании, рейтинги Джеймса росли буквально на глазах. Очевидно, что народу надоели постоянные выходы со стороны всё больше растущего культа, который уже переходит все границы дозволенного, и они решили выбрать в Совет молодого перспективного и амбициозного кандидата, что не побоится принять решительные меры борьбы с религиозными сектами на законодательном уровне.

– Мой оппонент Билл Ривера заявил мне, что у меня нет шансов одержать победу, поскольку принимать законы касательно запрета какой-либо религиозной деятельности в стране, где значительная часть населения являются верующими просто нелепо. Якобы, это заведомо проигрышная борьба. Но посмотрите на нашего президента Нормана Хинтона – человек, который открыто поддерживал закон о запрете религиозным организациям вмешиваться в дела страны, поддержала большая часть выборщиков. А значит и у нас с вами есть шанс одержать победу. Только благодаря помощи единомышленников, то есть с вашей помощью мы преобразуем этот город и весь штат Вермонт. Чтобы бороться с религиозными фанатиками, нужно большое мужество.

Трансляция с места событий велась в прямом эфире. Джеймс понимал, что вещает свою речь на всю страну. Возможно, именно сейчас сам Норман Хинтон наблюдает за репортажем из Белого дома, а значит он должен был выложиться по максимуму.

– Мы должны довериться истине, что в наших сердцах, сердцах патриотов этой страны. Церковь стала захватывать все информационные пространства и использовать их себе на благо. Конечно, это не преступление, но нужно понимать, что с каждым днём их влияние на весь мир становится всё больше, а где влияние, там и личностные мотивы. Разве мы хотим жить в стране, где священники будут нам указывать, что делать? Почти весь этап мировой истории в мире правили представители церкви. Любого царя, любого императора, любого князя сопровождали духовные люди, которые давали свои советы и делали замечания. Страной должны управлять знающие своё дело люди, а не послушники Бога. Нас большинство, а значит никто не смеет нас притеснять, мы вольны говорить всё, что вздумается и свободно выражать свои мысли без боязни, что на нас совершат нападение.

– Да! Всё верно! Мы не должны бояться! – выкрикивала толпа под свист и хлопот.

– Эти выборы только лишь начало. У меня грандиозные планы, и вы поможет мне их осуществить. Я – ваша надежда на светлое будущее. Я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы жители этого города чувствовали себя в безопасности. Мы едины духовно. Сейчас мы сильны, как никогда прежде. – Камера показала Джеймса крупным планом. Внизу экрана была надпись: «Джеймс Генри Росс – кандидат в члены городского совета проводит митинг».

На улице становилось ветрено, Джеймс это понял по раздувавшемуся американскому флагу. Гордо показав большой палец девушке, что кричала агитационные лозунги, он продолжил.

– Я далеко не святой человек, у меня есть много недостатков. Но я не боюсь высказывать это вам, потому что я доверяю своим избирателям. Я честен с вами и обещаю, что буду честен, когда займу этот пост. Именно поэтому я надеюсь на ваши голоса. Голосуйте за Джеймса Генри Росса. Ради этого города! Ради Вермонта! Ради Америки! Ради всех нас!

Дилан подкинул дрова в камин и пошевелил кочергой, чтобы пламя быстрее охватило сухую древесину. Ханна убавила звук телевизора, как только прошли новости о том, что после выступления Джеймса Росса в парке, по опросам избирателей Джеймс обходит своего соперника на шесть очков. В таком случае, если ему удастся набрать больше половины голосов, второго тура выборов может и не быть.

– Я просто поверить не могу, что Джеймс смог набрать столько голосов за такой короткий промежуток времени, – удивилась Камилла, прослушав репортаж. Она уселась на кресло вместе с Диланом, закинув на его колени ноги, и испив из бокала божественный напиток.

– Это всё из-за культистов, – резюмировал Дилан, поглаживая её ноги. – Буквально последние несколько дней их численность выросла в разы. Полиция не справляется с такой толпой, вот поэтому народ и боится. Джеймс же чётко даёт понять, что проблема в религии.

– По-моему, Джеймс слишком сильно акцентирует на религии внимание. Не может быть так, что религия – корень всех проблем, – продолжила она.

– Ты чертовски права! – громко произнёс Джеймс, неожиданно появившись из-за угла, держа тарелку с закусками.

Поставив чипсы на стол, он медленно прошёлся по гостиной. В доме у Дилана и Камиллы всегда была идеальная чистота, и потрясающий камин, который не только согревал воздух, но и служил источником уюта и домашней атмосферы.

– Корень всех бед не может кроиться в религии, всё зло в нас самих. – Джеймс не мог оторвать взгляд от Ханны, чертовски привлекательны были её глаза. После небольшой паузы, оторвав, наконец, взгляд от неё, он снова обратился к Камилле. – Важно не то, что сотни религиозных организаций создают своё вероучение, важно то, какой посыл они несут своим последователям и всему миру. Горький опыт показывает, что организации далеко не всегда вкладывают правильный посыл, люди склонны извращать религию. И моя задача, как истинного защитника этого города – избавиться от организаций, исповедующих извращённые учения.

Джеймс уселся на кресло рядом с Ханной, напротив Дилана с Камиллой. Последние несколько дней они пренебрегли традицией собираться вместе и весело проводить время. После нападения на парковке, Джеймс какое-то время провёл в больнице, находясь на лечении. Затем последовала череда упорной работы как в психиатрической больнице, так и в городском Совете. Подготовка к выступлениям, составление плана программы для возможной будущей должности на посту председателя городского Совета, всё это выматывало Джеймса и требовало от него должной отдачи. Несмотря на столь большие затраты как времени, так и сил, результаты дали свои плоды. И сегодня в этот вечер, наслаждаясь успехами проделанной работы, но с осознанием, что это лишь незначительная часть пути и самая грандиозная работа предстоит впереди, Джеймс расслаблялся в компании близких людей.

– Это потрясающий прорыв, мы совершили большой скачок за короткое время. Но этого ещё недостаточно, – продолжил Джеймс делиться своим мнением. – Я всё время думаю о том, сколького мы можем добиться. За нашими плечами уже было немало свершений, но мы на этом не остановимся. Как истинный патриот я готов служить этому городу и принимать законы, которые сделают этот город и весь наш штат только лучше.

– Ты говорил, что самое первое твоё решение в случае победы будет запрет пропаганды религиозных учений. Я достаточно долго думал на этот счёт, не знаю, как отреагируют остальные, но я полностью поддерживаю такое решение, – согласился Дилан.

– Ты серьёзно? – озадачилась Камилла. – У нас ведь целые семьи живут по религиозным законам, молятся перед каждым приёмом пищи, ходят на проповеди в церковь. Как по-твоему они отреагируют на такую новость, что теперь они не смогут делиться своими знаниями из Библии, скажем, с соседями?

– Никто не запретит им делиться своими знаниями касательно Библии с соседями или коллегами, – вступился за Джеймса Дилан. – Здесь имеется совсем другое. Нельзя навязыв-

вать свои вероучения другим людям, которые этого не желают. Ты ведь помнишь, сколько раз за этот месяц к нам и соседям приходили свидетели Иеговы¹ и предлагали изучать свою религию? Ты сама говорила, как сильно тебя достали эти чокнутые верующие. Закон, который хочет принять Джеймс и направлен на то, чтобы снизить влияние религиозных организаций на простое население и предотвратить появление религиозных сект, которые в дальнейшем будут вербовать людей и промывать им мозги.

Джеймс даже не знал, что сказать на этот счёт. Всё было озвучено правильно и мысль донесена верно. А всё потому, что он неоднократно просил совета у своего друга и вместе с ним составлял предвыборную речь. Кто как не Джеймс с Диланом лучше всего разбирались в психологии людей, проработав несколько лет в психиатрической больнице.

– Всё верно, они порядком всем уже поднадоели. За всё то время, что мы с Диланом проработали в больнице, мы повидали немало случаев, когда у людей наблюдались психические отклонения на фоне религиозного помешательства. Или же бывало так, что сам по себе психологически больной человек лишь усугублял свою болезнь, поддавшись влиянию религиозным фанатикам. Вспомни тот случай, что произошёл с тобой в самом начале твоей карьеры, – обратился Джеймс к Дилану.

Дилан сделал вид, что задумался, припоминая случай в своей практике, хотя он прекрасно помнил всё в деталях, поскольку события, произошедшие с ним забыть просто невозможно. Облокотившись на спинку дивана, он решил, что самое время поделиться своими воспоминаниями о том роковом дне, который чуть было не лишил юного Дилана его карьеры и, быть может, даже жизни. Он решил рассказать ту самую историю, о которой заговорил Джеймс в ресторане во время предыдущей их встрече.

– Это произошло на первом году моей практики в качестве врача-психиатра. Я тогда ещё был неопытен и питал иллюзии касательно того, как прекрасно работать там, где не требуется выполнения сложных манипуляций. День не предвещал никакой беды...

Зачастую в практике врача-психиатра приходится сталкиваться с пациентами, которым уже невозможно помочь. Для них создаются специальные условия, обеспечивая им комфортное пребывание в стационаре и наблюдение на протяжении всей жизни. Одним из таких пациентов был мужчина по имени Фред Батлер, сорока пяти лет с диагнозом шизофрении, которая наблюдалась у него ещё с детства. Несколько раз в год у него происходили обострения болезни в виде слуховых и зрительных галлюцинаций, бредовых идей и других шизотипических расстройств. Как правило в это время по настоянию социальных служб мужчину направляли на лечение в стационар. После того, как у Фреда купировались бредовые психозы и улучшалось общее самочувствие, он отправлялся на амбулаторное лечение с обязательным посещением кабинета психиатра.

В назначенный день Батлер не явился к психиатру, как и не явился в последующие дни. Через неделю психотерапевтом было принято решение отправить молодого практиканта Дилана к пациенту домой, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке, никаких казусов не произошло, его здоровью или здоровью его соседей ничего не угрожает, поскольку Фред живёт один в своём доме. Вооружившись блокнотом для записи и самым ценным предметом любого врача – ручкой, Дилан отправился на дом к Батлеру, надеясь, что тот просто забыл о явке. Но как же он ошибался.

Снаружи дом производил вполне себе хорошее впечатление: газон был выстрижен, крыльцо убрано, ничего не выдавало того, что в доме проживает человек, страдающей шизофренией. Дилан смело прошёл по тропинке к дому, заглянул в окно, но, ничего не разглядел

---

¹ Организация запрещена на территории РФ

из-за занавесок, постучался в дверь. Спустя несколько секунд на пороге появился тот самый Фред Батлер и внимательно стал разглядывать своего незваного гостя.

– Добрый день, мистер Батлер, – доброжелательно обратился к нему Дилан. – Меня зовут Дилан Симмонс, я врач из психиатрической больницы. Разрешите мне войти и задать Вам несколько вопросов.

Мужчина поколебался, однако, прикрыв дверь, чтобы снять защёлку, пригласил молодого врача к себе в дом. Внешне Фред также не производил впечатления человека, регулярно посещавшего психиатрическую больницу. Одет он был по-домашнему: в майку и спортивные штаны, однако, выглядел вполне опрятно и цивилизованно.

– Да, конечно, проходите, – он закрыл за Диланом дверь. – Извините за беспорядок, просто я не ждал сегодня никого. О, пройдёте в гостиную, я отвечу на любые вопросы. – В сопровождении хозяина дома Дилан зашёл в просторную гостиную, где царил лёгкий беспорядок, как и говорил Фред: разбросанные вещи валялись то на полу, то на диване. На столе располагалась немытая посуда и стопка пустых коробок из-под пиццы. Впрочем, назвать этот дом захламлённым Дилан не мог, поскольку несколько лет прожил в общежитии и хорошо знал, что такое беспорядок. В данном же случае дом можно было назвать скорее обжитым. – Присаживайтесь, – указал Фред на заваленный диван. – Вам приготовить чай? Вкусный чай, я сам выращиваю листья.

– Пожалуй, не откажусь, – согласился Дилан после недолгого раздумывания, сославшись на то, что ему предстоит некоторое время общаться с пациентом и было бы неплохо во время диалога занять себя чем-нибудь помимо записей в блокнот.

– Да, чудно. Чудно! – радостно воскликнул он, на что Дилан не обратил внимания, поскольку понимал, что находится у не здорового человека. К тому же, быть может, именно из-за обострившегося психоза пациент не посещал врача на протяжении недели. Именно с этой целью и явился Дилан, чтобы выяснить, нуждается ли Фред в госпитализации. – Пойду тогда разолью его, я как раз заварил чай перед Вашим приходом. – Он отлучился на кухню, проговаривая себе под нос алгоритм действий, который он должен выполнить, чтобы ничего не забыть. – Разлить две чашки. Сначала заварка, потом кипяток. Достать конфеты. Достать печенье, разложить их в блюде...

Дилан осмотрелся по сторонам. Ничего необычного, гостиная говорила лишь о том, что в доме проживает холостяк, который редко наводит порядок. Ни на комод, ни на камине, ни на столике он не увидел ни одной рамки с фотографией. Из истории болезни Дилан знал, что у Фреда из семьи остался только родной брат, очевидно, не горящий желанием общаться с единственным своим родственником. Друзей у Фреда тоже, судя по всему не было, поскольку во время наблюдения в стационаре он был замкнутым, проявлял интерес к уединённым занятиям, таким как чтение, рисование пейзажей, стал интересоваться философией и религией.

Отодвинув брошенную одежду слегка в сторону, он уселся на краешек дивана, достал блокнот с ручкой и начал делать заметки о внешности пациента и условия, в которых он проживает. Фред вернулся с двумя чашками чая, поставил их на стол, затем принёс тарелку со сладостями и тоже оставил на столе. Проанализировав, ничего ли не забыл он принести, неуверенно уселся на кресло, потирая вспотевшие руки. Выглядел Фред слегка взволнованно, однако другой реакции Дилан и не ожидал увидеть, поскольку понимал, что сейчас он будет задавать вопросы, от которых зависит, нужно ли отправлять хозяина этого дома снова в больницу.

– Фред, расскажите мне, почему Вы не явились на приём к психиатру неделю назад? Вы ведь помните, что должны посещать врача регулярно? – Дилан отпил из кружки. Чай действительно был превосходный.

– Видите ли, я не видел нужды являться на приём, поскольку чувствовал себя вполне хорошо. Да и зачем лишний раз заваливать врача работой? – «Работой теперь завалили меня, заставив прийти в эту халупу», – подумал Дилан и продолжил слушать пациента, попивая чай

и не забывая записывать важную информацию в блокнот. – Со мной всё хорошо. Правда, Вам не стоит беспокоиться обо мне, всё в порядке. Если со мной что-либо случится, я уже знаю, куда обращаться.

Зачастую пациенты прекрасно понимали, что они больны и осознавали, что им необходима психиатрическая помощь. Фреда хоть и принуждали к лечению социальные службы или же соседи по дому, всё же он добровольно соглашался на лечение и всячески предьявлял желание пройти курсы психотерапии. С пациентами, которые шли навстречу врачам, как правило, не возникало никаких проблем.

– Вас точно ничего не беспокоит? Может, испытываете какие-либо галлюцинации? Или что-то Вас тревожит? – задавал Дилан наводящие вопросы, внимательно наблюдая за реакцией и мимикой пациента.

– Нет, нет, что вы. Ничего такого. Я чувствую себя прекрасно. Чтоб Вы понимали, у меня нет никаких жалоб. Встаю по утрам, готовлю себе завтрак, днём иногда ко мне приходят гости, мы проводим здесь собрания.

– Собрания?

– Да, собрания. Ну знаете, что-то типа клуба любителей книг и всё такое, – волнительно пояснил Фред, потирая ладони.

– По ночам спите нормально? Бессонница Вас не беспокоит? – Дилан чувствовал что-то неладное, но никак не мог объяснить себе причину появления таких чувств.

– Нет, не беспокоит.

Дилан отхлебнул ещё чаю и черкнул в блокнот. Клуб читателей книг никак не укладывался в его голове. Фред всегда любил проводить время один, странно, что он решил делиться своими мыслями с кем-то ещё помимо психотерапевта. Разве что он мог привести к себе братьев по несчастью, то бишь таких же шизоидов, увлекающихся литературой, что на самом деле не так уж и плохо. Гораздо хуже, когда человек, страдающий шизофренией окончательно погружается в себя, становится безэмоциональным, равнодушным, безразличным к окружающим.

– Как происходит общение с людьми? Не испытываете каких-либо трудностей при походе в магазин, например?

– В основном я заказываю еду с доставкой. Я редко когда выхожу из дома.

– Как у Вас дела обстоят с аппетитом? Чем питаетесь? – Дилан уже успел рассмотреть упаковки от пиццы, гамбургеров, наггетсов, куриных крылышек, так что примерно понимал рацион питания мистера Батлера.

– Да не плохо, питаюсь всем понемножку. Ну знаете, сегодня одно, завтра другое.

И всё же, что-то здесь было не так. Дилан чувствовал, что Фред что-то недоговаривает. Внутреннее состояние, точнее интуиция подсказывало ему, что это место вовсе не такое, чем кажется на первый взгляд. Здесь таится опасность, нужно было срочно бежать от этого злополучного места как можно скорее. Но вместо этого, надеясь, что всё это лишь фантазии и предрассудки, Дилан поинтересовался, где в доме находится уборная. Получив пояснительный ответ, он встал с дивана и направился в дальний конец коридора.

По обе стороны от уборной располагались две комнаты. Сделав все свои дела в уборной и приведя себя в порядок, Дилан решил не спешить возвращаться в гостиную и мимолётом заглянул в одну из комнат.

В комнате было пустынно, кроме кровати и большого шкафа здесь не было никакой другой мебели. Это и не удивительно, ведь Фред Батлер проживал один в доме, ему и не нужно было много мебели, за несколько лет, что он живёт один, он уже давно мог продать половину вещей в доме. Но всё же, это настораживало. Словно околдованный, Дилан зашёл в комнату и понял, что ошибался насчёт мистера Батлера.

При должном рассмотрении нельзя было не заметить, что стены были исписаны маркером. Прочитать корявый подчерк Дилан не мог, но уловил посыл этих надписей. Все они означали некий сатанистский обряд, заклинания, написанные на латыни. В центре на полу был нарисован импровизированный демонический круг с расставленными по окружности белыми свечами. В центре круга следы засохшей крови. Очевидно, предназначался он для неких обрядов в виде жертвоприношений.

Среди всей этой вакханалии только лишь шкаф смотрелся уместно, но и он не был лишён своих «скелетов». Уже на данном этапе исследования комнаты Дилан понял, что мужчина окончательно выжил из ума и нуждается в срочной госпитализации, но любопытство взяло вверх над ним и он, словно под гипнозом, подошёл к шкафу, который таил в себе секреты, о которых никто не должен был знать. Распахнув дверцы, он ужаснулся.

То, что находилось в шкафу окончательно повергло его в шоковое состояние ступора. Этот момент он запомнит на всю жизнь, как предостережение, что иногда лучше не вмешиваться в чужую жизнь. Ведь в тот день Дилан мог уже никогда не выйти из этого, казалось на первый взгляд, столь благополучного дома.

– Мне очень жаль, но Вы не должны были этого видеть! – донёсся голос сзади. Дилан, всё ещё находящийся в состоянии ступора, не мог произнести ни слова.

На верхней полке располагались в ряд разрезанные части домашних животных, таких как кошек, собак, хомячков, домашних попугаев. Тела были разрезаны с хирургической точностью и сложены в виде артефактов, которые выставляют за стеклом в музее на всеобщее обозрение.

На второй полке находились повешенные крысы, задушенные кошки. Из-за едкого трупного запаха можно было понять, что находились они там не один день. Фред Батлер коллекционировал домашних тварей и запечатлел их в виде своеобразных импровизированных мумий, которыми можно было любоваться лишь до тех пор, пока внутренности окончательно не разложатся под действием бактерий и грибов.

Третья полка была уставлена банками с законсервированными телами животных, таких как суслик, крот, крыса, по крайней мере именно их Дилан успел запомнить. Тела животных плавали в прозрачной, зеленоватого цвета жидкости, судя по запаху, похожей на формалин. В любом случае шкаф оказался клондайком различных артефактов для личного коллекционирования.

– Что это такое? – шёпотом спросил Дилан, попытавшись прийти в чувство.

– Это моя личная коллекция для одного обряда. Вы знаете, сколько я потратил времени, чтобы собрать их всех вместе? У некоторых на это уходят недели или даже месяцы. Мне же понадобилось всего несколько дней. Правда здорово, согласитесь?

Несколько лет, проведённых в университете, и всё равно ни в одном учебном материале, ни в одной лекции, ни в одних клинических пособиях не даются рекомендации, как вести себя в подобных случаях. Находясь в больнице, ты смеешь работать с пациентом как тебе угодно, проводить психологические тренинги, как пожелаешь. Но, находясь на территории пациента, ты уже не можешь спокойно оперировать своими заученными терминами и фразами, тебе так или иначе приходится импровизировать исходя из ситуации, основываясь исключительно на собственном опыте, которого у Дилана в то время не было.

– Это прекрасно, – начал свою импровизацию Дилан, опасаясь того, что Фред сейчас может представлять серьёзную угрозу.

– Вы меня удивили. – Только в этот момент Дилан обернулся и заметил, что у Фреда в руке находился кухонный нож для резки мяса. На несколько секунд у него промелькнула мысль, что его жизнь зависит от того, как правильно он сможет подобрать слова для предстоящего диалога. – Я думал, что Вы будете возмущены, увидев такое. Вы не представляете, какая это радость иметь такого единомышленника.

– Я Вас прекрасно понимаю, – согласился Дилан, пытаясь скрыть свою ложь, чтобы обман не раскрылся.

– Прекрасно! – воскликнул Фред, но не стал откладывать нож в сторону, так и не дав Дилану хоть чуточку расслабиться. – Тогда давайте не будем стоять, как вкопанные. Пройдёмте же в гостиную, я Вам всё расскажу.

Не смея перечить человеку, в данный момент распорядившемуся его судьбой, Дилан прошёл за ним до гостиной, где на столе располагался уже остывший чай. Усевшись на кресло и сделав глоток, он ясно дал понять взглядом, что холодный чай уже безвкусный, в надежде, что Фред уйдёт на кухню, чтобы разлить свежий напиток, но Фред не сдвинулся ни с места.

– Не поймите меня неправильно, я не живодёр. Мне жаль убивать этих животных, но это просто необходимо. Ради того, чтобы попасть в рай, на какие только жертвы не пойдёшь.

Наступила минута молчания, минута гробовой тишины. Фред наслаждался тем, что, судя по всему нашёл нового единомышленника, Дилан прокручивал в голове тысячи различных вариантов диалогов и искал среди них тот, что поможет ему избежать печальной участи и как можно скорее покинуть этот проклятый дом.

– Так значит, это не книжный клуб к Вам приходит? Здесь Вы устраиваете религиозные обряды? – осторожно спросил он.

– Всё верно. – Фред отложил нож в сторону. Дилану пришла мысль, что если он рывком схватит его, то у него будет преимущество. Однако ситуация была и без того крайне напряжённой, и чем дольше он сможет сохранять спокойную обстановку, тем безопаснее будет для него самого. В данный момент ему следовало действовать не силой, а умом. – Только так можно принести жертву богам и получить их благословение.

– Мне очень интересно ваше учение, – снова соврал Дилан. – расскажите мне подробней, что из себя представляет ваша религия?

Фред Баглер оживился после этих слов и стал в подробностях рассказывать о своей вере. Так случилось, что несколько недель назад до этих событий Фред познакомился с представителями религиозной секты, помешанной на тематике массового самоубийства ради того, чтобы благополучно оказаться в раю и стать мучениками своего дела.

Фред подробно описал, что согласно его учению, для того, чтобы предстать перед вратами Эдема, необходимо жертвоприношение, которое проходит в несколько этапов. Этап первый состоял в том, чтобы убивать на алтаре каких-либо животных. По такому случаю у Фреда на улице было много бездомных тварей, которых достаточно было приманить в дом едой, чтобы впоследствии совершить свои обряды жертвоприношения.

Как только боги становились милостивыми следовал второй этап. Заключался он в том, чтобы совершить ритуальное самоубийство, таким образом избежать мучительной смерти от неминуемого конца света, от которого все грешники попадут в ад, а мученики смогут наслаждаться почестями небесных богов. Фред как раз находился на пороге того, чтобы перейти на второй этап. На следующий день он собирался в очередной раз пригласить членов секты к себе в дом, чтобы закончить обряд посвящения и провести обряд самопожертвования перед своими наставниками.

Внимательно слушавший его Дилан решил во что бы то ни стало покинуть это место как можно скорее. Но просто встать и уйти он не мог, в возбуждённом состоянии психически больной человек способен на непредсказуемые действия. Поэтому следовало осторожно дать понять Фреду, что Дилан также желает принять участие в обряде.

– Уже завтра закончатся все мои мучения и я, наконец, попаду в рай, – радостно объявил Фред.

– Это очень здорово, – порадовался за него Дилан, чувствуя сильное напряжение. Кружка уже давно опустела, и он не знал, чем ещё занять свои руки. – Позвольте поинтересоваться, как я могу присоединиться к вам?

– Вы правда этого хотите? – с такой же радостью спросил Фред. – Я думал, что Вы будете против, услышав, через что нам всем предстоит пройти, чтобы заслужить милость богов.

– Меня больше страшит участь, что после апокалипсиса я попаду в ад. В любом случае через боль и страдания я смогу искупить свои грехи, всё это воздастся на небесах.

– Полностью с Вами согласен. Но Вы ведь понимаете, что Вам придётся на какое-то время отлучиться от своей семьи, от друзей. Во время обряда посвящения строго запрещено общаться с близкими. Мне-то это было легко, у меня нет семьи, нет друзей. Только лишь мой брат, да и то он не желает видеть меня из-за моей болезни. Поэтому-то я и решил, что лучшего в этой жизни мне уже не видать. Это единственный выход совершить хоть какое-то полезное дело и уйти на вечный покой.

В какой-то миг Дилан даже почувствовал жалость к своему пациенту. Одиноким и несчастным мужчиной, которого жизнь наградила таким недугом. Но несчастная жизнь не повод брать в руки нож и разделывать невинных животных, ему определённо нужна была длительная психологическая помощь, а членов секты, непременно, нужно было отыскать в кратчайшие сроки и наказать их.

Взглянув на часы, Дилан понял, что и так уже задержался в этом доме дольше положенного.

– Порвать все связи с семьёй – это серьёзный шаг, – произнёс Дилан. Фред кивнул в ответ. – Думаю, мне нужно какое-то время, чтобы с ними попрощаться. Я пока не готов начать обряд посвящения. Мне нужно время.

– Да, конечно. Я всё понимаю, для таких, как Вы, это весьма непростое решение и нужно хорошенько взвесить все «за» и «против». И, конечно же, объяснить своим родным, что это необходимо ради высшей цели.

– Тогда я вынужден отклониться, чтобы как следует подготовиться к предстоящему делу. Вы позволите мне отлучиться?

– Само собой. – Фред встал с кресла и сопроводил Дилана к двери. – Только не предавайтесь земных утехам слишком долго, нас ждут великие дела и чем раньше мы начнём, тем быстрее сможем предаться божественному делу.

– Разумеется. Я постараюсь как можно скорее вернуться к Вам, – убедительно произнёс Дилан и, выдохнув, переступил за порог, вырвавшись на свободу из этого адского дома.

Ещё никогда он не был так рад оказаться на улице, где куча народу, можно в любой момент позвать на помощь и тебя обязательно услышат. В этой напряжённой психологической борьбе Дилан смог одержать победу. И в одном он не соврал своему пациенту: он ещё вернётся. Но только не один, а в сопровождении полиции и психиатрической бригады, которая явилась на его участок спустя час после того, как Дилан в целостности и здравии покинул обиталище психопата.

Спустя два дня полиция также задержала двоих членов секты. Суд признал одного из них невменяемым и направил на принудительно лечение в психиатрическую больницу. Дилан отказался брать его в качестве пациента, от сектантов он натерпелся предостаточно. Пациента тогда взял Гидеон Ребхорн. Однако никакой положительной динамики от лечения длительное время не наблюдалось, члены религиозной секты не поддавались психотерапии.

Так и прошло посвящение Дилана в работу психиатра. Этот случай навсегда закалил его дух и дал возможность определить, годится ли он для своей должности. Ловкость и смекалка помогли Дилану пройти эту проверку и впоследствии никогда больше он не сомневался, что выбрал правильный жизненный путь.

Камилла открыла рот от удивления, эту историю от своего любимого она слышала впервые. Дилан вообще старался не упоминать лишний раз о тех событиях в доме Фреда Батлера.

Ханна скукожилась и прижалась к Джеймсу, который обнял её, словно доблестный рыцарь-защитник, показывая всем, что не даст свою красавицу в обиду.

– Ужас какой-то, – всё, что смогла выдать из себя Камилла. Дилан молчал.

– И подобных историй случается сотни по всему миру, – вставил Джеймс. – Взять хотя бы всем известную историю с сектой «Врата рая». Вы ведь слышали о ней?

Ханна с Камиллой помотали головой. Дилан слышал о ней, но не мог вспомнить события, поэтому с удовольствием вновь послушал бы рассказ.

– В тысяча девятьсот семидесятых годах, – начал Джеймс, – человек по имени Маршалл Эпплуайт, который также лечился в психиатрической больнице, образовал секту под названием «Врата рая». Членом этой секты необходимо было отречься то земных утех. Так им нельзя было употреблять алкоголь, заниматься сексом, слушать любимую музыку. Что уж говорить, если члены секты обязаны были носить перчатки и натягивать на себя капюшоны только для того, чтобы случайно не соприкоснуться друг с другом и не воспытать греховным желанием. О семье нужно было забыть раз и навсегда, каждый имел своего партнёра, задача которого состояла в том, чтобы наблюдать за предоставленным ему членом культа.

26 марта 1997 года тридцать девять человек покончили жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу фенотарбиталя, смешанную с фруктовым пудингом. В то время к Земле приблизилась орбитальная комета Хейла-Боппа, в хвосте у которой был виден некий светящийся объект, по своим размерам сравнимый с огромной планетой, в несколько раз превосходящей Землю. Духовный лидер Эпплуайт убедил последователей своей секты, что они покинут свою земную оболочку и отправятся в путешествие на космическом корабле, который как раз и находится в хвосте кометы. Тела восемнадцати мужчин и двадцать одной женщины были найдены на его вилле. Последователи секты после того, как приняли смешанный в фруктовом желе препарат и запили всё это водкой, натянули на головы пластиковые мешки, чтобы задохнуться во сне. У всех у них на рукавах были повязки с надписью: «Команда ушедших во Врата рая». Отныне эта религиозная секта считается одной из опаснейших сект в мире.

Джеймс закончил свой рассказ и замер в ожидании реакции от слушателей.

– Это же просто немыслимо? Как они могли поверить во всю эту чушь и добровольно покончить с собой? И всё это из-за каких-то бредовых идей, – снова начала возмущаться Камилла

– К сожалению, люди слишком доверчивы. Это сейчас мы прекрасно понимаем, что идея с кометой и космическим кораблём кажется абсурдной. Но тогда, благодаря влиянию харизматичного лидера этой секты и процветанию интернета, они пользовались широкой популярностью. Да и сейчас, как ты слышала из рассказа Дилана, душевно больные и доверчивые люди с лёгкостью поддаются влиянию со стороны фанатиков и готовы почти на всё, что прикажет их главный духовный лидер.

Весь оставшийся вечер они обсуждали темы, не относящиеся ни к работе, ни к религиозным сектам, ни к политике в стране. Девушки обсуждали женские дела, парни говорили о новых выпущенных автомобилях.

* * *

В баре было душно. Кучка местных пьющих работяг попивали дешёвое пиво, не многие могли себе позволить заказать что-то более дорогое. По телевизору, что находился за барной стойкой, вешали местные новости.

Настроение у Йозепа было отвратительное. Несмотря на то, что культ стал обретать популярность не только в городе, но и в штате, дела шли не очень хорошо. Полиция плотно взялась за них, риск быть пойманным был слишком высок. Если повяжут хоть одного члена, то смогут добраться и до остальных. К счастью, пока ещё ни один участник не был привлечён полицией.

Самое первое и главное правило культа было проявлять осторожность и не попадаться на глаза полиции. Пока что это правило действовало, но надолго ли?

Пройдя мимо любопытных работяг, расслабляющихся за кружкой пива, Йозеп подошёл к барной стойке и заказал у бармена рюмку коньяка. Бармен сначала усомнился в том, что у Йозепа имеются наличные деньги и попросил показать купюры. «Да есть у меня бабки!» – выговорил Йозеп, показывая зелёные доллары. Только после этого он, подождав, пока бармен разольёт горячительный напиток, залпом осушил рюмку и потребовал вторую.

Атмосфера в баре царила спокойная. Мужчины громко хохотали, обсуждая своих жён, шлюхи строили им глазки, пытаясь заработать пару долларов на еду своему ребёнку. Одна из представительниц любовных жриц стала приставать и к Йозепу, но тот махнул и ясно дал понять, что не интересуется её услугами. Сейчас он хотел просто напиться и на время забыть о том, что его жизнь катится в пропасть, и только лишь Господь может помочь справиться с этим тяжким бременем. Но, похоже, Господь последнее время был слишком занят, чтобы вмешиваться в земные дела, а потому Йозеп решил, что тоже займётся чем-нибудь другим, более приятным, чем докучавшие его вечерние молитвы.

Новости местного телеканала перебили футбольный репортаж. Один из мужчин, что подкатывал к не слишком симпатичной куртизанке попросил сделать звук громче, бармен выполнил его просьбу, слово клиента в этом заведении было дороже всего, лишь бы они выкладывали свои деньги.

– *Новости из Берлингтона*, – начал вещать диктор. – *Сегодня репортёры из нашего ведомства посетили пережившего покушение кандидата на пост городского советника Джеймса Генри Росса, ожидающего результатов выборов.*

Йозеп знал, что именно сегодня проходили выборы и именно сегодня он вместе со своими членами культа должен был устроить массовый протест, но из-за усиленной работы полиции сделать это означало бы подвергнуть себя и своих коллег риску быть пойманными, что в итоге приведёт к распаду культа. Именно поэтому от этой идеи пришлось отказаться. И именно поэтому он в печали выпивал в дешёвом баре, понимая безвыходность ситуации. Указаний от духовного Отца не поступало уже две недели, и Йозеп не знал, что ему делать дальше, каков должен быть следующий шаг.

– *Мне сообщили, что по результатам я лидирую на восемнадцать очков*, – пояснил Джеймс на камеру. Он находился у себя в гостиной, расположившись на диване вместе с Ханной. – *У нас получилось, мы победили!* – радостно воскликнул он и обнял свою возлюбленную. – *Я так счастлив, мы это сделали. Боже, я не могу поверить.* – Снова он понял абсурдность последней фразы, поскольку Господь здесь явно не при чём, но ничего не мог поделать, слова сами вырвались из его уст. – *Спасибо вам всем, жители Берлингтона.*

Йозеп не стал слушать слова благодарности. Подступивший ком в горле не позволял ему больше наслаждаться алкоголем. Умудрившись вылить в себя последнюю рюмку, он выложил деньги на барную стойку, не соизволив оставить чаевых, и направился к выходу.

Прямо на пороге он случайно наткнулся плечом на полного мужчину около сорока лет, одетого в дешёвые грязные штаны и старую мятую клетчатую рубаху, от которой несло потом и перегаром.

– Осторожнее, парень, смотри, куда идёшь, – сделал он замечание.

– Слышь, чего тебе надо? – огрызнулся тот в ответ. – Тебе место мало что ли? Будешь мне указывать, что делать?

– Эй, остынь, разве родители не учили тебя, как нужно общаться со старшими?

– Неприятности ищешь? – не унимался Йозеп, ясно давая понять, что сегодня он непременно найдёт неприятности на свою пятую точку. И, по всей видимости, это произойдёт именно в этом баре. – Может, хочешь обсудить это?

– Что обсудить?

– Как мне нужно общаться с взрослыми. И вообще, с чего ты взял, что ты старше меня? Просто в отличие от тебя я не выгляжу как потрёпанный мешок свиного говна.

– Слушай, недоумок, я тебе сейчас раз и навсегда разьясню, как тебе следует вести в общественных местах.

Алкоголь резко ослабил своё действие из-за возросшей концентрации адреналина в крови. Драка была неизбежной. Последнее, что оставалось сделать бармену, это выпроводить конфликтующих на улицу, чтобы не портить репутацию заведения и имущество. «Эй, устраивайте разборки на улице! Мне тут неприятности не нужны!» – бармен медленно опустил правую руку под стойку, где у него скотчем был примотан пистолет на случай ограбления. Использовать его не пришлось, поскольку Йозеп и тучный неприятной внешности мужчина покинули бар. Но далеко уходить они не стали.

Как только дверь бара закрылась, Йозеп с кулаками накинулся на своего неприятеля. Мужчина в угоду своей конституции оперировал медленными, но мощными ударами. Йозеп старался бить не сильно, но быстрыми очередями. Вскоре они вцепились друг в друга. Разорвав рубашку мужчины и разбив нижнюю губу, Йозеп и сам оказался побитым.

Полицейским часто приходилось разнимать уличные драки в этом районе города, именно поэтому здесь гораздо чаще можно было встретить полицейский патруль. И в тот момент, когда яростная схватка двух враждующих стала подходить к концу, раздалась полицейская сирена. Убегать никто не собирался, поскольку всё равно это было бессмысленно. Покорно поддавшись аресту, Йозепу одели наручники за спину и прислонили лицом к холодному капоту машины. Оставалось лишь надеяться, что полиция не сможет сопоставить все факты и выяснить, что он является одним из членов культа.

* * *

«Джеймс Росс – член Совета» – именно с такой надписью располагалась табличка напротив Джеймса на заседании городского Совета. Восемь человек, в числе которых почти что в центре находился Джеймс, расположились на полукруглом полированном столе, напротив которого на стульях собрались равнодушные жители города Берлингтон.

Первое собрание для Джеймса было волнительным, но на него полагаются тысячи испуганных граждан, ведь он пообещал навести порядок в городе.

– Коллеги, я искренне приветствую вас и надеюсь, что мы с вами прекрасно сработаемся, – начал свою речь Джеймс, нервно вертя ручку под столом так, чтобы этого никто не заметил. – не буду ходить вокруг да около и сразу перейду к делу. Как вы знаете, всех нас сейчас волнует лишь одна проблема, лавиной, обрушившейся на наш город. Всех нас волнует появление людей в масках, устраивающих массовые беспорядки. Эти религиозные фанатики даже не выражают своего мнения, не выдвигают свои требования. Мы вообще ничего о них не знаем, только то, что они нападают на жителей, в основном на тех, кто так или иначе поддерживает политику президента Хинтона, в частности напали на советника Вилсона Адамса.

Советник Адамс сидел слева от Джеймса. На лице у него виднелись побои, не столь значительные, как были у Джеймса, поскольку нападение на Вилсона произошло возле порога его дома, и он сумел оторваться от нападавших и скрыться в доме. Его жена тут же вызвала полицию, но преступников так и не смогли поймать до сих пор.

– Эти религиозные маразматики совсем распоясались. Два дня назад они напали на меня, завтра они могут напасть на моего сына или жену. Мне пришлось нанять частную охрану, чтобы хоть как-то обезопасить свою семью.

– И это несмотря на то, что советник Адамс и так проживает в частном секторе, – заметил Джеймс. – А это означает, что культистов не остановит даже охрана, они вольны нападать, где угодно и на кого угодно. Мы все с вами в опасности, как и остальные граждане нашего города.

– Вчера мне поступила информация, – также вмешалась советник Сара Коллинз – взрослая женщина тридцати девяти лет, носящая квадратные очки, не слишком подходящие её милому личику, – что члены культа также были замечены в Монтпилиере, Ратленде, Манчестере и Вудстоке.

– Вот видите, они уже стали захватывать весь наш штат. Не успеем оглянуться, как и вся страна станет жить в страхе от этой секты. А значит нам необходимо радикально раз и навсегда решить этот вопрос и прекратить дальнейшее разрастание этого культа.

– И как Вы намерены это прекратить? – задал вопрос один из советников.

Жители с трепетом наблюдали за собранием, замерев в ожидании предложения от самого молодого из всех присутствующих здесь советников.

– Боюсь, что у нас нет другого выбора, как запретить распространение любых вероучений на законодательном уровне, – твёрдо произнёс Джеймс.

Некоторые члены Совета и посетители стали возмущаться, перешёптываться и что-то бурно обсуждать. Впрочем, именно такой реакции и ожидал Джеймс, ничего не даётся сразу. Переубедить всех ему не удастся, но нужно, чтобы хотя бы большинство встало на его сторону.

– Вы должно быть шутите? Религия является одним из ценностей, на которых держится наш штат, как и вся страна. А вы хотите вот так взять и запретить исповедовать религию?

Джеймс хотел было возразить, что запрет не касается исповедования, он лишь регламентирует правило распространения своих вероучений другим людям, без должного на это разрешения, но в разговор вмешался советник Адамс.

– Я полностью поддерживаю решение советника Росса, и считаю его предложение весьма разумным в свете нынешних обстоятельств.

– Вами движут эмоции, – заговорил советник Майкл Ли – статного вида мужчина и с чересчур серьёзным лицом, которое было у него всегда, даже когда он был навеселе, – Вам следовало бы прислушаться к голосу разума. Запрещать что-либо – это невыход. Нужно решать эту проблему иначе.

– Сидеть и ждать, пока культ не подчинит себе весь город? Ну уж нет, я не собираюсь сидеть, сложа руки и ждать этого, – возразил Вилсон Адамс.

– Для этого у нас есть полиция. Это их работа – ловить преступников.

– Как вы видите, полиция не слишком-то с этим справляется. Насколько мне известно, ещё ни одного члена культа не арестовали. Боюсь, у них даже нет сведений о культистах. Как мы можем быть уверены, что с нами или нашими семьями ничего не произойдёт?

– Я тоже согласна с предложением советника Росса, – внесла свою лепту Сара Коллинз. – у меня родители живут в Монтпилиере, и я не хочу, чтобы они видели весь тот ужас, что творится у нас в городе. Лишний раз страшно выйти из дома, чтобы закупиться в магазине.

– Может, у граждан есть предложения на этот счёт? – заявил Джеймс, обращаясь к местным жителям.

И предложения были. Самые разные. Люди были напуганы, высказывали свои варианты: одни казались весьма разумными, но лишёнными смысла, другие неэффективными в своём отношении.

– Я считаю, что нужно ввести комендантский час, – послышалось из зала.

– Надо усилить патрулирование на улицах, – вылетело из уст мужчины. «У нас и так в городе усилено патрулирование. Как будто ресурсы полицейских не ограничены», – подумал Джеймс.

– Что если поручить эту работу военным?

– Можно нанять частную охрану, у нас ведь есть деньги, – проскользнуло мнение.

– Вы уверены, что стоит выделить деньги налогоплательщиков на частную охрану? – недоумённо переспросил советник Майкл Ли, так и не дождавшись вразумительного ответа.

В течение получаса продолжалась оживлённая беседа касательно предложения Джеймса. В конечном итоге, после многочисленных споров большинство советников всё же пришло к выводу, что данная мера является необходимой для достижения поставленной цели: очистить город от религиозного культа и не допустить его распространения за пределы штата.

– Шесть из восьми голосов за, – резюмировал Джеймс, наблюдая за тем, как ему удалось переубедить тех, кто поначалу не соглашался на предложение или отмалчивался всё заседание. – Советник Ли, не хотите ничего сказать по тому поводу?

Майкл Ли, тот, что всё заседание яростно отрицал необходимость данного закона, пожал плечами. Всё, что можно было сказать уже было сказано за этим столом. Обсуждать доселе уже не имело смысла. Те, кто твёрдо отстаивал свои позиции так и останутся при своём мнении. Те, кто не определился с выбором уже примкнули к числу голосующих «За», поскольку это предложение хоть как-то давало шанс изменить ситуацию в городе.

– Да будет Ваша воля, мистер Росс, – после долгих уговоров он всё же медленно поднял правую руку, тем самым дав понять, что принимает закон. – Но будьте уверены, что, если что-то пойдёт не так, как мы ожидаем, если наш план провалится, это будет наша вина, и прежде всего Вы возложите вину на свои плечи, – обратился он к Джеймсу.

– Так или иначе, предложение о запрете религиозной пропаганды принято, – констатировал Джеймс, стукнув молотком председателя по подставке.

Из здания городского совета он вышел полным духом и энтузиазма. Первый же день на новой должности принёс такие плоды. Если так пойдёт и дальше, он сможет много достичь в карьере политика.

Спустя неделю после первого собрания советников и принятия закона о запрете религиозной пропаганды в городе Берлингтон штата Вермонт, Джеймс, Ханна, детектив Рик Льюис и городской шериф Дарек Роджерс собрались в доме Джеймса, чтобы обсудить положение вещей в городе. Дела шли не очень хорошо. Полиция начала арестовывать участников секты, но чем больше они ловили преступников, тем яростнее их ожидала ответная реакция и тем больше к культу присоединялись новые верующие. Символом культа, который насчитывал уже не один десяток человек, стала свобода вероисповедания и свержение действующего правительственного режима.

Город был охвачен паникой. Люди отказывались покидать свои дома, полиция стала патрулировать каждый переулок, просматривать каждый угол, но штатных формирований просто не хватало для реализации такой поставленной задачи. Именно поэтому полиция во главе шерифа решила предпринять более серьёзные меры, чтобы не допустить распространения секты за пределы штата.

Как раз в то время, как шериф Роджерс объяснял Джеймсу о своих намерениях, по телевизору показывали очередной репортаж с местного телеканала:

– *С вами Беверли Кэмпбелл и это срочные новости.* – После короткой заставки показалась репортёр с микрофоном в руке на фоне улицы, на которой располагались полицейские машины и скорая помощь. – *Сегодня Берлингтон снова потряс очередной акт насилия со стороны религиозного культа, охватившего и без того напуганный город. Чудовищное убийство произошло сегодня утром на Фейт-стрит. Полиция обнаружила тело двадцатидевятилетнего помощника секретаря городского советника.* – Далее мелькали кадры с места преступления, где медики выносили на носилках закрытое простынёй тело и поместили в машину скорой помощи. – *Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть произошла в результате кровоизлияния в головной мозг от причинённых побоев. Члены некоего культа в масках политиков уже не раз нападали на жителей города с битами и дубинками, причиняя физический вред,* – кадры с камер наблюдения по всему городу, как культисты нападают на граждан и избивают их дубинками, – *но это первый случай, когда физическая расправа оказа-*

лась смертельной. Полиции ещё предстоит выяснить мотив убийства, но жуткие детали преступления наводят на мысль о возмездии за принятие закона членами городского Совета о запрете религиозной пропаганды. Напомним, что инициатива была предложена новым молодым советником Джеймсом Генри Россом, – его почётная фотография на весь экран, – который чуть больше недели назад был избран народом в ходе городских выборов. Очевидно, что принятие такого закона лишь ожесточило членов культа, готовых теперь на серьёзные и тяжкие преступления. Мы будем докладывать обо всех новостях, оставайтесь с нами. – Репортаж завершился.

Такое развитие событий Джеймс, конечно, предполагал, но сомневался, что действительно дойдёт до убийств. Так или иначе, все члены культа с этого дня подписали для себя приговор: за причинение физического вреда и, самое тяжёлое – убийства, им светит долгий срок в колонии строгого режима. То, что первоначально задумывалось, как забава: ворваться на территорию больницы и распугать больных и медперсонал, теперь же переросло в тяжкое преступление. Джеймс даже пожалел, что с тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года в штате Вермонт отменена смертная казнь.

Поскольку обстоятельства складывались не самым приятным образом, а полицейский патруль, приставленный к дому Джеймса и Ханны уже не вселял уверенность в защите, Джеймс начал задумываться над тем, чтобы на некоторое время покинуть штат до отмены чрезвычайной ситуации в городе. После убийства сотрудника городского Совета всем, кто так или иначе работал на правительство, стала угрожать серьёзная опасность.

Единственное, что не получалось у Джеймса решить, куда именно ему следует податься. К тому же, жители города, узнав, что человек, который пообещал очистить улицы города от религиозных фанатиков, трусливо сбежал из штата, явно не оценят его попытки оправдаться перед народом.

– Послушайте, шериф, я понимаю, что полиция и так предпринимает отчаянные попытки поймать участников религиозного движения, но Вы уверены, что сейчас самое время? – спросил детектив. Джеймс, погружённый в себя прослушал часть фразы, что произнёс детектив Льюис, но суть он уловил и так. – Жители напуганы, может, не стоит их пугать ещё больше?

– В городе введено военное положение, – пояснил шериф. – Куда ещё больше? Мы не справляемся, это уже видно невооружённым глазом. Буквально несколько часов назад была совершена попытка нападения на полицейский департамент. Вы хоть понимаете, что происходит? Это уже не просто нападение, это уже война.

– Шериф, давайте не будем наводить панику. Меньше всего жителям сейчас нужна паника. Я считаю, что нужно приказать всем не выходить из домов, мобилизовать все средства, что у нас есть, и прочистить весь город от и до, здесь не так много места, чтобы спрятаться. Найдём логово сектантов, заглянем в каждый дом, если потребуется, но выковорим эту мерзость из конуры.

Ханна испуганно смотрела то на шерифа, то на детектива, то на молчащего Джеймса и не знала, что говорить. Покинуть штат ей тоже казалась прекрасная идея, она вообще была готова убраться подальше отсюда, лишь бы культисты не добрались до них. В Уэст-Честере, что в Пенсильвании, у неё проживают родители, и она предложила Джеймсу переехать туда, но Джеймс решил, что укрываться от сатанистов не пойдёт на пользу его политической карьере, как Норман Хинтон не побоялся выступить с заявлением, что он атеист и добился значительных успехов, получив большинство голосов от избирателей на выборах. Нужно было показать этому городу, что ему не страшен культ и он сможет найти методы борьбы с ним. Но инстинкт самосохранения ясно давал понять, что в столь тёмные для города времена стоит быть осторожным.

– И кто будет прочёсывать дома? У меня нет столько сотрудников, мои люди и так работают без выходных, в дело вовлечены все штатные и внештатные формирования, но чёртовы

культисты плодятся, как муравьи. Их всё больше и больше, мы не справляемся с возложенными на нас обязанностями. И я, как шериф этого города, посоветовавшись сегодня с губернатором, решил привлечь Национальную гвардию.

– Вы это серьёзно, шериф? – Рик Льюис нахмурил брови.

– Более чем. Только вооружённые силы США смогут навести порядок в Вермонте. Через несколько часов их войска придут в город. Собственно, именно с этой целью я и решил навестить Вас, мистер Росс, чтобы лично предупредить.

– Эти культисты выбрали себе цель избавиться от членов Совета. Некоторые уже покинули город. Так или иначе, но вы в опасности, – заявил детектив, обращаясь к Джеймсу и Ханне. – Вам тоже следовало бы покинуть на время штат, пока массовые волнения не будут устранены.

– Я и сам об этом думал, – произнёс Джеймс, поглаживая руку Ханны. – Но проблема в том, что как только я покину пределы штата и оставлю людей одних в такую трудную минуту, народ перестанет мне доверять и это сильно скажется на дальнейшем моём участии. Я бы не хотел потерять доверие граждан, поскольку впереди у меня большие планы.

– Сейчас не время предаваться мечтам, вашей жизни угрожает опасность, – напомнил детектив.

– Сомневаюсь, что в любом другом уголке я буду чувствовать себя в безопасности. Верующие не любят меня, для них я очередной антихрист, не уважающий законы Божьи. Если члены культа решат до меня добраться, они не остановятся ни перед чем.

– В таком случае можно попробовать без огласки уехать отсюда и засесть где-нибудь в тихом месте и переждать бурю. Это единственный вариант хоть как-то обезопасить себя, – высказала Ханна, пытаясь переубедить Джеймса.

Однажды, стоя на парковке, что на территории психиатрической больницы, в день, когда на него совершили первое покушение, ему, словно по щелчку пальцев, стрельнула в голову гениальная идея, как обратить все это происшествие себе на пользу. На камеру он сделал официальное заявление, что намерен баллотироваться на пост городского советника, в итоге, одержал победу в первом же туре. В этот самый момент, сидя на диване в гостиной вместе с Ханной, напротив городского шерифа и самого известного в Берлингтоне детектива, ему вновь пришло озарение, как убить двух зайцев одновременно: покинуть штат и заручиться поддержкой не только населения города, но и штата.

– Думаю, мне стоит посетить один из штатов Библейского пояса, – произнёс Джеймс, наблюдая за удивлённой реакцией всех присутствующих.

– О чём это ты?

– Зачем тебе это?

– Ты ведь сам сказал, что верующие тебя не любят? – раздались голоса всех троих, на что Джеймс нашёл, что ответить.

– Это будет моим политическим ходом. Только представьте, как это озвучат в новостях? «Ярый ненавистник и приверженец атеизма решил навестить один из штатов Библейского пояса, чтобы встретиться с самым известным проповедником на юге США» – Джеймс произнёс это так, как проговаривает новости диктор местного телеканала.

Несколько секунд им понадобилось на то, чтобы сообразить, о ком ведёт речь Джеймс. Проповедник, что обосновался в Библейском поясе и исповедует свою религию, у которого тысячи последователей. Послушники евангельского протестантизма восхваляют своего духовного лидера, сумевшего завоевать сердца верующих христиан.

– Ты говоришь о Джоне Уокере? С ним ты хочешь встретиться? С этим преступником, что помешался на своей вере? – осыпал вопросами шериф. – Я помню, как два месяца назад мы арестовали его и несколько часов допрашивали в отделении. И не добились ни слова, хотя точно были уверены, что из-за его наставлений двое молодых людей покончили жизнь само-

убийством. Но у нас не хватило доказательств, чтобы повесить вину на него. В итоге, пришлось его отпустить.

– К великому счастью этот религиозный фанатик покинул Вермонт и больше не возвращался, – продолжил детектив. – Сейчас, насколько мне известно, он обосновался в Бирмингеме, Алабама. И, судя по тому, что показывают по телевизору, его учения пользуются большим успехом по всей Америке. Высказывают даже мнение, что тот культ, что орудует у нас в городе, как-то связан с последователями Отца Джона.

Джеймс, естественно, был ознакомлен с тем, что творится в Алабаме. Отец Джон стал знаменитой личностью и пользуется бешеной популярностью. На данный момент у него имеется множество последователей, число которых растёт с каждым днём. Встретиться со святым Отцом – именно такую цель и преследовал Джеймс. Узнать, как живут жители религиозного города, как воспитывают своих детей, как обучают их в религиозных школах, какой посыл несёт в себе учение Отца Джона. И потом, вернувшись в свой родной штат, рассказать своему городу, что решение запретить пропагандировать религию – это самое мудрое решение, которое можно было принять. Ради безопасности города, ради избавления от всех культистов и сатанистов.

– Вот именно, на это я и сделаю акцент. Я приеду, посмотрю и сделаю вывод, как религия действует на умы людей, задам им интересующие меня и многих наших граждан вопросы и поведаю им о том, что творится у нас в городе из-за религиозного культа. Это будет политический ход. Тем самым я докажу, что серьёзно озабочен проблемой религии и, таким образом, возможно, заручусь поддержкой не только нашего города или штата, но и граждан других городов.

– Вот только ты не учёл одного, – остановил его детектив. – Жители Алабамы могут быть также враждебно к тебе настроены, ведь потенциально ты приезжаешь туда, чтобы раскритиковать их веру. Ты уверен, что это хорошая идея вступить на территорию потенциального «врага»?

– Я ведь собираюсь отправиться туда с официальным визитом. Мне могут предоставить охрану? – обратился Джеймс к шерифу.

После недолгих раздумий, шериф ответил:

– Я могу поговорить с местным шерифом. Думаю, полиция Бирмингема сможет предоставить тебе защиту, – заверил он, шаря по своим карманам в поисках сигарет.

Джеймс, сообразив, чего хочет шериф, достал свою пачку и предложил ему сигарету. Шериф с удовольствием вытянул одну, затем он вместе с Джеймсом и Риком вышел во двор, чтобы затянуться никотиновым дымом. Ханна осталась в гостиной, обдумывая предложение Джеймса. Идея казалась ей не слишком хорошей, но не лишённой своего смысла.

Ещё какое-то время они обсуждали детали предстоящей поездки. Джеймс был рад, что решил поставленный вопрос столь неординарно, однако, на этот раз он долго мучился в сомнениях, правильно ли поступает, что вот так просто собирается встретиться с человеком, имеющим столь большое влияние в стране. И, конечно, он прекрасно знал преступное прошлое Отца Джона, что, несомненно, порождало в его голове ещё больше вопросов касательно того, как такой человек умудрился заручиться поддержкой тысячи, считающих себя святыми, людей.

Джон Уокер, определённо, не был примером для подражания. Но, как в очередной раз убеждал себя Джеймс, харизма и правильная подача могут сотворить чудо. И это не библейское, а простое человеческое чудо. И для его сотворения нужно лишь немного приложить усилий.

* * *

– Отче наш, благодарю за Твою милость, за любовь, за то, что и сегодня я и миллионы других людей находятся среди живых и имеют мир и спокойствие в стране и свободу ещё собираться и исследовать Твою святую истину. Благослови меня, Господи, ведь у Тебя особые намерения на мою жизнь. Помоги мне, чтобы я имел усердие, желание исследовать, узнавать, повиноваться Тебе и быть счастливым здесь и, славя Тебя во имя Иисуса, прошу Тебя. Аминь.

В камере пахло сыростью, но Йозеп за всё время, что провёл в заключении, уже привык к таким условиям. Тихо прочитав молитву себе под нос так, чтобы никто из сокамерников не услышал, он обратил внимание на охранника, который громко вошёл в помещение и выкрикнул:

– Йозеп Эйзель, за тебя внесли залог!

Похоже, Бог всё же не отвернулся от него. Он знал, что все его молитвы рано или поздно спасут его, всё то время, что он провёл в своей комнате за Библией – всё когда-нибудь воздастся.

Быстрым шагом он направился к выходу, прочь из этого пристанища осуждённых преступников. Забрав все свои вещи, что у него изъяли при аресте, он чуть не вылетел на долгожданную свободу, чтобы, наконец, ощутить ветер по ту сторону решётки. Ожидая увидеть свою сестру, он, нигде не найдя её, стал осматривать прохожих, чтобы понять, кого, кроме Господа, что направил этого человека, обязан поблагодарить. Но обнаружил лишь чёрного цвета автомобиль, возле которого стоял лысый человек в чёрном костюме. Йозеп видел его не в первый раз и прекрасно знал, кто он и, понял, что именно ему обязан своей свободой.

– Вижу ты удивлён – проговорил мужчина, как только Йозеп приблизился к нему. – Ты должен поехать с нами, – сказал он, открывая дверь салона автомобиля. Внутри машины находился только водитель.

– И куда Вы хотите меня отвезти? – задал Йозеп резонный вопрос.

– У Отца для тебя есть кое-какое задание. На твоё вымышленное имя уже забронирован билет в самолёт. Через три часа ты первым же рейсом вылетаешь в Алабаму.

– Могу я заехать к себе домой за вещами?

– На это нет времени. Военные перекрывают все выезды из города, скоро покинуть штат будет невозможно.

Покорно сев в машину, Йозеп не стал больше ни о чём расспрашивать. Всю дорогу до аэропорта они ехали молча. Лишь в одном Йозеп был уверен точно, что Отец не забыл про него и это вселяло надежду. У Бога и Отца ещё есть планы на него, и чтобы ему не предстояло сделать, какую бы сложную задачу не предстояло решить, на этот раз он не подведёт.

Глава 3

– *Я официально заявляю*, – тут же раздались радостные крики из толпы, все они были в предвкушении и вот, настал момент, когда Хинтон произнёс слова, которые от него ждали миллионы, – *что баллотируюсь на пост президента США*. – Все его слова сопровождались овациями, счастливыми аплодисментами. Этого дня ждали долго, но ожидание того стоило. Норман Хинтон сделал своё заявление с трибуны, окружённой несколькими сотнями граждан Америки, поддерживающих его кандидатуру.

– *Я баллотируюсь*, – раздались овации, на этот раз от сторонников Ридли Харвута, сделавшего своё заявление неделей раньше Хинтона, во время очередных политических выступлений, – *на пост президента Соединённых Штатов Америки и приму участие в выборах в этом году*.

Именно с этих слов начался очередной репортаж на канале «Fox News», затем последовали несколько важных отрывков из различных новостных репортажей, которые кратко в той или иной мере могли охарактеризовать предвыборную гонку.

– *Очередной скандал развернулся вокруг Нормана Хинтона*, – начал вещать диктор. – *Республиканцы вновь опубликовали переписку Хинтона с китайским дипломатом. Кто же такой этот Норман Хинтон? Выдающийся борец, способный привести нашу страну к научному прорыву или очередной выскочка-популист?*

– *Честно говоря, меня возмутило предложение Нормана Хинтона ограничить права церкви*, – высказал политик из республиканской партии в одной из политических программ.

– *Так получилось, что наша страна погрязла в пучине своих же моральных устоев, сформированных ещё несколько сотен лет назад*, – докладывал своим избирателям Хинтон на одном из предвыборных выступлений. – *Пора уже стряхнуть пыль со старины и заняться реально существующими проблемами на сегодняшний день*.

– *В стране наблюдается рост волнений относительно предстоящих выборов*, – резюмировал репортёр. – *Люди напуганы и их можно понять. В нескольких городах по всей Америке прошли акции протеста, в результате которых пришлось применить силы полиции*.

Далее кадры митингующих, защищающих свои права и права всех граждан Америки. Почти все так или иначе держали агитационные плакаты касательно кандидатов.

– *Нам нужен Харвут! Нам нужен Харвут!* – кричали митингующие, размахивая флагами своей страны. – *США! США! США! Сэ-Шэ-А!*

– *Хинтон – угроза нашей демократии*, – заявил очередной политик. – *Ещё никогда в нашей стране не было столь безнравственного кандидата*.

– *Корреспонденты нашего канала выяснили, что Спикер Палаты представителей Ридли Харвут на очередном закрытом заседании пообщался с Пресс-секретарём Российского президента. Может ли это означать, что Россия вновь вмешивается в политические дела нашей страны, как это было на выборах Дональда Трампа?* – выступила корреспондент с телеканала «ABC». – *Госдепартамент пообещал разобраться с этим*.

– *Мы не хотим вновь плясать под чужую дудку. Мы не будем ждать, пока за нас принимают решения другие люди. Обвинение Ридли Харвута в том, что он связан с Россией гораздо серьёзнее, чем обвинение Нормана Хинтона*.

– *В ходе предвыборной гонки по результатам опросов Норман Хинтон отстаёт от Ридли Харвута на восемь процентов*, – сделал вывод репортёр.

– *Очевидно, глупо надеяться на победу человеку, не уважающему религиозные права граждан в стране, где религия – одно из древнейших ценностей, на которых держится наша великая империя*, – громко проговорил Ридли Харвут на своём выступлении. Раздались бурные аплодисменты.

5 ноября 2024 года. День выборов.

Народу собралось немерено, больше, чем ожидал увидеть Митчелл, несмотря на то, что время близилось к вечеру и до возможности проголосовать оставалось лишь пару часов. Но люди продолжали приходить на избирательный участок. Некоторые смиренно стояли и дожидались своей очереди, чтобы пройти внутрь участка и получить свой конверт, некоторые выкрикивали различные лозунги, привлекая к себе внимание, некоторые вступали в небольшую полемику, пытаясь донести до слушателей свои взгляды, но так или иначе всё проходило мирно без каких-либо пререканий.

Федеральный маршал Митчелл Фицджеральд не мог пропустить столь значимый день и также, как и любой патриот своей страны, выполнял свой гражданский долг, явившись на выборы. Рядом с ним находилась Сара Морган – прекрасная молодая девушка двадцати девяти лет, но выглядящая не больше, чем на двадцать четыре. Её стройное тело производило впечатление на всех мужчин, но больше всего Митчеллу нравились её скулы. Она была блондинкой от рождения, свои прямые волосы она всегда делала слегка волнистыми. Безусловно, его также привлекал её взгляд, настолько его очаровывали её карие глаза. Она стояла, держа за руку своего жениха, и всё время что-то нашептывала ему на ухо, задавая вопросы, на что Митчелл давал краткие ответы. Сам же Митчелл Фицджеральд (который, кстати, всегда гордился тем, что имеет честь носить фамилию великого американского писателя) выглядел весьма мужественно: его накачанное тело и рост свыше ста восьмидесяти сантиметров выделяло его из толпы худощавых парней.

На улице стало холодать, и Сара почувствовала, как стали дрожать её колени. Она как можно ближе прижалась к своему жениху, чтоб немного согреться, хотя Митчелл, несмотря на свою конституцию, тоже стал чувствовать легкую дрожь в ногах. К счастью, очередь продвигалась достаточно быстро, люди спешили как можно скорее уйти домой, включить новостной канал и наблюдать за ходом выборов, до разглашения результатов которых оставались считанные часы.

Местные репортёры также не могли обделить вниманием избирательный участок в центре города. Чтобы поддерживать рейтинги местного телеканала, Беверли Кэмпбелл с оператором снимали репортаж о том, как важно в этот день прийти на выборы и поддержать своего кандидата. Она также напомнила всем, что, несмотря на то, что в штате Вермонт всего три выборщика, победа даже в маленьком штате может стать решающей.

Через пару человек от Митчелла и его невесты в очереди также стоял Джеймс со своими друзьями и внимательно наблюдал за молодыми людьми, что активно выкрикивали лозунги. Никто, впрочем, не обращал на них внимания, но Джеймса такое поведение слегка взбудоражило.

– Вот же критины, – негромко проговорил он так, чтобы его услышали только Ханна, Дилан и Камилла. – Я никогда не пойму людей, которые выкрикивают свои глупые лозунги.

– Люди просто выражают своё мнение, – сказал Дилан.

– Но ведь выразить своё мнение можно с помощью диалога, не обязательно опускаться до уровня приматов. Эти люди сами не знают, что кричат. Они как марионетки, им так велели делать, вот они и делают. Нет никакого критического мышления. На месте нашего правительства я бы вообще запретил таким людям участвовать в выборах.

– И как по-твоему определить, кто должен участвовать в голосовании, а кто нет? – поинтересовалась Камилла.

– Не знаю, – честно ответил Джеймс. – Может, проводить у них психологическое тестирование?

– Интересно, кто этим станет заниматься? К тому же, в психологии вряд ли есть универсальный тест на определение способности человека адекватно оценивать кандидатов, – усмехнулся Дилан.

Спустя несколько минут Митчелл, наконец, вошёл на избирательный участок и получил большой жёлтый конверт. Джеймс с Ханной уже стояли возле кабинки.

– Просто помни о нашем разговоре, – донеслось до Митчелла от Джеймса. Очевидно, Джеймс до выборов обсуждал с Ханной кандидатов.

– Не волнуйся, я помню, – улыбнулась она в ответ. Оба они прошли в кабинку, Митчелл остался снаружи, разговаривая со своей невестой.

Народ, как правило, не задерживался в кабинке долго. Действий, которые нужно было совершить, чтобы отдать голос кандидату, требовалось минимум. Кто-то разрисовывал на бланке надписи, кто-то не забывал сделать селфи, чтобы тут же зарепостить его в «Facebook» и поделиться с друзьями новостью о том, что в этот день они выполнили свой гражданский долг.

Джеймс чётко знал, за кого отдаст свой голос, поэтому вытащил бюллетень из жёлтого конверта и расположил его на подставке, взяв в руки чёрный маркер. Спешить не было смысла, в этот ответственный момент он должен быть уверен, что сделает всё правильно, как и задумывал. Пробежав беглым взглядом по всем колонкам и прочитав инструкцию, он остановился на самой первой колонке, которая была озаглавлена как «**FOR US PRESIDENT AND VICE PRESIDENT**». Здесь нужно было закрасить небольшой отведённый участок напротив понравившихся кандидатов. Изучив всех кандидатов, он остановился напротив графы «**NORMAN HINTON AND STANLEY GREEN Democratic**» и закрасил поле справа от неё. С распирающим чувством долга он сжал руку в кулак и произнёс: «Да!»

Ханна замешкалась и не знала, за кого отдать свой голос. Хоть Джеймс и старался убедить её проголосовать за Хинтона, она всё же не могла побороть себя. Душой она, может, и понимала, что Хинтон – хороший кандидат и единственный, кто способен привести Америку к процветанию, но разумом она придерживалась более консервативных взглядов Ридли Харвута из республиканской партии. В нерешительности она так и простояла несколько секунд, в конце концов, остановившись на том, что выбор Харвута будет всё же правильным. В конце концов, Джеймс не узнает, какому кандидату она отдала своё предпочтение.

Дилан тоже знал, за кого отдаст свой голос и, немедля, черкнул напротив графы с именем Ридли Харвута. Всё-таки, консерваторы ему нравились больше, несмотря на то, что вокруг этого кандидата в ходе предвыборной гонки разросся настоящий скандал.

Камилла готова была перечеркнуть и замазать всю графу с Хинтоном, лишь бы не видеть его имя на бюллетене. Но ограничилась она тем, что просто закрасила овал напротив Ридли Харвута. Республиканцы неплохо показали себя за эти восемь лет правления Дональда Трампа, стоит снова дать им возможность править страной.

Митчелл был из разряда сомневающихся, но всё же определившихся с выбором. Сегодня республиканцы не получают его голос, настало время перемен. Пускай Хинтон не идеален, но он единственный, кто достойно вёл себя на дебатах и заслуживает уважения. Поэтому Митчелл взял в руки маркер и замазал овал напротив Нормана Хинтона. Время покажет, было ли это решение ошибкой.

Сара не поддерживала ни одного из кандидатов, но, понимая, что победу одержит либо республиканец, либо демократ, как, впрочем, было всегда в истории выборов США, закрасила маркером овал напротив Нормана Хинтона. Сара никогда не понимала людей, которые, придя на выборы, ни за кого не голосуют. Зачем тогда вообще приходить на избирательный участок, если с таким же успехом можно сидеть дома и наблюдать за результатами выборов?

Выйдя из кабинки, Митчелл и Сара взяли за руки и подошли к урне для бюллетеней.

– Сделаем это вместе? – с улыбкой спросила Сара. Опустив конверты в ящик, Митчелл обнял её, и они вместе покинули избирательный участок.

На улице стало ещё холоднее. Несмотря на это, местные репортёры по-прежнему снимали свой репортаж: брали интервью у жителей города. Митчелл также заметил, как Джеймс что-то возмущённо говорил своим друзьям, но не стал прислушиваться к нему. Сейчас самое время было вернуться домой после рабочего дня. Поцеловав в лоб Сару, он вместе с ней, не задерживаясь, двинулся в сторону дома.

Маршал медленно поливал панкейки клиновым сиропом и отправлял кусочки пышных блинчиков, приготовленных своей любимой женой, прямо в рот. Вот она – настоящая американская мечта. Он находится в небольшом, но уютном доме, наслаждается вкусным завтраком, поглядывает на свою любимую красавицу-жену, которая разгуливает по кухне в нижнем белье. Что ещё ему нужно от этой жизни?

С момента голосования прошло несколько месяцев. За это время Норман Хинтон уже официально вступил на должность президента и вскоре вновь вернул «поправку Джонсона», что и обсуждала в данный момент вся страна. Митчелл как раз включил новости, где обсуждалась эта тема.

Изменения также произошли и в жизни Митчелла и Сары. Месяц назад они, наконец, сыграли свадьбу и теперь законно являются мужем и женой. После трёх лет знакомства и двух лет совместного проживания Митчелл понял, что должен двигаться дальше и сделал первый шаг на пути к переменам. Сыграв свадьбу, они стали думать, куда им поехать на медовый месяц. Однако из-за проблем на работе Митчелл пообещал, что они обязательно поедут на море, но чуть позже.

– Я надеюсь, ты помнишь, что ты обещал месяц назад? – произнесла Сара, допивая кофе из кружки. – О медовом месяце, – добавила она.

– Разумеется, я помню, ведь ты не даёшь мне и возможности забыть, напоминая об этом каждый день, – улыбнулся Митчелл в ответ.

– И я буду напоминать тебе до тех пор, пока ты не выполнишь свой договор. – Она подошла к нему и поцеловала в губы. Митчелл почувствовал привкус клубники, именно поэтому ему всегда нравилось целоваться с Сарой. – Жду не дождусь, когда окажусь на лазурном берегу Франции.

– Как только ситуация в городе поутихнет, мы тут же свалим отсюда, обещаю. А пока, мне нужно засучить рукава и найти лидера этих недоносков, что разгуливают по городу.

Она ещё раз поцеловала Митчелла и направилась в комнату, чтобы одеться, в то время как Митчелл доканчивал с завтраком. Собравшись, Сара крикнула, что отправилась на работу и закрыла за собой дверь. Покончив с панкейками, Митчелл налил кофе в стакан и продолжил смотреть новости из мира политики.

– Напоминаем нашим зрителям, что вчера президент Норман Хинтон вновь подписал указ, запрещающий церкви участвовать в политике страны. Так называемая «поправка Джонсона» была принята президентом Линдоном Джонсоном в 1954 году и просуществовала до 2017 года, когда Дональд Трамп отменил её и подписал указ, направленный на расширение религиозной свободы и свободы слова в США, – сообщила репортёр.

Это всё-таки произошло. То, чего боялись миллионы верующих и чего ждали все атеисты. Митчелл взял телефон и зашёл на «YouTube», чтобы найти репортаж с далёкого 2017 года и освежить в памяти те моменты, за которыми когда-то также с трепетом наблюдал, как и сейчас за политикой Нормана Хинтона.

Недолго поискав, попутно попивая кофе, он включил видеоролик и сделал так, чтобы воспроизводился он на большом экране телевизора. Ролик представлял из себя небольшие

отрывки из политических и религиозных высказываний Дональда Трампа. Казалось, это было так давно, ведь с тех событий прошло восемь лет.

– Если я буду избран президентом, – заявил Дональд Трамп с трибуны, – одним из первых моих шагов, если не самым первым из того, что я собираюсь сделать, будет работа до полной отмены «поправки Линдона-Джонсона».

Что же, не плохое начало для того, чтобы заручиться поддержкой религиозных верующих. Митчелл естественно понимал, что данное заявление – всего лишь политический ход для того, чтобы собрать голоса, но какой бы ни была цена победы – важен исключительно результат. И в данном случае результат был достигнут.

– Библия нам говорит, – произнёс Трамп во время инаугурационной речи, – как хорошо и как приятно жить людям Божьим вместе. Нас будут защищать замечательные мужчины и женщины, наши военные и правоохранители. Но самое главное, – люди не забывали аплодировать, – нас будет защищать Бог.

Дональд Трамп дал присягу, во время которой присутствовало рекордное количество евангелических лидеров. Сам же Трамп во время своей речи неоднократно упоминал веру, которая далеко выходит за пределы церковности. Однако Митчелл никогда не верил в эти слова, что высказывались различными репортёрами, поскольку не считал своего сорок пятого президента глубоким религиозно-верующим человеком. И каждый раз, видя, как он с трибуны говорит о Боге – всё больше убеждался, что это очередной политический ход.

– Мы сотворим великие дела, – заговорил Трамп во время присяги старших сотрудников, – в течение следующих восьми лет. – На этом моменте вице-президент Майк Пенс, что стоял позади президента, заулыбался, закивал головой и наряду со всеми захлопал в ладоши. «Хорошее заявление», – подумал Митчелл, поскольку большая часть населения всё же поддерживала Хилари Клинтон, надеяться на второй срок было глупо. Но тут Дональд Трамп всё же оказался прав и выиграл свои вторые выборы, повторно вступив на пост президента. – Мы столкнёмся со многими проблемами, но с верой друг в друга и с верой в Бога у нас всё получится.

Далее глава аппарата Белого дома стал цитировать Писание. Митчелл немного перемотал ролик вперёд. Уже и так было понятно из речи, что президент решил заручиться поддержкой и окружить себя христианами. Допив кофе, Митчелл начал собираться на работу, попутно слушая нарезки из репортажей.

– Я был приведён к присяге на той самой Библии, которую нам в детстве читала мама. И эта вера живёт в моём сердце каждый день.

– Личные замечания сорок пятого президента страны о своей христианской вере, – ввела в курс репортёр. Дональд Трамп вышел под шквал аплодисментов на трибуну, поправил микрофон и начал свою речь:

– Есть пять слов, которые я слышу чаще всего, когда езжу по стране, и они каждый раз касаются моего сердца. Я... Всегда... Молюсь... За вас...

– Тысячам людей, собравшихся на ежегодном национальном молитвенном завтраке, он сказал, что не деньги являются показателем успеха, – вновь дала пояснения репортёр.

– Мы так легко забываем, что качество нашей жизни определяется не материальным успехом, а успехом духовным. Уверяю вас в этом. И я говорю это вам как тот, кто имеет материальный успех.

Митчелл никогда не понимал смысла этих высказываний: когда богатые представители различных конфессий или, как в данном случае, состоятельный президент говорят всему народу – что не деньги главное в жизни, а духовное процветание. Сам же федеральный маршал не числился среди бедных, но он был бы не против провести выходные на роскошной яхте, попивая дорогие спиртные коктейли, чем провести день в церкви на службе, не имея в кармане ни цента. Данные заявления легко говорить бедному народу, когда на твоём счету имеются миллионы долларов.

– По словам Трампа свобода американцев исходит от Бога, а не человека, – Митчелл мысленно вернулся к репортажу и чуть было не прослушал слова репортёра.

– Среди этих свобод – право поклоняться Богу в соответствии с нашими верованиями. Вот почему я собираюсь отменить и полностью устранить «поправку Джонсона», чтобы наши представители веры могли говорить свободно и без страха наказания. Я сделаю это, запомните.

– «Поправка Джонсона» – это налоговое правило, запрещающее некоммерческим организациям, в том числе церквям, агитировать «за» или «против» тех или иных политических кандидатов. Многие считают, что она ограничивает их свободу слова. Президент Трамп повторил своё обещание защищать свободу вероисповедования как в Америке, так и за рубежом. Свободу, которая, по его словам, в настоящее время находится под угрозой, – пояснила репортёр из канала «СВN News»

– Моя администрация сделает всё, что в её силах, чтобы защитить свободу вероисповедования в нашей стране. – Далее последовал фрагмент из репортажа с пресс-секретарём Белого дома, который Митчелл предпочёл пропустить, чтобы вновь вернуться к речи Трампа. – Мы никогда не должны переставать просить у Бога мудрости, чтобы служить обществу в соответствии с его волей.

Надев штаны и кобуру, Митчелл проверил свой пистолет, с которым не расставался ни на минуту. Убрав его в кобуру, он проверил папку, в которой располагались все важные документы. В работе федерального маршала важна каждая мелочь, забыть или упустить что-то из виду приравнивалось к провалу. По телевизору продолжал идти видеоролик, который уже служил фоновым шумом, поскольку Митчелл сконцентрировал своё внимание на работе.

Дональд Трамп произносил свою речь на национальном дне молитвы в саду роз в Белом доме.

– Вера оставила глубокий след на страницах истории нашей страны. Дух – фундамент нашей страны, душа нашего народа. Как приятно видеть трёх лидеров совершенно различных религиозных взглядов, пришедших сюда для совершения совместной молитвы за наш народ. И как замечательно, что это происходит в Белом доме, не правда ли? – указал Трамп пальцем на слушателей и улыбнулся. Когда аплодисменты поутихли, он продолжил. – Это потому что наш народ – не только нация веры, но и нация терпимости, когда мы смотрим на всё насилие, совершающееся в этом мире, и поверьте мне, что оно действительно сокрушительно, я вижу это лучше, чем кто-либо другой. Мы осознаём, какое благословение жить в стране, которая провозглашает свободу поклонения Богу. И сегодня во время моего пребывания на посту президента мы собираемся предпринять исторические шаги для защиты религиозной свободы в Соединённых Штатах Америки. – Снова раздались аплодисменты. – Мы не позволим, чтобы верующие люди становились мишенью для нападков или лишались права высказывать своё мнение. – Опять аплодисменты. – И мы больше никогда не будем выступать за религиозную дискриминацию, никогда и ни при каких обстоятельствах! – Аплодисменты. – Терпимость является краеугольным камнем для сохранения мира и поэтому сегодня утром я с гордостью делаю историческое заявление о том, что моя первая заграничная поездка в качестве президента Соединённых Штатов будет проходить в Саудовской Аравии, потом в Израиле и потом в любимом месте моих кардиналов, – указал он рукой на них, – в Риме. – Народ захлопал в ладоши. Многие из присутствующих снимали происходящее на телефон, что Митчелл также не мог понять, поскольку данное событие и так снималось профессиональной камерой.

Тут всё было предельно ясно. Рейтинги у президента были не слишком высокие и с учётом того, что народ больше поддерживал Клинтон, нужно было искать любую поддержку, включая и верующих. Таким образом, чем больше различных групп населения привлечёт Трамп на свою сторону, тем больше у него будет шансов переизбраться на второй срок. Однако ещё

сложнее для него было удержать эту власть в своих руках и не допустить того, чтобы те, кто поддерживал его на первых выборах, не разочаровались в конечном итоге.

Митчелл снова перемотал ролик, пропустив момент, где Трамп говорит о важности встречи с лидерами религиозных верований для борьбы с терроризмом и помощи Ближнему Востоку.

– Все мы молимся за то, чтобы сделать мир лучше, мы молимся за мир. Сто пятьдесят лет назад президент Линкольн установил национальный день молитвы, то есть сегодняшний день, потому что он боялся того, что мы станем слишком гордым народом, чтобы молиться Богу, создавшего нас. – Митчелл уже привык к овациям, которые происходили буквально после каждой законченной фразы президента. – *Сегодня, когда мы подписываем указ об установлении национального дня молитвы, мы вспоминаем слова президента Линкольна: «Национальный день молитвы – это то, чего мы желаем», и так прекрасно делать это в саду роз. Насколько же это прекрасно?!* – на этот раз люди повставали со своих мест, не переставая хлопать в ладоши, чтобы выразить благодарность. Они улыбались, некоторые что-то выкрикивали, все были счастливы или, по крайней мере, делали вид, что счастливы. Митчелл старался каждый раз перематывать такие моменты, но их было слишком много, а отведённое ему время до начала работы стремительно сокращалось. – *И мы помним эту вечную истину: свобода – это не подарок от правительства, свобода – это Божий дар. Именно Томас Джефферсон сказал, что Бог, подаривший нам жизнь, подарил нам и свободу. Наши отцы-основатели верили в то, что религиозная свобода была настолько фундаментальным принципом, что они поместили её в самую первую поправку нашей великой и любимой Конституции,* – вот президент подошёл к сути своей речи. – *Однако на протяжении слишком долгого времени, федеральное правительство использовало государство в качестве оружия против верующих людей. Оно притесняло и даже наказывало американцев за то, что они следовали своим религиозным убеждениям. И это всё ещё продолжается. Поэтому сегодня я подписываю правительственное распоряжение по защите свободы религии и слова в Америке. Свободы, к которой мы всегда стремились, свободы, за которую мы так долго боролись, и это то, что мы сделаем здесь и сейчас.*

Митчелл никогда не причислял себя к верующим. Его работа была в поиске и поимке особо важных преступников и сопровождение их в колонию строгого режима. Зачастую приходилось применять оружие, когда преступники оказывали сопротивление. Маршал никогда не сомневался в том, что он ещё жив только благодаря своим умениям и навыкам, которые приобрёл в армии и по долгу службы, и никакой Бог не оберегал его всё это время. За всю свою жизнь он повидал множество смертей: погибали невинные дети, женщины, старики, часть которых были религиозными верующими, но Бог наплевал на них и послал им жестокую и мучительную смерть. Бог надругался над этими людьми, не оставив им ни малейшего шанса на счастливую жизнь. Повидав все эти ужасы своими глазами Митчелл не понимал, почему люди до сих пор в двадцать первом веке так акцентируют своё внимание на религиозной вере, которая давно, по его мнению, должна была перейти в веру науки и технического прогресса, как и говорил Джеймс Росс. Но и ограничивать людей в вере, как это собирается сделать Норман Хинтон тоже не следует. Люди должны прийти к этому сами и сами принять решение, что настало время перейти на следующий этап эволюции. Однако не все готовы ждать, и не все готовы перейти через порог новой эры.

– Ни одного американца нельзя принуждать делать выбор между предписаниями федерального правительства и постулатами своей веры, – продолжил Дональд Трамп после очередных аплодисментов. – *Когда я совершал предвыборное турне по своей стране, лидеры церковных деноминаций говорили мне, что им не позволяли говорить о своих убеждениях на основании положения тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года известного как «поправка Джонсона». Я не раз говорил об этом. На основании этого положения, если нас-*

тор, священник или имам будет говорить о вопросах общественной или политической важности, они будут лишены своего безналогового статуса. Деструктивное финансовое наказание. Очень, очень несправедливо. Но этого больше не будет. Я обещал, что если я выиграю на выборах, то я буду работать над этой несправедливостью. Если нет – то обещать этого я точно не смогу, – президент, как и большая часть присутствующих заулыбались. – Если бы я не победил на выборах, то я бы покинул вас, не так ли? Я думаю, что я был бы на воле, наслаждался жизнью, но я не смог бы помочь вам решить вопрос, касающийся «поправки Джонсона». В связи с этим финансовая угроза, стоящей перед лицом общества верующих будет устранена. – Митчелл надел на себя чёрную рубашку и стал застёгивать рукава. – Через несколько минут я подпишу правительственное распоряжение, чтобы выполнить обещание о том, чтобы «поправка Джонсона» не мешала правам, предоставляемым вам первой поправкой. А вы являетесь людьми, к словам которых я хочу прислушиваться. Другим людям не позволено говорить мне и всем остальным людям, что им делать. Поэтому сейчас вы находитесь в таком положении, при котором можете сказать то, что вы хотите сказать, и я знаю, что скажете только хорошее и то, что находится в вашем сердце. И это всё, что мы от вас ожидаем. Вы очень, очень замечательные люди! Спасибо вам! Это правительственное постановление не позволяет службе по внутреннему налогообложению совершать несправедливые нападки на церкви за их политические выступления. Ни один человек не должен подвергать проповедь цензуре или превращать пастора в мишень для нападков.

Во время очередных аплодисментов Митчелл подметил, как забавно смотрелись подмигивания и жесты Дональда Трампа. С другой стороны, просто стоять и смотреть на слушателей с трибуны было бы также нелепо. Когда на тебя устремлены тысячи глаз, нужно уметь совладать с собой.

– Во время моего пребывания на посту президента свобода слова не будет заканчиваться на пороге собора, синагоги или другого места поклонения Богу, – заявил Трамп после того, как Митчелл вновь пропустил небольшой отрезок ролика. – Мы вернём нашим церквям свободу слова и сделаем это на высочайшем уровне. Посредством этого правительственного постановления мы недвусмысленно заявляем о том, что федеральное правительство никогда не будет наказывать любого человека за защиту своих религиозных убеждений.

Завибрировал телефон, как напоминание того, что Митчелл должен не забыть захватить с собой в полицейский участок папку с документами. Шериф выделил для него специальную комнату, в которой федеральный маршал занимается расследованием нападений в городе и поиском предводителя группировки в масках выдающихся политиков двадцать первого века. Митчелл также предполагал, что главарь банды носит маску Дональда Трампа, также у него было пару предположений относительно личности этого человека, но доказательств обвинить кого-то из них пока не хватало.

– Вот почему сегодня я приказываю Министерству юстиции разработать новое положение, обеспечивающее религиозной защитой всех американцев. Вы знаете, что при предыдущем президенте более пятидесяти верующих американцев и религиозных групп подавали иск против федерального правительства за нарушение их религиозной свободы. Эти злоупотребления были широко распространены и наблюдались повсеместно.

Митчелл перемотал момент, где президент говорил о том, что военнослужащим в военных госпиталях запрещали носить предметы, имеющие религиозное значение. Затем Дональд Трамп пригласил к себе подойти монахинь, что заботились о больных и пожилых, пожал им руку, похвалил их за прекрасную работу и продолжил речь.

– Более шестидесяти лет назад служба по внутреннему налогообложению выступила против одного из величайших лидеров истории, уважаемого Мартина Лютера Кинга, и эти действия являются отрезвляющим напоминанием о необходимости сохранять бдительность. Слова достопочтенного Кинга и других религиозных лидеров пробудили совесть милли-

онов и миллионов американцев и вдохновили нас выступить за поддержание мира, справедливости, свободы и совершения благотворительности. Каждый президент должен трудиться над тем, чтобы защищать, и мы должны делать это. У нас нет выбора, как только сделать это. У нас абсолютно нет выбора, чтобы не защищать эти с таким трудом приобретённые ценности. За них было пролито немало пота и крови, за них боролись на протяжении такого большого количества лет, десятилетий, веков, поэтому сегодня мы собрались здесь, чтобы защитить права всех американцев, чтобы почтить нашу великую Конституцию и защитить священные свободы, переданные нам неземной властью, но нашим небесным Творцом.

«Слишком много слов, слишком много повторов», – думал Митчелл, но продолжал слушать речь предыдущего президента, за которого тоже в своё время отдал свой голос. Были у него, естественно, свои странности, как, например, на одном из предвыборных выступлений Дональд Трамп заявил, что «может встать посреди пятой авеню и пристрелить кого-нибудь, при этом не потеряв своих избирателей». Это опрометчиво с его стороны делать такие политические высказывания, особенно, когда человек метит на пост президента великой страны.

– Я хотел бы поблагодарить всех вас: великих религиозных лидеров, за то, что сегодня вы с нами. Здесь также присутствуют некоторые политические лидеры и они в вашем распоряжении, – вновь он усмехнулся во время речи. – Они не будут возражать. И сегодня великий день. Очень скоро пройдёт большое голосование, и тогда я должен буду иметь дело с этими политиками, и я должен сказать, они стоящие люди. Они очень усердно трудятся, и я надеюсь, что у нас будет чудесный день и не менее чудесное голосование. Мы хотим оказать медицинскую помощь людям, замечательным людям из этой страны и ответить на их нужды о здоровье. Мы надеемся, что сможем это сделать. Поэтому я хочу сказать всем присутствующим и всем людям нашей страны, и всему миру, пусть Бог благословит вас и пусть Бог благословит Америку. Большое спасибо. Спасибо. Спасибо. Большое спасибо.

Слова благодарности сопровождались обильными аплодисментами. Дональд Трамп пожал руку, присутствующим на сцене, перекинулся с ними парой фраз и направился к небольшому столику, что находился рядом с трибуной. На столе лежали два распоряжения и пара ручек. Взяв первую папку, президент Трамп произнёс:

– Распоряжение о национальном дне молитвы. Нам нравится этот день, не так ли?

Президент оставил свою длинную подпись на указе, показал нормативный акт на камеру и стал расспрашивать вице-президента Майкла Пенса о том, кому вручить ручку. Разобравшись с этим вопросом, президент Трамп перешёл к самой важной части этого мероприятия. Взяв в руки второй указ, он сообщил:

– Это распоряжение содействует свободе слова и религиозной свободе, и это великое дело, не так ли?

Все присутствующие с трепетом наблюдали, как президент ставит свою подпись. Отдав ручку своему другу и духовному наставнику, он вновь показал на камеру подписанный указ под аплодисменты зрителей.

– Мы действительно ценим ваше присутствие. Это два очень и очень особенных правительственных постановлений и для меня большая честь, что вы сегодня с нами и большое спасибо. Пусть Бог благословит вас.

На этом ролик закончился.

Это был настоящий подарок для верующих, обетование, данное Дональдом Трампом не оставило равнодушным никого: будь то праздник для христиан или повод для нападок атеистов и агностиков. В любом случае, сейчас времена изменились, и новый президент вновь решил вернуться к старым традициям ущемлять церковь в правах.

Зайдя в раздел «В тренде» на «YouTube», Митчелл наткнулся на самый первый ролик во вкладке, где как раз был фрагмент репортажа из телеканала «Fox News». Норман Хинтон объясняет мотив своего решения.

– *Все мы прекрасно понимаем, что возвращение «поправки Джонсона» является вынужденной мерой, – в отличие от выступления Трампа, на этом выступлении народ не хлопал в ладоши после каждой произнесённой фразы. Митчелл это подметил сразу. – Так сложилось, что данная поправка была внесена Линдоном Джонсоном ещё в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году и просуществовала больше половины столетия. Однако предыдущий мой коллега отменил эту поправку, что привело к расширению свободы влияния религиозных организаций и отмены запрета на политическую деятельность для церквей, освобождённых от уплаты налогов.*

За последние восемь лет правления Дональда Трампа, позволившего вести религиозным деятелям полномасштабную агитационную политическую деятельность, церковь практически стала неотъемлемой частью государственного правления. И это не удивительно, ведь Америка одна из самых религиозных стран в мире и данная тенденция к росту церкви в политической сфере влияния была очевидна. В конечном итоге это привело к тому, что некоторые штаты оказались, как считал сам Митчелл и многие американцы, охвачены под влияние различных религиозных последователей. Такие штаты как Миссисипи, Алабама, Джорджия, Северная и Южная Каролина, Луизиана, Техас и другие штаты Библейского пояса оказались под влиянием сильного и харизматичного лидера евангелистского протестантизма Отца Джона Уокера.

Число последователей Джона Уокера росло довольно быстро. На вырученные деньги церкви строились новые святилища, религиозные школы и детские сады, библиотеки, больницы. Всё это не могло не радовать глаз обывателя и простого прихожанина церкви, но опасность заключалась в другом. Всё исходило от самого Джона Уокера, который вовсе не был примером для подражания. О его криминальном прошлом знали многие, но его «благие поступки» затмевали его ошибки, совершённые в молодости. Святой Отец так или иначе искупил свои грехи, так по крайней мере думали его последователи, но не люди в федеральном правительстве. Митчелл Фицджеральд видел в нём угрозу, как никто другой. Именно поэтому он последние несколько дней занимался тем, что искал связь между группировкой религиозных фанатиков в Берлингтоне и религиозной организацией в Библейском поясе под предводительством Отца Джона.

– *Благодаря этому участились случаи, когда религиозные организации, чувствуя себя более раскрепощёнными, нарушали законы, прописанные в Конституции нашей страны. Я считаю, что политические дела страны не должны быть под влиянием церкви, поскольку такое положение вещей зачастую негативно сказывается на делах внутренней и внешней политики. Моей целью не является ущемление и притеснение религиозных организаций, но так случилось, что тот широкий спектр влияния, который был у них до сегодняшнего дня, лишь негативно отразился на нашей жизни. И я не могу допустить, чтобы церковные лидеры ставили свои интересы выше государственных. Религия не должна вмешиваться в политику страны, она лишь может мирно сосуществовать с ней.*

Неплохая попытка вернуться к тому, с чего всё начиналось. Вот только загнать разъярённого быка обратно в клетку гораздо сложнее, чем выпустить его на волю. Митчелл прекрасно понимал, что церковь не стоит допускать до возможности участия в делах государственной важности, но данную проблему также не стоит решать кардинально, одномоментно запретив религиозным деятелям делать то, что у них так хорошо получалось, и ограничив их в правах. Таким образом, Митчелл не поощрял, но и не порицал действия своего президента, осознавая, что сам не знает, как решать данную проблему.

– *Это просто возмутительно!* – Далее в репортаже высказывались мнения прохожих относительно решения президента. – *Мы живём в свободной демократической стране и имеем право выразить своё мнение. Очевидно, выражение «Америка – свободная страна» уже ничего для нас не значит.*

– Я считаю отвратительным указ Хинтона о налоговом обложении религиозных организаций.

– *Вся наша семья родом из Южной Каролины, –* высказывал на камеру глава семейства, – *и я точно говорю, что мнение Отца Джона для нас гораздо важнее, чем мнение президента. Если Норман Хинтон решил основательно взяться за устранение религии в нашей стране, пусть готовится к ответной реакции. У каждого действия будут последствия.*

Митчелл внимательно прислушивался к мнению каждого опрошенного, и не понимал, почему «поправка Джонсона» вызывает у населения столь негативную реакцию. По его мнению, она существенно не ограничивает права церкви, как на то заявляют верующие и священники. До Дональда Трампа несколько десятилетий церковь жила и процветала в Соединённых Штатах. И чёрт бы с этой поправкой, но дай человеку ненадолго расправить крылья, и он уже не захочет передвигаться по земле.

Закончив с утренним вводом в экскурс дела, Митчелл надел куртку поверх рубашки и выдвинулся на работу в полицейский участок. Одна из составляющих в работе федерального маршала был присмотр за шерифом города, в то время, как шериф присматривал за маршалом. У каждого из них было одно единственное желание – разобраться с местной сектой, что производит хаос на улицах города, но подходы к решению проблемы у них отличались.

В специально отведённом для маршала кабинете находилось самое необходимое: компьютер с быстрым интернетом, стена, на которой можно было расположить фотографии предполагаемых членов группировки, и, конечно же, кофеварка. Без кофе даже не было смысла начинать рабочий день, поскольку кофе для Митчелла – это священный напиток.

Войдя в кабинет, он сразу же направился к стене, на которой располагались несколько фотографий. На той, что находилась на вершине импровизированной пирамиды, расположился Джон Уокер. Именно он, по мнению Митчелла, занимал центральное звено во всей этой сети. Ниже него расположился Йозеп Эйзель, Митчелл также предполагал, что именно этот человек получает распоряжения от святого Отца и именно он стоит во главе секты, но прямых доказательств этого пока не было. Ещё ниже рангом расположилась фотография молодой и привлекательной девушки Вивьен Горсей. Как думал Митчелл, она тоже замешана в преступной сети: возможно, это она принимала участие во вторжении в психиатрическую больницу в маске Ангелы Меркель, однако, это ещё предстоит доказать.

Так или иначе, Митчелл установил слежку за Йозепом и Вивьен, но пока что они не были замечены в каком-то криминальном деле. Несмотря на это, работа над расследованием нападения на жителей в Берлингтоне активно и вполне успешно ведётся, доказательства всё же будут. И вот тогда, когда Митчелл сможет доказать, что группировка в Берлингтоне действовала по распоряжению отца Джона Уокера, всей его деятельности придёт конец. И тогда, возможно, народ поймёт, к чему может привести любая религиозная организация, если ей развязать руки и дать свободу воли.

Усевшись за рабочий стол, Митчелл взял в руки папку с документами и стал изучать дела по преступлениям в Берлингтоне. На его столе уже находилась кipa папок, поднятых шерифом по просьбе маршала из архива. Основная работа на ближайшее время – изучить весь архив преступлений, в котором могли бы фигурировать сектанты, проследить и выявить некую закономерность для того, чтобы выйти на след преступников.

В последнее время, несмотря на то, что данное интервью было взято несколько месяцев назад, люди всё чаще обсуждали речь Джеймса Генри Росса на федеральном канале в «шоу Моргана Купера», на котором он высказывал свои атеистические взгляды. Митчеллу не составило труда найти ролик на «YouTube» с выступлением Джеймса, который собрал большое количество «дизлайков» и множество как негативных, так и положительных комментариев. Митчелл сразу перемотал ролик, пропустив приветствие ведущего и пустую болтовню, чтобы сразу перейти к сути.

– Я, безусловно, считаю, что религия используется исключительно как нравственный социальный инструмент, – заявил Джеймс ведущему и, по сути, всей стране. Находился он в светлом помещении за лакированным столом рядом с ведущим. Одет Джеймс был, как и следовало ему быть, в серый костюм.

– То есть, вы хотите сказать, что религия и наука – вещь несовместимая? – задал вопрос ведущий Морган Купер.

– Религия и наука – вещи не противоположные, но никакая вера не должна вмешиваться в науку. Пускай они существуют самостоятельно и независимо друг от друга. Ведь все мы прекрасно понимаем, что своим вмешательством религия тормозила и продолжает тормозить развитие науки. В две тысячи четвёртом году человечество совершило поистине великое открытие: был полностью расшифрован геном человека. И поверьте, это произошло бы гораздо быстрее, если бы религия не была против вмешательства в генетику человека. Точно также церковь против искусственного оплодотворения. Меня всегда это возмущало, почему так? Почему молодая пара, если не может по каким-то причинам завести ребёнка, не имеет права с точки зрения церковной морали провести процедуру ЭКО? Разве это плохо? Это создание новой жизни, нового полноправного человека, личности. Я ещё могу понять протесты верующих против аборт, здесь частично можно с ними согласиться, хотя с точки зрения медицины на ранних стадиях это всего лишь зародыш, то есть скопление нескольких типов клеток, которые ещё не трансформировались в подобие плода. Грубо говоря, это ещё не человек, и каждая женщина вправе сама выбирать, как ей поступить со своим организмом. Также мы знаем, что церковь всегда была против новейших биомедицинских технологий. Сейчас проводятся эксперименты по клонированию и созданию генетических копий. Взять, к примеру, донорство органов. Сейчас уже создаются искусственные трансплантаты, подумайте только, мы научились из ничего выращивать человеческие органы и, возможно, в скором времени мы полностью откажемся от донорства от живых или мёртвых людей. Разве это не прекрасно? Мы добились таких замечательных достижений, а что за всё это время сделала религия? Что она привнесла нам нового? Да ничего? И какую пользу она несёт? Да, по сути, никакую!

– Уверен, что многие не согласятся с Вашим мнением о том, что религия не несёт в себе никаких положительных функций. А как же, прежде всего, удовлетворение душевных потребностей? Ведь она может дать успокоение и облегчение в страданиях, создавать какие-то нормы общественного поведения.

– В моём понимании религия во многом упрощает до предела социальные ценности человека так, что их можно донести до любого человека. Будь то даже необразованный человек, который не сможет понять и разобраться, но готов поверить. Ведь истина заключается в том, что, все мы знаем, существует десять заповедей Божьих, которые Господь, исходя из Библии, открыл их Моисею, чтобы донести до людей. Все эти законы Божьи лишь социальные установки, придуманные людьми, которые нужны для обеспечения безопасности жизнедеятельности, и никакой идеи Бога не нужно, чтобы их понимать и исполнять. Любой расцвет религии или какой-либо религиозной организации, будь то секта, происходит из-за того, что государство не выполняет свои функции как социальный институт. Если государство не способно помочь человеку, он начинает поиск утешения и опоры в жизни. Как правило, религия нужна для слабого человека.

– Очень интересное мнение. По-Вашему, если государство сильное и в полной мере обеспечивает все потребности населения, то народ, проживающий в этом государстве, не нуждается в духовном просвещении?

– Такого, к сожалению, никогда не было. Если мы посмотрим из истории, то мы увидим, что в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах двадцатого столетия в Америке был расцвет религии, который даже называется «реванизм Бога». Было множество различных

религиозных движений, будь то протестантизм или католицизм, было образовано множество сект. Взять хотя бы «Общество сознания Кришны», из того, что мне неволей довелось повидать, это то, как во время богослужения адепты доводили себя до экстаза и верили, что у них был половой контакт с ипостасью Бога, то есть, Кришной. Это страшно представить, что люди верят в такое и готовы идти на жертвы ради лучшей загробной жизни.

Митчелл краем уха слушал лекции от заведующего отделением в психиатрической больнице в Берлингтоне, попутно изучая собранный материал с места преступлений. Больше всего он терпеть не мог заниматься рутинной работой, но обстоятельства вынуждали проводить по несколько часов за кипой бумаг, документов и отчётов. Пока что это ни к чему не привело, но отчаиваться Митчелл также не собирался. Даже малейшая зацепка может привести к доказательствам того, что Йозеп причастен к нападениям.

– В две тысячи двадцать четвёртом году, – продолжал Джеймс, – стало так мало верующих, которые идут в ногу со временем и так много людей, которые осознанно ставят себя на уровень развития людей, живших две тысячи лет назад. Им не важно, что имеется множество научных доказательств, проверенных фактов, они всё равно будут отрицать и настаивать на своём. И до них трудно донести, что отрицание очевидного не есть спасение. Мне также забавен тот факт, что такие люди, как правило, не отказываются от современной медицины, от современных технологий и прочих благ цивилизации. Но есть и обратная ситуация. Зачастую люди отказываются от медицинского вмешательства и обращаются к вере, которая, естественно, не вылечивает и не исцеляет человека. Я лично знал одного человека, который болел лейкемией. И сколько бы я не предпринимал попыток убедить его согласиться на лечение в специализированном гематологическом центре, он никак не соглашался и предпочёл медицинскому лечению лечение у гадалок, целителей и прочих самозванцев. И такое сплошь и рядом. Люди верят целителям, у которых нет медицинского образования, нет представления о том, как устроен человеческий организм, и не верят дипломированным специалистам. Этот факт меня сильно беспокоит.

Завибрировал телефон. Сара написала любовное сообщение, не забыв в конце поставить кучу смайликов. Потратив пару минут на переписку со своей женой, Митчелл заварил кофе и вновь погрузился в работу, продолжая слушать выступление Джеймса, что сделало его популярным.

– Условно всю историю человечества можно поделить на три этапа. Я бы даже сказал стадии. Первая стадия – это каменный век. Люди в это время верили в многобожие, были тогда жрецы и шаманы, которые при помощи различных дурманящих веществ, якобы, могли вступить в контакт с божествами. Во второй стадии люди перешли к единому Богу. Тогда стали появляться учения, которые пытались объяснить структуру мироздания с точки зрения науки. И вот человечество должно перейти на следующую третью стадию – это стадия науки, где вся власть будет сосредоточена в руках учёных, инженеров, программистов и так далее, в общем, в руках тех, кто занимается научным методом познания мира.

– Это всё замечательно, но, я думаю, у многих зрителей и у меня в том числе возник вопрос, чем же научное познание отличается от ненаучного?

– При научном методе, – отвечал Джеймс ведущему, – есть какое-то наблюдение, под него подогнана гипотеза. Пока это только гипотеза, которую ещё нужно доказать или опровергнуть. Для этого проводится эксперимент, собираются новые данные. Уже затем строится теория и в дальнейшем идёт проверка теории новыми наблюдениями и теориями.

– И как определить, что теория действительно работает?

– Всё очень просто. Если условия выполняются, следовательно, теория верная. Очень важна прогностическая ценность, то есть, если в последующем, применяя теорию, она работает на практике – то это наука. Если нет – то не наука. Вот скажем, к примеру, молитвы. Ведь мы никак не можем проверить, работают они или нет, это невозможно. В то время,

как в науке мы можем провести эксперимент и достичь результата контролируемого, проверяемого и воспроизводимого неоднократно. Мне часто доводилось слышать, что некоторые учёные проводили эксперимент: они с помощью электроэнцефалограммы исследовали мозг человека, который молится, то есть во время единения с Богом. И якобы их мозг испытывал ненормальную электрическую активность. Но я смело заявляю вам, что это мистификация. Поверьте, мне, как психиатру, часто доводится иметь с этим дело. Дело в том, что электроэнцефалограмма применяется только для диагностики эпилепсии и ни в каких других случаях она не показывает существенных изменений электрической активности мозга.

– Это всё очень интересно. Вы, как сторонник атеизма, всегда критично относитесь ко всем экспериментам по доказательству существования Бога. Но ведь в каждой религии существуют определённые догматы, истинность которых является неоспоримой.

Джеймса это только рассмешило, но он старался не показывать свои эмоции на камеру.

– Вы ведь понимаете, что все эти постулаты, которые используют верующие, ни на чём не основываются. У них нет никакой доказательной базы. А значит, нет объективных доказательств существования Бога.

– Как, впрочем, и нет доказательств того, что Бога нет, – добавил ведущий, что ещё больше позабавило Джеймса.

– Есть такой мысленный эксперимент, который получил название «чайник Рассела». Суть его вот в чём: представьте, что между Землёй и Марсом вокруг солнца вращается чайник. Этот чайник очень мал, и никто не сможет обнаружить его даже с помощью самого мощного телескопа. И если я заявлю, что это утверждение невозможно опровергнуть и человек не имеет права сомневаться в его истинности, мне бы тут же сказали, что я несу полную чушь. Но если бы существование такого чайника утверждалось в древних книгах, о его подлинности твердили бы каждое воскресенье, а мысль о его существовании вдалбливалась бы с детства в головы школьников, то неверие в его наличие казалось бы странным или, возможно, даже признаком психического расстройства. Всё это говорит о том, что никакой учёный не должен доказывать, что чего-то не существует, а значит, если кто-то пытается доказать, что его утверждение верно, оно должно быть чем-то подкреплено.

– И всё же, в основу религии всегда лежит какое-то нравственное учение, которое регулирует нормы общественного поведения, прививает какие-то правила поведения в обществе, формирует систему ценностей. Не будь религии, это привело бы к нравственному разложению общества.

– Здесь я с Вами не соглашусь. Лично я сомневаюсь, что отсутствие религии привело бы к моральному падению общества. Люди бы не стали злее или добрее, институт семьи бы не разрушился. Ведь мы можем наблюдать за теми же животными. У каждой матери есть материнский инстинкт. Возьмём, например, обезьян. У них также есть потребность в заботе о своих детях, и им не нужна для этого религия, потому что все эти чувства врождённые. Точно также и у людей. Мы точно также жили бы и без религии, потому что все наши поступки, все наши реакции, всё наше отношение к окружающим – это врождённое.

– Спасибо, Вам, мистер Росс, за столь развёрнутый ответ. Но наше время подходит к концу, и поэтому, я задам вам ещё один вопрос. Как вы относитесь к политике Нормана Хинтона? Недавно он высказывал мнение о том, что в нашей стране неплохо было бы ограничить церковь в некоторых правах.

– Я слышал его заявление. И я полностью поддерживаю его решение и желаю ему победы на выборах.

После непродолжительного стука в дверь в кабинет вошёл старый знакомый Митчелла, с которым вместе они неоднократно пересекались в процессе работы, как и сейчас их общее дело снова свело вместе.

– Федеральный маршал, – поздоровался он.

– Детектив Льюис, какими судьбами? – поприветствовал Митчелл, ставя на паузу интервью Джеймса.

– Зашёл поинтересоваться, как идут дела с расследованием, – лукаво ответил детектив, Митчелл сразу же раскусил его ложь.

Рик бегло осмотрел стену, на которой были развешаны фотографии предполагаемых преступников. Безусловно, самой главной звездой этого «театра» был Джон Уокер, который возвышался над марионетками.

– Так и не выяснил, как Йозеп Эйзель может быть связан со святым Отцом?

– Пока что нет, но я работаю над этим.

– Мы работаем над этим, – добавил детектив. – Вчера вечером Йозепа арестовали возле бара. Этот недоносок решил подраться с местным постояльцем. Печален тот факт, что мы не можем допросить его насчёт связи с группировкой, не имея на то оснований. Но есть и хорошая новость. Поскольку Йозеп неоднократно привлекался полицией и не раз нарушал общественный режим, в этот раз он задержится у нас на какое-то время.

– Если только за него не внесут залог.

– Кто станет вносить залог за этого придурка? Разве что его сестра, которая из кожи вон лезет, чтоб хоть как-то прокормить себя. У неё нет таких денег.

– В любом случае, пока мы не найдём веские аргументы, говорящие, что он участник группировки, мы не сможем ничего ему предъявить.

Рик уселся на стул. Митчелл предложил ему сигарету, но, получив отказ, закурил сам. Ещё несколько лет назад, осознавая весь вред от курения, Митчелл установил золотое правило, что выкуривать он может не более трёх сигарет в день. Такая концентрация никотина и ядовитых смол не способна, по его мнению, навредить организму. На сегодняшний день это была первая сигарета.

– Смотришь репортаж Джеймса? – поинтересовался Рик, после того, как увидел его на экране монитора. – Вчера он победил на выборах в городской Совет. Должен признать, это смелый поступок. Смелый, но глупый.

– Почему же?

– Если ты и так нашёл призвание в медицине, так зачем что-то менять? И ради чего? Ради того, чтобы изменить этот город?

– Некоторые люди чувствуют, что могли бы достичь успехов в какой-то другой области. Они берут судьбу в свои руки и меняют её, как им вздумается. Это выбор каждого. По мне так это неплохое качество человека, таких сейчас немного.

Рик ничего не сказал на этот счёт, а Митчелл, выкуривая сигарету, всё ждал, когда же детектив перейдёт к сути своего визита. Этот разговор был лишь из-за вежливости, чтобы поддержать беседу.

– Знаешь, когда шайка отморозков в масках вторглась в психиатрическую больницу, – начал Рик, – какой-то странный тип позвонил Джеймсу и сообщил, что ему грозит опасность. Этот человек каким-то образом завладел камерами наблюдения в больнице и мог наблюдать за происходящим. Мало того, он изменил свой голос, чтобы его не узнали и сделал так, что отследить звонок было бы весьма непросто.

Теперь же Митчелл стал понимать, к чему ведёт детектив и почему он решил поделиться своим мнением на этот счёт именно с маршалом. Всякая тайна рано или поздно становится явью.

– Трудно, но не невозможно, – продолжил Рик. – Мне всё же удалось это сделать. Я сказал тогда Джеймсу, что не смог его отследить, но это неправда.

– И ты решил поделиться этой информацией со мной? – улыбнулся Митчелл, потушив бычок сигареты.

– Мне стало интересно, откуда у этого человека такая обеспокоенность судьбой Джеймса? Ведь, чтобы проделать такую работу нужно приложить немало усилий.

– Очевидно, у того, кто это сделал, были собственные мотивы, – кратко ответил Митчелл.

Больше Рик ни слова не сказал Митчеллу в этот день. Они перекинулись ещё парой фраз и продолжили работать. Так и сменялись последующие несколько дней, не привнося больше ничего нового.

Этот вечер был незабываемым. Вместе с Сарой Митчелл провёл его за романтическим ужином при свечах, рассказывая забавные истории и делясь своим мнением относительно того, где они проведут медовый месяц. Ситуация в городе, по-прежнему, была беспокойной, но Митчелл верил, что ещё совсем немного и всё изменится. И даже обилие работы – не повод уделять внимание своей любимой жене, именно поэтому этот вечер запомнился им надолго, как один из немногих вечеров, когда они могли отвлечься от забот и побыть наедине друг с другом. После ужина и красного полусухого вина они предались плотским утехам.

Спустившись на кухню, чтобы попить немного воды и взглянув на часы, которые показывали только лишь двенадцатый час, Митчелл включил телевизор и стал переключать с одного канала на другой. Везде шли одни и те же заезженные передачи и всем надоевшие телешоу, которые нужны были только лишь для того, чтобы забить эфирное время. Однако кое-что всё же заставило Митчелла остановиться и отложить пульт в сторону.

– *История завершается! Конец уже близок!* – раздался голос Джона Уокера с экрана.

Митчелл каждый день видел лицо святого Отца у себя в кабинете, но почти никогда не видел его вживую. Не потому, что Джон так редко появляется на экране, а потому, что Митчелл просто никогда не интересовался религией настолько, чтоб слушать и внимать, что там говорит какой-то пастырь. Но сейчас он уселся на диван и стал внимательно смотреть передачу, где главный проповедник юга США рассказывал народу о том, что ждёт нас всех в скором времени.

– *Иисус Христос – наш спаситель. Только он положит конец царству Дьявола и всей злобе, которая развилась на Земле.*

«Вдохновляющие слова», – подумал Митчелл. Ведь это именно то, что хочет услышать каждый человек, будь то верующий или не верующий. Иными словами, можно сказать, что конец света вот-вот наступит и шансов выжить не будет ни у кого.

– *История берёт своё начало ещё со времён великого Вавилона,* – продолжал Джон Уокер. – *Ведь, как вы знаете, Вавилон – это один из семи чудес света, и не просто так. Царь Вавилонский Навуходоносор в то время был царём самой сильной и богатой империи. Однажды царю приснился сон, и Бог говорит царю Навуходоносору (пророк Даниил, глава вторая, стих двадцать девятый): «Ты – царь, на ложе твоём думал о том, что будет после всего. И открывающий тайны показал то, что будет».*

Снова цитаты из Библии, как же Митчелл не любил, когда священники начинали её цитировать. Не любил, скорее всего, из-за того, что ничего не понимал в этих цитатах. Слишком сложным и мудрённым языком они были написаны.

– *В древние времена люди с большим благословением относились к снам и считали их откровением Богов. Они всегда стремились найти им объяснение. Но царь не помнил этот сон и обращался к разным людям, чтобы они помогли ему вспомнить. Бог открыл пророку Даниилу этот сон царя и дал ему толкование. В книге Даниила вторая глава с тридцать первого по тридцать пятый стих идёт описание сна царя. Если кратко попытаться объяснить, то суть его вот в чём...*

Митчеллу нравилось визуальное оформление передачи. Как бы он критично не относился к религиозной тематике, но пост-продакшн был на достойном уровне. Вместо того чтобы просто стоять на сцене или за трибуной, Джон Уокер выступал как бы в живой роли, постоянно

перемещаясь, постоянно вокруг него изменялся задний фон, будь то картинка Вавилона или потрет самого царя. Складывалось ощущение погружённости в этот мир, о котором говорил Джон, что, несомненно, помимо его заслуги была и заслуга монтажёров. Такой подход к подаче информации воодушевлял и привлекал народ гораздо больше, чем очередные выслушивания паствы.

– *Царь видел некий образ человека: Истукан, – продолжал Джон. – Это огромный образ. Голова этого истукана была из золота, грудь и руки из серебра, бёдра из меди и ноги из железа, а в конце – железо, смешанное с глиной. В своём сне царь видел этот истукан, а затем видел, как со скалы отрывается камень без руки человеческой. Камень ударяется в ноги истукана, и все металлы превращаются в прах. Ветер уносит его, следа от металлов не остаётся, и только лишь камень наполнил всю землю.*

Все слова сопровождалось видеороликом, где в нечто похожее на большую статую человека ударяет тот самый камень и всё вокруг рушится. Если долго показывать это слабому душой человеку, он действительно поверит в символическое значение какого-то сна далёкого царя.

– *Бог дал толкование пророчеству. Даниил, 2:36: «Вот сон, царь. А сейчас скажем перед царём и значение его».*

Митчелл осознавал, чем так привлекателен Отец Джон. То, с каким энтузиазмом он всё это рассказывает, то, как подаёт информацию не может не воодушевлять. Недаром у него столько много последователей по всей стране.

– *Что же означает золотая голова истукана? – обратился Джон к зрителю. – Пророк Даниил, глава вторая, стих тридцать седьмой и тридцать восьмой: «Ты – царь. Царь царей». В пророчестве говорится, что Навуходоносор – это и есть золотая голова. В Библии прямым текстом сказано, что Ты, царь – золотая голова. А как мы знаем, золото – это символ Вавилонской Империи, самой богатой империи. «После тебя, царь, встанет второе царство, ниже твоего, оно серебром представлено. А потом придёт и третье царство, медью представлено. А потом и четвёртое царство, железо об этом говорит». Навуходоносору не нравилось такое положение вещей, об этом мы узнаём из третьей главы его книги. Поэтому царь приказал построить истукан, но сделать его полностью с головы до ног из золота. Таким образом, Навуходоносор хотел пойти против правил Бога. «Господи, ты хочешь, чтобы моя империя пришла к концу?» – начал отыгрывать Джон, видимо, почувствовав себя актёром. И, как ни странно, у него это неплохо получалось. – «Нет, вечно будет Вавилон стоять!» – размышлял царь.*

– Милый, ты долго там ещё? – слышалось со спальни. Очевидно, Митчелла ждал второй заход, но и прерваться от столь интересного и воодушевляющего зрелища он тоже не мог.

– Сейчас поднимусь, одну минуту, – соврал Митчелл, поскольку хотел досмотреть передачу до конца.

– *Бог говорит: «Ты, царь, имеешь определённый период времени в истории. И твоя история завершится, придёт другая империя на твоё место. Потом третья империя, и четвёртая. Я так вижу события в этом мире». «И никто не помешает мне исполнить то, что я намерен делать», – говорит пророк Исаия.*

На этом моменте Митчелл попытался переосмыслить всё сказанное Джоном, но Джон его опередил и начал давать свои пояснения.

– *Из всего сказанного мы знаем, что будет ещё три империи после Вавилона. Из истории мы также знаем, что последний царь, царь Вавилонский был убит, на этом история Вавилонской Империи завершается. Второе царство – серебряное царство. На смену Вавилонской Империи пришли мидийцы и персы и создали Мидо-Персидскую империю. Третье царство – это Греческая империя, царство меди. Остаётся четвёртое царство, царство железа. Что же написано в Библии о четвёртом царстве?*

Митчелл на мгновение представил, будто Джон ведёт детскую передачу, в которой ведущий как бы общается со своей аудиторией и задаёт детишкам вопросы, а те, через экраны телевизоров, как бы отвечают ему.

– Даниил, глава вторая, стих сороковой: «А четвёртое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет всё, так и оно... будет раздроблять и сокрушать». К сожалению, нигде в Библии нет ответа на этот вопрос, что же из себя представляет четвёртое царство, но одно мы можем сказать наверняка, что здесь может идти речь только о Риме. Римская империя точно соответствует пророческой характеристике. Железные щиты, железные мечи, железные панцири и шлемы, железная дисциплина, несгибаемая воля и беспощадность в отношении к побеждённым. Даниил, глава вторая, стих сорок первый, где он говорит царю: «А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины и частью из железа, то это железное царство будет разделено». Мы знаем, что Западно-Римская империя в четвёртом и пятом столетии нашей эры разделилась на десять частей: Англосаксы, Франки, Алеманны, Лангобарды, Остготы, Бургунды, Герулы, Севевы, Вестготы и Вандалы. Столько же и пальцев на ногах, – подметил Джон. – Вторая глава, стих сорок три: «А что ты видел железо, смешанное с глиной, это значит, что они смешаются или попытаются объединиться, но не сольются одно с другим».

Только сейчас до Митчелла дошло, что накануне в Берлингтоне вступил закон о запрете религиозной пропаганды. Почему в эфире, пусть и в столь позднее время, показывают такие передачи? Очевидно, до телевидения цензура ещё не добралась.

– Было множество правителей, пытающихся объединить Европу. Карл Великий, Карл V, Людовик, Наполеон, Вильгельм II, Гитлер. Но в Библии сказано, что железо и глина останутся отдельно друг от друга, это и есть Божье пророчество для Европы и для мира. Даниил говорит: «А возникнет царство, начиная от Вавилона и дальше. Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится. И это царство не будет передано другому народу. Оно сокрушит и разрушит все царства Земли, само будет стоять вечно». Камень был отторгнут от горы не руками, и раздробил он железо, медь, серебро и золото.

– Милый, ну ты скоро? Я уже устала ждать, – снова послышалось сверху. Митчелл не стал выключать телевизор, чтобы, пока он поднимается наверх, послушать, к чему в итоге приведёт рассказ Джона Уокера.

– Краеугольный камень. Скала спасения – это Иисус Христос. Камень был отторгнут без руки человеческой, это означает, что Бог не будет спрашивать людей, хотим мы того или нет. Второе пришествие Иисуса в наш мир уже близко, и он установит новое царство. В первый раз он пришёл как муж скорбей. На Голгофе он совершил наше примирение с Богом. Во второй раз он положит конец царству Дьявола, злобе, которая развилась на Земле. Всё земное будет уничтожено и вся планета будет наполнена этим камнем. Одно лишь царство будет вечно на Земле – царство Иисуса Христа.

Митчелл уже поднялся на второй этаж и зашёл в комнату, где его уже жаждалась Сара. Он и сам уже жаждал продолжения, после всего того, что он услышал, нужно было выкинуть все мысли из головы, иначе, не будь Митчелл неверующим, сам бы давно уже поверил во весь сказанный по телевизору бред о конце света.

– Но не стоит бояться, дети мои, – продолжал Джон. – Ведь Господь милостив по отношению к нам, он не оставит нас одних. Он заберёт нас в своё царство. Через непослушание мы стали сыновьями Дьявола. А через веру в жертву Иисуса Христа мы можем стать сыновьями и дочерьми нашего Небесного Отца...

Удивителен тот факт, что сам Джон Уокер своей внешностью чем-то напоминал Иисуса Христа, которого привыкли представлять в Христианстве.

На часах 01:15. В это время обычные люди уже спят и готовятся к началу трудового дня, но только не Митчелл. С наступлением ночи начинается его основная работа по поимке преступников. И Йозеп первый в его списке. Раз нужны доказательства его причастности к секте, Митчелл их найдёт.

Днём он выяснил, что Йозеп в тайне от всех снимает складское помещение по поддельным документам на имя Мэтью Вуда. Паршивец думал, что так его никто не выследит, но только не федеральный маршал, такие трюки против него не проканоют.

Вооружившись самым необходимым: перчатками, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, и отмычкой, Митчелл убедился, что в помещении никого нет. Найдя тот самый склад, он стал взламывать замок. Медлить в таком деле не стоило, если кто-то его увидит за незаконным проникновением, проблем Митчелл себе заработает, но и спешить нельзя, поскольку взлом замка – дело сугубо тонкое, к счастью, ему приходилось заниматься этим не впервой. Обычно Митчелл проникал в помещение вышибая дверь и вламываясь со спецподразделением, но на этот раз у него нет на это должных оснований, поэтому приходилось действовать тайно под покровом ночи.

Замок с лёгкостью поддался, не самая надёжная защита за несколько баксов в сутки. Войдя в складское помещение, он не обнаружил ничего удивительного. Куча коробок, набитых всякой дрянью, куча хлама, притащенного, видимо, из дома. Из всего этого бардака нужно было найти то, что хоть как-то помогло бы в расследовании. Выбора не было, Митчелл принялся перебирать всё, что находил под рукой, заглядывая в каждый угол.

Судьба в этот день была на его стороне. После нескольких минут перебирания мусора он всё же нашёл то, что искал, и нашёл даже больше, чем ожидал. Сумка, набитая разными принадлежностями. Поставив её на верстак, Митчелл расстегнул молнию и обнаружил внутри несколько масок. Сверху была маска Дональда Трампа, затем Уго Чавеса, Александра Лукашенко и другие. Были в сумке также и костюмы, в которые одевались сектанты, в одной из коробок Митчелл также обнаружил дубинки и электрошокеры. Теперь настал черёд полиции навесть этот склад, а сектантам ответить за содеянное.

Убрав всё найденное обратно на случай, если Йозеп или кто-то из сектантов вернётся раньше времени, Митчелл покинул помещение, постаравшись придать складу вид того, что его никто не обыскивал. Завтра здесь уже будет работать оперативная группа.

Закрыв на замок складское помещение, Митчелл как можно скорее покинул место и отправился к себе домой, где уже глубоким сном спала Сара, так и не заметив, как вернулся её муж. Он тихонько лёг в кровать, чтобы её не разбудить, ещё какое-то время в эйфории обдумывал, как же ему повезло сегодня, и, успокоившись тоже погрузился в мир сна.

— Сегодня я с официальным визитом намерен посетить Алабаму и встретиться с местной знаменитостью: Джоном Уокером. Я считаю, что данная поездка окажет положительный эффект на принятие мною и моими коллегами решений в качестве городского советника. И я уверен, что тот опыт, который я намереваюсь получить от пребывания в Алабаме, лишь укрепит веру в то, что мы всё делаем правильно. Сегодня Вермонт испытывает тяжёлые времена, и только лишь мы способны вернуть всё на прежние места, – сделал заявление Джеймс Росс в ходе репортажа на местном телевидении. – Вы знаете, что я критично отношусь к любым религиозным организациям. Возможно, эта поездка станет для меня и для всех нас уроком. Уроком того, что мы не должны слепо следовать своим идеалам, а должны критически относиться ко всему.

– С вами была Беверли Кэмпбелл, оставайтесь с нами.

«Вот же глупец!» – подумал Митчелл, слушая репортаж и попутно собираясь на важную встречу. Сегодня утром он уже сообщил Рику Льюису о своей находке и попросил о встрече с ним в парке.

«Этот парень не знает, что творит», – вновь промелькнула мысль у Митчелла, который никак не мог выкинуть из головы заявление Джеймса о поездке. Митчелл осознавал, что это самая глупая идея из всех, которые он мог придумать. Разумеется, эта поездка лишь способ временно покинуть Берлингтон, пока в городе идут спецоперации. И в Алабаме Джеймса не встретят с распростёртыми объятиями, для местных жителей прибытие городского советника сравнимо с внезапным появлением ревизора в каком-нибудь учреждении: все друг другу улыбаются, вежливо общаются, а за спиной говорят гадости и в душе друг друга ненавидят. Именно так представлял себе эту поездку Митчелл.

Важно знать и ещё один факт: если святой Отец Джон как-то замешан в организации секты в Берлингтоне, значит нападение на парковке на Джеймса тоже можно считать его рук дела, а значит, Джеймс сам осознанно лезет в капкан, прямо в руки своего врага. Тот факт, что властям пока удаётся скрывать причастность к расследованию связи Джона Уокера и секты в городе, не меняет сути вещей.

Рик приехал на встречу раньше времени, чтобы заказать себе стаканчик кофе и насладиться им в парке, в столь очаровательном и тихом месте, самом лучшем месте для уединения. Облокотившись об дверцу своего автомобиля и попивая напиток, он и не заметил, как к нему приблизился Митчелл.

– Замечательный день, чтобы провести его в парке, – подметил маршал. – Жаль, что работа не позволяет это сделать.

– Ты всегда занимаешься этой прелюдией? Мы ведь знаем, что не природу пришли обсуждать, – слегка грубовато ответил детектив. После нескольких недель неудач в расследовании хоть какая-то зацепка, способная навести на след секты, могла привести к тому, что дело будет раскрыто, и детективу не слишком-то хотелось растягивать этот момент ожидания в виде пустой болтовни.

– А ты прямолинеен, – Митчелл встал напротив него. – Скажу прямо, я чертовски разочарован.

– Чем же?

– Тем, что вы позволили Джеймсу Россу полететь в Алабаму к этому психу, который решил, что он посланник Бога, способный изменить этот мир. И мне очень досадно, что никто из вас: ты или шериф, не попытались вразумить парня и вбить в его голову, что это плохая... нет, даже отвратительная идея с поездкой.

– Чего ты так завёлся? – озадачился Рик. – Ты ведь даже не знаком с Джеймсом. Отчего такая забота?

– Потому что мне не безразлично, что происходит вокруг! – рассвирепел Митчелл. – Вы ведь знакомы с Джеймсом, я слышал, даже чуть ли не друзья. Какие вы, чёрт возьми, друзья, после этого?

– Он едет не один. Во время поездки его всё время будет сопровождать охрана.

– И ты серьёзно веришь, что они смогут в случае чего защитить его? Пара копов ничего не сделают против Джона и его последователей. Чёрт возьми, да можно сказать, что у него личная армия, готовая исполнять приказы своего святоши. Я читал полицейский отчёт об аресте Джона в церкви. Эти религиозные фанатики пойдут на всё, чтобы защитить своего лидера.

Рик не стал спорить с федеральным маршалом. У каждого из них было своё мнение на этот счёт, они бы ничего не доказали друг другу, а только лишь усугубили бы ситуацию. Кофе уже начал остывать, и Рик потерял всё желание его допивать. Паршивое настроение могла спасти только информация, которую собирался сообщить маршал. Но Митчелл не торопился рассказывать о своей находке.

– Кстати об аресте Уокера, – продолжил Митчелл, слегка успокоившись, – расскажи, что это вообще было? И зачем это было нужно? Из дела я ни черта не понял, как два самоубийства в городе связаны со святым Отцом.

– В том-то и дело, что у нас не было практически никаких доказательств того, что Джон Уокер причастен к этому. Двое молодых ребят, верующих, регулярно посещавших паству накануне перед самоубийством, также были на проповеди и общались со святым Отцом. Улик не было, чтобы обвинить его в преступлении, но нашей целью и не было его арестовывать. Мы хотели другого, – Рик выдержал небольшую паузу, следя за реакцией Митчелла.

– Чего же? – не выдержал тот.

– Мы хотели припугнуть его. Нам нужно было сделать так, чтобы Уокер не вербовал население в нашем штате, сам понимаешь, к чему это могло привести, но и выгнать его из Вермонта мы тоже не могли. Поэтому мы и решили дать ему понять, что если он продолжит читать свои проповеди, то полиция не даст ему проходу. Мы хотели только одного, чтобы он уехал добровольно, вернулся в свою Алабаму, но этот сукин сын пронюхал наши намерения...

Джон Уокер сидел молча в комнате для допросов. Он знал, что обвинений против него выдвинуть не смогут, и по закону через несколько часов его отпустят, поэтому просто ждал, когда полиция предпримет отчаянные попытки выбить показания.

– Вы его уже допрашивали? – поинтересовался детектив Льюис за стеклом, наблюдая за святым Отцом, который всё равно ничего не слышит.

– Пока ещё нет, – ответил шериф Роджерс. – Пока что он просто сидит молча, даже адвоката не попросил.

– Отлично, значит, я поговорю с ним, – Рик вошёл в комнату для допроса и уселся напротив Джона.

Несколько секунд они оба сидели молча. Обычно детектив или любой допрашивающий преступника полицейский давал возможность добровольно начать арестованному делиться информацией. Но Джон Уокер ни при каких бы обстоятельствах не заговорил первым, поскольку понимал, что полиция не докажет его причастность к самоубийствам. Он сидел и всматривался в глаза детектива, тем самым давая понять, что не боится его.

– Ничего не хотите мне сказать? – первым вступил в диалог детектив.

– Только то, что я говорю всем своим прихожанам. Деяние Апостола 16:31: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасёшься ты и весь дом твой».

– Разве у Господа есть место для спасения такого, как Вы, святой Отец. Не очень-то Вы и святой, учитывая все грехи, что Вы совершили.

– Бог не считает нас виноватыми, за то, что мы родились грешниками, – продолжал Джон, улыбаясь своему собеседнику. – Иоанн, глава третья, стих шестнадцатый: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Мы родились без нашей воли грешниками и без нашей воли Бог послал Христа в этот мир на Голгофу. И через Иисуса Христа, распятого, грешники имеют возможность исцелиться и избавиться от грехов. И если, детектив, кто-то из грешников будет наказан Богом в конце своего пути, то это не потому, что он родился грешником, и даже не потому, что он грешил, а потому, что Бог предлагал путь избавления и грешник отказался от этого избавления...

– Всё, хватит, довольно! – перебил его детектив, понимая, что разговор уходит не в то русло. Рассуждать на тему религии детектив не желал, а значит пора было дать понять пастырю, что его вероучения здесь не будут оценены. – Вы можете хоть сейчас разговаривать по существу? Всем уже надоели Ваши изречения, так что отвечайте конкретно на вопросы.

– Будь по-вашему, – умиротворённо согласился Джон.

– Два дня назад двое молодых ребят покончили с жизнью, бросившись с крыши здания. Что вы можете сказать на этот счёт?

Поставленный вопрос слегка удивил Джона, который не понимал, что конкретно детектив хочет от него услышать. Почему подростки это сделали или что сам святой Отец думает насчёт такого грешного дела, как самоубийство?

– Люди, к великому сожалению, очень часто неправильно распоряжаются своей жизнью, данной им Господом. Что ещё я могу сказать на этот счёт?

– Накануне самоубийства они навещали Вас, святой Отец. Что вы им сказали?

– То же, что и всем прихожанам, желающим исповедоваться, – повторился Джон. – Все их грехи остаются тайнами, которые Вам знать не обязательно. Право о неразглашении тайн, увы, ничего не могу сказать больше.

– Скажу прямо, у нас есть сведения, говорящие о том, что это Вы мотивировали их прыгнуть с крыши. Может, настало время Вам самим исповедоваться, святой Отец? Если не мне, так Богу.

Джон Уокер и не пытался сдерживать свои усмешки, уж сильно его это позабавило. Детектив так сильно старается надавить несуществующими доказательствами на человека, который кроме кары Божьей в этом мире ничего больше не боится.

– Послушайте, мистер Льюис, мы все прекрасно понимаем, что у вас нет никаких доказательств моей причастности к этой ужасной трагедии. Для меня самого самоубийство двух невинных подростков стало большим ударом, поскольку я знал, что они хорошие люди и у них отличные семьи. Не знаю, что нашло на этих двух несчастных, но ничего уже не поделать, остаётся только молиться за их души. Так может, хватит уже ломать комедию? Я знаю, чего вы хотите от меня.

– И чего же мы хотим? – с трепетом поинтересовался Рик.

– Вы хотите, чтобы я покинул штат и перестал читать свои проповеди. И я Вас понимаю, далеко не каждый готов ступить на путь искупления. Вы не хотите, чтобы я продолжал здесь свою деятельность, и я, без проблем, могу уехать, но у меня есть своё условие.

– Какое? – детектива очень заинтересовало, что может предложить святой Отец.

– Вы оставите меня, мистер Рик. Вы и весь ваш полицейский участок. Вы не будете обвинять меня в преступлениях, которые я не совершал, Вы не будете по отношению ко мне вести расследования, к которым я всё равно не причастен. Вы забудете про меня, про то, что я вообще существую и не станете копать под меня. Только на таких условиях я покину Вермонт, вернусь на свою родину и больше Вы меня здесь не увидите.

Слишком идеальное предложение, чтобы не согласиться, но и слишком наглое со стороны пастыря ставить ультиматум государственным представителям закона. Однако столь влиятельный человек, как Джон может натворить немало хлопот, если позволить ему остаться в Вермонте. Недолго думая, Рик решил согласиться на его сделку, ведь в любом случае, по сути, он ничего не терял, а возможность мирным путём избавиться от святого Отца встречается нечасто.

– То есть, Вы хотите сказать, что добровольно покинете штат и больше сюда не вернётесь, если мы не станем прикручивать обвинения и обвинять Вас в том, чего Вы не совершали, если у нас нет веских на то оснований? Я правильно понимаю?

– Именно так. Но есть одно но, мистер Льюис. – Всегда это заветное «но», без которого ничто никогда не обходится. – Если вы нарушите обещание, если вы продолжите вести по отношению ко мне какие-либо дела, копать под меня, выискивать причастность к другим преступлениям, то я сделаю так, что вы сильно пожалеете об этом.

– Вы угрожаете?

– Я не угрожаю, – быстро проговорил Джон. – Я предупреждаю. У каждого вашего действия будут последствия, которые вам же придётся разгрести. Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то пострадал из-за ваших необдуманных решений. Я сдержу своё слово, и если честь и достоинство что-то значат для вас, то и вы сдержите своё.

Дослушав рассказ до конца, Митчелл спросил:

– Вы всё же ослушались его, верно?

– Мы, естественно, кое в чём его подозревали и не могли вот так всё бросить и оставить преступления нераскрытыми. Конечно, мы занимались поиском улик. Но делали мы это максимально скрытно, но, очевидно, кто-то из наших всё же донёс ему о том, что против него ведётся процесс.

– И теперь вы думаете, что действие секты – это именно то, о чём предупреждал Уокер? Последствия?

– Вполне возможно. Иначе, как объяснить тот факт, что секта разрастается с геометрической прогрессией буквально каждый день?

Детектив выбросил в урну недопитый стакан кофе. Маршал ещё какое-то время обдумывал сказанное, в уме сопоставлял факты, говорящие о том, что Джон Уокер вполне может быть причастен к преступлениям секты. Это многое объясняет, но недоказанным остаётся факт наличия связи его с главарём банды, однако, сам факт, что главарь шайки теперь раскрыт, уже говорит о том, что дело сдвинулось с мёртвой точки и значительно продвинулось.

– Я хотел сообщить о том, что нашёл склад, который снимал Йозеп и обнаружил в нём вещественные доказательства причастности его к секте. – Митчелл, наконец, дал информацию детективу, из-за которой они собственно здесь и собрались. Вынув телефон из джинсов, он напечатал сообщение и отправил его. – Адрес и координаты я скинул, можете смело брать его.

– Ты нашёл его склад? – лишний раз переспросил детектив, не веря своим ушам. – Но почему ты сам не возьмёшь его?

– Потому что у меня есть куча других дел, – отмахнулся маршал. – В любом случае, Йозеп больше не выйдет из колонии, можете предъявлять ему обвинения.

Что-то странное показалось маршалу во взгляде детектива. Что-то не совсем приятное, то, чего Митчелл не хотел услышать, но услышать это всё же пришлось.

– Йозепа вчера выпустили под залог, – недовольно сообщил Рик.

– Что? Кто его внёс?

– Мы уже работаем над этим. Но не это самое печальное, а тот факт, что он пропал, как только вышел из заключения, – детектив стал свидетелем того, как маршал пытается сдерживать внутри себя ярость. Невольно у него самого сжались все внутренности. – Кто-то основательно постарался сделать так, чтобы он ускользнул из-под нашего наблюдения. В любом случае, все выезды из города перекрыты, ему некуда податься.

– Если только он уже не покинул город, – выкрикнул Митчелл, протирая руками глаза и приводя себя в чувство. – Найдите склад и объявляйте его в розыск.

Митчелл развернулся и молча направился туда, откуда пришёл. Внутри него всё перевернулось вверх дном. Ещё утром он радовался тому факту, что преступление секты практически раскрыто, теперь же вскрылись новые факты, которые он не учитывал при расследовании. Но рассказ Рика только лишь укрепил веру в то, что Митчелл на правильном пути. В последние дни маршал уже отчаялся найти хоть какое-то доказательство причастности Джона к преступлениям в Берлингтоне, однако, сейчас он готов был вновь сесть и прошуршать все дела за последние несколько месяцев, чтобы найти зацепки.

– Кстати, насчёт Джеймса, – окликнул Митчелла Рик, когда тот уже отошёл на приличное расстояние. – Мы пытались его отговорить, но он был настроен решительно. – Рик всё же попытался оправдать доверие маршала, но тот лишь проронил в ответ:

– Ну а я не смогу помочь ему во второй раз!

По пути домой на телефон Митчелла раздался звонок от частного детектива, которого он нанял для поиска нужной ему информации. Митчелл согласился встретиться с ним у себя дома, заранее предвкусывая, что же мог обнаружить детектив, что попросил о личной встрече.

Звонок в дверь так и не позволил Митчеллу доесть приготовленный Сарой обед. Метнувшись к двери и открыв её, он увидел не слишком ухоженного, но и не отталкивающего от себя человека: волосы его были слегка взъерошены, глаза уставшие, мешки под глазами, слегка сморщенная кожа на лице, хотя ему было не больше сорока лет. Маршал, не мешкая, впустил детектива в дом.

– Ну и как тебе семейная жизнь, не наскучила ещё? – начал детектив.

Митчелла всегда раздражало то, что перед важным разговором люди, зачем-то, стремятся перекинуться парой неважных слов о чём-нибудь несущественном. В Швейцарии, например, данная процедура является частью ведения важного разговора, когда несколько минут идёт пустая болтовня перед основной сутью встречи. Но Митчелл живёт не в Швейцарии, он не любил это ожидание, всегда старался сразу говорить по существу, несмотря на то, что при встрече с детективом Льюисом он тоже позволил себе сначала выговорить то, что у него накопело.

– Нашёл что-то интересное? – сразу заговорил о важном Митчелл, присаживаясь на стул.

– О, ещё как интересное. Ты и представить себе не можешь, что я обнаружил, – подогревал интерес детектив.

– Ну так не томи, выкладывай.

– Не так быстро. – Детектив вынул из своего портфеля серую папку, на вид не слишком объёмную. – Знал бы ты, через что мне пришлось пройти, чтобы раздобыть эти сведения. А ведь оно того стоило. Поверь, ты будешь очень удивлён, прочитав, что мне удалось накопать на Джеймса Росса.

Он не собирался так просто отдавать папку, Митчелл это уже понял, детектив лишний раз решил набить себе цену.

– И что ты хочешь за неё? – терпеливо задал вопрос Митчелл. Детектив сделал вид, что обдумывает цену добытых сведений, хотя прекрасно знал, сколько ему нужно, чтобы душа его была довольна.

– Три сотни.

– Три сотни!? Я и так плачу тебе немалые деньги.

– Я знаю, но ты должен понять, что добыть и собрать воедино всё, что находится в этой папке, стоило мне колоссальных усилий. Этой информации нет нигде, даже в полицейских архивах. Кое-кто сильно постарался, чтобы произошедшее с Джеймсом не выплыло наружу и осталось в тайне. Но на то я и профессионал, что от меня ничего не скрыть. Я залезу в такие дебри, в которых не побывал никто. Ты прекрасно знаешь, что отец Джеймса покончил с собой, врезавшись на огромной скорости в кирпичную стену заброшенного приюта, но ты и понятия не имеешь, из-за чего он это сделал.

Митчелл не понаслышке знал, что это один из самых лучших частных детективов, не считая Рика Льюиса, по крайней мере, в Вермонте, а значит, можно было смело верить его словам о важности той информации, которую он смог раздобыть. Маршалл недовольно полез в карман, вынул купюры и отсчитал три сотни долларов, затем положил их на стол со словами: «Вот, держи, и давай уже папку сюда». Детектив покорно забрал деньги и вручил серую папку своему заказчику.

– Возможно, то, что ты там увидишь, изменит твоё представление о том, почему Джеймс Генри Росс яростно выступает против религии, – пояснил детектив, наблюдая, как всё больше и больше изменяется реакция маршала. Чем дальше листал страницы Митчелл, тем всё более удивлённым становился его взгляд.

– Это правда? – сам у себя спросил Митчелл, понимая, что ищейке из частной конторы не было смысла врать. – Джеймс об этом знает?

– В этом-то и вся соль, что Джеймс ни черта об этом не знает. Точнее, он ничего не помнит, об этом ты можешь прочитать в выписке врачебной комиссии на последней странице.

Митчелл пролистал папку до конца, закрыл её и ещё какое-то время сидел, обдумывая то, что он узнал. Из всех возможных вариантов развития событий этот он никак не учёл. Да такое, собственно, невозможно учесть, потому что ни одному нормальному человеку такое просто не придёт в голову.

– Это кое-что объясняет, – сделал своё заключение Митчелл после осмысления прочитанного. – По крайней мере ненависть к религии. Как ты это раздобыл?

– У каждого сыщика свои методы, – проговорил детектив, направляясь к двери. – А теперь, с Вашего позволения, я отправляюсь в бар, чтобы пропить вырученные честно заработанные деньги. За хорошую работу я заслужил себе несколько рюмок хорошего импортного пойла.

Митчелл не произнёс ни слова, так и остался сидеть и обдумывать то, что он узнал. Детектив, не дожидаясь ответа, захлопнул за собой дверь. Дабы маршалу убедиться, что он правильно всё понял, пролистал папку ещё раз, а после и в третий раз, вглядываясь в каждую страницу. Вне всяких сомнений, детектив поработал на славу, теперь оставалось только понять, что делать с этой информацией.

Очевидно, папку можно приобщить к делу, но пока показывать добытые сведения Митчелл никому не собирался. Вбежав в комнату на втором этаже, он заглянул в шкаф и открыл дверцу сейфа, в котором, в основном, хранил табельное оружие. Папка какое-то время полежит там, пока Митчелл не решит, что ему делать с этими сведениями.

* * *

Несколько вооружённых полицейских в сопровождении детектива Льюиса добрались до складского помещения, где предположительно, проходили собрания сектантов. Штурмовая группа ломом выломала замок и раздвинула дверь склада, внутри никого не было. Рик Льюис дал приказ искать любые зацепки, перевернуть весь склад вверх дном, но найти улики.

Спустя пару минут один из штурмовиков окликнул детектива. Рик подошёл к станку, на котором находилась большая синяя сумка, внутри которой находилось несколько комплектов тёмной одежды и самое главное доказательство – маски. Прямо на детектива опустошёнными глазами смотрела маска Дональда Трампа. По предварительной версии, именно в этой маске совершал нападения главный религиозный фанатик и предводитель секты.

Маршал не соврал, доказательства действительно стоящие. Теперь они могут с лёгкостью выдвинуть Йозепу, который по поддельным документам снимал это складское помещение, обвинения. Оставалось лишь поймать его, что не должно составить существенных затруднений. Однако тот факт, что он пропал с поля наблюдения говорит о том, что, возможно, его покрывают влиятельные и могущественные люди, а это может осложнить его поиски.

– Объявляйте Йозепа Эйзеля в розыск! – твёрдо произнёс детектив опергруппе, выходя из складского помещения. – Ищите его везде по всей стране. Если понадобится, сообщите в Интерпол, но найдите этого сукина сына и приведите его ко мне! Желательно, живым.

Снаружи склада уже понабежали репортёры. Отличная новость для жителей города, расследование преступлений идёт полным ходом. Преступники будут вскоре пойманы, а национальная гвардия вновь сделает город безопасным.

Хороший день, ничто больше не могло его испортить.

Глава 4

– Сегодня утром шериф города Берлингтон официально выступил с заявлением о том, что Йозеп Эйзель, выходец из Эстонии, разыскивается полицией в связи с нападением на жителей города. По словам полицейских, именно он организовал преступную группировку, орудующую на протяжении нескольких недель в Вермонте, в связи с чем в штате действует чрезвычайное положение. Национальная гвардия уже поймала большинство участников банды, но сам же Йозеп остаётся на свободе. Его положение сейчас неизвестно. Именно поэтому мы призываем всех граждан быть бдительными, поскольку этот человек очень опасен...

Опасен? Опасен! Да, опасен, как никогда. Сейчас Йозеп словно зверь, отчаянно загнанный в клетку, готов наброситься на любого, кто приблизится к нему и вторгнется в личное пространство. Теперь уже нет смысла скрываться за маской Дональда Трампа, теперь его лицо транслируют по телевидению, прерывая кадрами заплаканного лица Айры, которая оправдывается перед репортёрами, что не знала о том, что её братец замышляет в соседней комнате, как по-тихому проверить очередное нападение на обывателя или госслужащего. Всё она знала и прекрасно обо всём догадывалась.

В очередной раз от злости Йозеп сжал пульт в руке, но на этот раз не стал бросать в сторону телевизора, поскольку не сможет заплатить за него владельцу этого дешёвого мотеля. В Алабаме жители не сильно обеспокоены тем, что происходит в Вермонте, именно поэтому здесь он может чувствовать себя более уверенно, но расслабляться всё же было нельзя.

– Да пошли вы все на хер! – негромко выкрикнул он и выключил телевизор.

Они нашли его склад, нашли чёртову сумку, нашли там вещи, нашли всё, что указывало на него. На Йозепа, который всячески старался не раскрыть себя. Однако нельзя не признать тот факт, что со своей работой он справлялся весьма неплохо, учитывая, как ловко им удалось завести полицию в тупик. На протяжении нескольких недель полиция расследовала это дело, в то время как группировка продолжала орудовать и расти, как на дрожжах. И всё это благодаря заслугам святого Отца Джона, без него Йозеп бы не справился со своей обязанностью. И его заслуги будут вознаграждены в высшей мере, в том числе и в другом мире. Сам Всевышний благословит его труды, осталось лишь выполнить последнюю просьбу. Последняя работёнка, ради которой он, собственно, здесь, в Алабаме, в одном из самых религиозных штатов, посетить который собирается сам Джеймс Генри Росс.

Без стука в дверь в комнату вошли двое. Первый был крупный накачанный мужчина, производящий впечатление обычного бодибилдера, одетого в парадный костюм. Второй был худеньким и с лысиной, которая явно бросалась в глаза. Алопеция в сорок лет – не самое приятное для мужчины, но его это, по всей видимости, не слишком заботило. Одет он также был в костюм с чёрным галстуком, и сильно уж контрастировал на фоне первого типа. В руке у лысого мужчины был небольшой свёрнутый пакет.

– Уже освоился? – сразу же решил осведомиться лысый. Он прошёл чуть вперёд и остановился почти что посреди и без того небольшой комнаты, которую он сам же и снял на несколько дней для Йозепа.

– Меня только что объявили в розыск! – нервно проговорил Йозеп, не зная, сесть ему на кровать или остаться стоять перед своими спутниками.

– Мы уже знаем. Поэтому мы и принесли тебе это. – Лысый мужчина бросил в руки Йозепу свёрнутый пакет.

Йозеп развернул пакет и достал из него кепку и чёрные солнцезащитные очки. Очевидно, это должно было послужить маскировкой. Но Йозеп чувствовал Йозеп, что такая маскировка не прокатит.

– Вы, сука, издеваетесь, что ли?

– Это вынужденная мера, – разъяснил лысый, тот, что накачанный всё время молчал и только лишь пристально смотрел на собеседника так, что у Йозепа пересохло в горле. – Наденешь это, как только получишь задание. Лишний раз не высовывайся наружу, оставайся в номере, еду заказывай в номер, алкоголь не употребляй.

– Почему мне нельзя взять бухла? – перебил Йозеп.

– Потому что святой Отец не потерпит, если ты провалишь задание из-за того, что не способен будешь себя контролировать, – пояснил тот. – А ты ведь хочешь искупить свои грехи, верно? Хочешь стать Божьим дитя, тогда выполняй всё, что мы тебе скажем.

– Хорошо, я понял.

– Вот и отлично. Надеюсь, ты не подведёшь. Пока что оставайся здесь, следи за тем, чтоб телефон, который тебе выдали, всегда был на связи и жди дальнейших указаний.

Они покинули номер, оставив Йозепа наедине. Вместо того, чтобы включить телевизор и попробовать отвлечься, он лишь заиклился на своей вере и предался мечтам о том, как произойдёт встреча со святым Отцом. Как он гордо скажет ему, что выполнил все просьбы и готов заслужить прощение и Божью благодать. И встретиться с самим Господом всевышним.

Только бы всё прошло по плану.

* * *

– *О, благодать! Спасён тобой...*

Стены коридора, казалось, начинали сужаться. Джеймс в панике бежал куда глаза глядят. Куда угодно, лишь бы подальше от *него*.

– *Я из пучины бед...*

Отсюда нет выхода. Школа была закрыта для того, чтобы никто посторонний не смог в неё проникнуть. В данном случае двенадцатилетний Джеймс не мог покинуть здание, поскольку не было никого, кто мог бы помочь ему выбраться наружу. Только лишь один человек был здесь, помимо самого Джеймса. И он точно не собирался ему помогать.

– *Был мёртв и чудом стал живой...*

Он здесь, он рядом, он словно внутри этих стен, парт, стульев, шкафов. Он внутри разума, и он медленно захватывает его. Бежать бессмысленно, он всё равно достигнет цель. Он волк, загоняющий свою жертву, и никак не выбраться из этого лабиринта разума.

– *Был слеп, и вижу свет.*

Чем дальше бежал Джеймс, тем глубже погружался в западню, построенную из освещённых стен религиозной католической школы. В конце концов, свет погас, оставив его наедине с давящим чувством страха и безысходности. На глазах наворачивались слёзы, но они только мешали видеть, хоть и разглядеть что-либо в кромешной темноте уже практически не представлялось возможным. Впереди бесконечная череда коридоров, идущих в никуда. Все кабинеты, в которые ломился Джеймс закрыты, идти можно было только вперёд или назад.

Он стоял впереди. Тот, кто пел христианскую песню, тот, от кого веяло опасностью. Одетый в чёрный костюм, лица его не разглядеть, но Джеймс и не желал его видеть. Он стоял молча, ничего не говорил, не двигался. Только пристально смотрел на маленького Джеймса.

Страх окутал помещение, страх заставил Джеймса развернуться и бежать в обратную сторону. Пот подступил со лба к глазам, смешался со слезами, попал на уголки рта. Джеймс ощутил вкус солёного во рту, не останавливаясь, продолжал бежать от священника. Но бежать было бессмысленно. Впереди снова показался он, человек в чёрном одеянии, протягивая руки, подзывая к себе, продолжая напевать песню. Джеймс по инерции врезался в его грудь, оказался в объятиях святого отца. Хищник поглотил свою жертву.

Подушка пропиталась потом. Джеймс вскочил с кровати и упал на пол, пытаясь сообразить в темноте, где он находится. Это не школа явно. Он по-прежнему в номере отеля, куда и въехал этим днём вместе со своей девушкой.

Две минуты он так и валялся на полу в трусах, пытаясь прийти в себя и слушая, как в ванной комнате струится вода. Ханна принимала душ. Вздохнув с облегчением от того, что она не застала его в таком состоянии, он поднялся на ноги, включил свет и уселся на диван, включив телевизор, чтобы отвлечься от дурного сна.

В новостях говорили о том, что Йозеп разыскивается полицией по подозрению в совершении ряда нападений на жителей Берлингтона. Джеймс пригляделся к его фотографии, пытаясь понять, этот ли человек распугал весь персонал и пациентов в психиатрической больнице? Этот ли человек накинулся на него на парковке? К сожалению, однозначно ответить на этот вопрос он не мог, поскольку все члены секты носили маски. Но одно Джеймс понял определённо – расследование подходит к концу. Всех членов культа скоро поймают и в городе вновь воцарится спокойствие, а это значит, что после встречи с Отцом Джоном в Бирмингеме он сможет спокойно вернуться в родной штат и продолжить свою политическую деятельность.

Переключив канал, на котором транслировалась передача с Джоном Уокером, Джеймс представил, как завтра пройдёт с ним встреча. Всю поездку он обдумывал это событие, на котором никак не должен облажаться, если надеется заручиться поддержкой своих избирателей и привлечь в свои ряды новых представителей. Его карьера политика либо взмахнёт вверх, либо с невиданной скоростью может опуститься на дно, и вот тогда уже продвигать свои взгляды относительно религии будет куда сложнее.

Впрочем, в случае провала, время расставит всё на свои места.

Утром следующего дня три автомобиля (два из которых были полицейские) выехали из отеля и направились в сторону городского храма. Джеймс и Ханна, которые находились в одном из них, расположились на заднем сиденье и наслаждались достопримечательностями города. Шериф города Бирмингема предоставил Джеймсу два полицейских патруля на случай, если заранее согласованная встреча пройдёт не столь гладко, как предполагалось, поскольку Отец Джон имеет большое влияние в Алабаме и может с лёгкостью сделать так, что конфликтная ситуация перерастёт в массовые беспорядки. Однако Джон Уокер сам изъявил желание встретиться со своим оппонентом по взглядам и пообещал, что эта встреча пройдёт гладко и запомнится Джеймсу надолго.

Личный водитель Джеймса и Ханны не спеша проезжал по улицам, дав возможность оценить красоты города, оценить обстановку и морально подготовиться к предстоящей встрече. Разумеется, Джеймс волновался и даже несколько раз нервно потёр запотевшие ладони, что было весьма некстати, поскольку ему предстоит рукопожатие с проповедником, а влажные ладони тут же выдадут его беспокойство. Ханна заметила нервозность Джеймса и достала из сумочки пару сухих салфеток, на что Джеймс поблагодарил её и вытер руки.

Мысленно он отрепетировал свою речь, придумал интересующие его вопросы, которые он задаст пастырю, но проблема состояла в том, что предсказать, как и в каком русле пройдёт диалог он не мог. Здесь царство полностью принадлежит Джону, а Джеймс находится в его власти. Это чужая территория, и преимущество в любом случае будет на стороне святого Отца, как бы Джеймс не был подкован. Остаётся только импровизировать по ходу дела.

На горизонте показался большой протестантский храм, огороженный забором и имеющий довольно приличных размеров сад. Все три автомобиля остановились подле калитки, возле главного входа в церковь уже собралась кучка репортёров. Джеймс, как, впрочем, и всегда, выглядел достойно для встречи с пастырем и похода в храм: чёрный костюм с белой рубашкой и красным галстуком всегда остаётся классикой для важных и деловых мероприя-

тий. Ханна тоже была одета подобающе: чёрное платье до колен и чёрные каблуки – скромно, строго и деловито. Джеймс выбрался из машины и подал руку Ханне.

Красота храма действительно производила впечатление. Такую церковь даже Джеймс посещал бы с удовольствием каждую субботу, если бы был верующим. А сад из яблоневых деревьев лишь украшал внешний фасад здания. Насладившись видом храма, они двинулись мимо калитки и направились к дверям здания, минуя наскучивших репортёров. Однако Джеймс прекрасно понимал, что именно от них и от того, как репортёры преподнесут зрителям эту встречу, зависят его рейтинги. Ответив на пару вопросов касательно предстоящей встречи за закрытыми дверями храма, Джеймс и Ханна, не задерживаясь, двинулись дальше.

– Нервничаешь? – подметила она, наблюдая, как у Джеймса начался лёгкий мандраж.

– Немного, – ответил он, пытаясь максимально скрыть внешние проявления страха. В конце концов, он выиграл выборы в городской Совет, сумел завоевать доверие граждан во время дебатов, а это всего-навсего встреча с глубоко верующим человеком. Так убеждал себя Джеймс, поднимаясь по ступенькам.

Посмотрев в глаза Ханне и обратив взор на репортёров, наблюдавших за ними, Джеймс понял, что назад пути нет и смело отворил дверь. Войдя вместе с Ханной в храм, он поначалу решил, что в церкви не было вообще никого. Спустя несколько секунд он все же обнаружил женщину в монашеской рясе, которая, видимо, следила за чистотой храма. Ещё один пастор находился возле алтаря, что располагался в восточной части здания. Но Джеймса интересовали не они, а тот человек, что сидел на скамейке с Библией в руках и направил взгляд в сторону амвоны.

Джон Уокер тихо нащёптывал молитву, устремив взгляд в центр храма, где располагалась роскошная амвона на красном ковре. Именно здесь он больше всего любил читать проповеди, хоть и объездил множество городов, побывал в нескольких десятках различных храмов – именно здесь он чувствовал своё единство со Всевышним.

– Святой Отец, к Вам посетители, – обратилась к нему монахиня, видя, как к Джону приближаются Джеймс и Ханна.

Джон закончил читать молитву, отложил священное Писание в сторону и поднялся со скамьи. Джеймс к этому времени уже приблизился к проповеднику. Вот он, момент истины. Две противоположности, двое совершенно разных взглядов людей, представители противоположных мнений и учений встретились лицом к лицу.

– Святой Отец Джон, – первым заговорил Джеймс, протягивая руку, – рад лично встретиться с Вами.

– Взаимно, мистер Росс, – вежливо ответил тот и пожал руку. – Должен признать, я с нетерпением ждал этой встречи. Для меня большая честь повидаться с Вами.

– Вы ещё не знакомы с моей девушкой? Это Ханна. – Она стояла рядом и, улыбнувшись, скромно подошла поближе и пожала руку Джону.

– Очень приятно познакомиться, Ханна, – услужливо поприветствовал он её.

«Знакомство прошло прекрасно, неплохое начало», – подумал Джеймс. Но самое интересное предстоит впереди.

Ради приличия они ещё несколько минут обменивались любезностями. Джон поинтересовался, как прошла поездка, какое у них сложилось первое впечатление о Бирмингеме, понравился ли им пятизвёздочный отель. Джеймс почтительно ответил на его вопросы. Затем он тактично предложил Отцу Джону пройтись по храму, чтобы поговорить, наконец, на более насущные темы, из-за которых они здесь и собрались. Джон не стал возражать.

– Так значит, эту церковь построили Вы, чтобы здесь читать проповеди прихожанам? – приступил Джеймс. Ханна молча шла рядом с ними и внимательно слушала.

– Всё верно. Каждую субботу я и жители города приходят на паству.

– Но позвольте спросить, как мне простому обывателю не знающему, как устроена вся эта система, понять, что именно Ваша церковь является истиной? Как мне понять и найти истинную церковь, когда вокруг столько много различных религиозных организаций?

– Очень интересный вопрос, – подметил Джон, проходя мимо колонны и приближаясь к алтарю. – Для начала Вам стоит понять, что согласно Библии Церковь – это не какое-то конкретное здание, не какой-то определённый храм, как мы привыкли думать, когда говорим, что сегодня, к примеру, идём в церковь. В Библии церковь означает людей, которые искуплены кровью Иисуса Христа или по-другому – люди, которые служат Богу.

– И как это понимать? – Джеймс сделал вид, что заинтересован. Для него важнее всего было произвести впечатление на человека, искренне желающего понять аспекты христианской религии.

– В послании к римлянам Церковь сравнивается с деревом маслины. Апостол Павел цитирует слова Пророка Иеремии: «Зеленеющего маслиною, красующеюся приятными плодами, именовал тебя Господь». Павел добавляет: «Если же некоторые из ветвей отломались или были отсечены, они обломались неверием». Евреи, которые не хотели принимать веру Иисуса Христа, были отсечены от церкви Божьей. – Они остановились напротив алтаря. Пока Джеймс и Ханна рассматривали его, Джон продолжал. – Послание к Ефесянам вторая глава, стих двенадцать сказано: «Христиане из язычников, которые были без Христа, отсечены от общества Израильского... не имели надежды и были безбожники в мире». Что же говорит Библия о корне и ветвях «Дерева Церкви»? «Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви». В книге Откровений сказано: «Корень есть Иисус Христос».

В какой-то момент Джеймс прослушал несколько слов и потерял нить, которую вёл Отец Джон. Так случилось, что Джеймс никогда осознано не брал в руки Библию (по крайней мере, он этого не припоминал) и всё, что в ней было написано, казалось ему каким-то зашифрованным посланием сумасшедшего человека, какую бы версию перевода с древнегреческого он не пытался прочесть. А потому, цитаты из Библии не открывали для него ясной картины бытия Божьего, и, упустив незначительную деталь из повествования святого Отца, можно было разрушить всю структуру, на которой и зиждилась вся вера. Но он не стал перебивать Джона, дабы не показаться бестактным, а продолжил слушать, пытаясь вникнуть на ходу.

– Ветви дерева – это Патриархи, Пророки и истинные дети божьи из Ветхого Завета. Они были святым народом Божьим. Павел говорит: «Привился на место их, то есть отсечённых, и стал общником корня из сока маслины». – В мыслях у Джеймса только и мелькало: «Какой, к чёрту сок из маслины? Какие ещё ветви? Я ведь задал вполне конкретный вопрос». – Через этот символ Церкви господь нам даёт поучение. «Бог не отверг и не уничтожил Церковь Ветхого Завета. Он отрезал „маслину“, но отрезал только некоторые неверные ветви, которые не приносили плод».

– Отец Джон, – остановил его Джеймс, понимая, что совсем потерял суть разговора. – Я не силён в религиозных учениях, и я не совсем понимаю, к чему Вы ведёте. Может, поясните мне, что всё это значит?

Ханне тоже было интересно услышать вразумительный ответ. Джон лишь улыбнулся, понимая, что в первые же минуты общения ввёл своих новых знакомых в заблуждение. К счастью, святой Отец прекрасно понимал всё, что говорил, поскольку не один десяток лет изучал священное Писание. В местах заключения, где он провёл значительную часть своей жизни, у него было достаточно времени, чтобы основательно изучить Библию от корки до корки. И ориентировался он в ней также легко, как и в детских сказках, которые всем детям читают родители перед сном.

– Я знаю, это трудно воспринимать новичкам. Трудно понять тем, кто не знаком с книгой Евангелие и уж тем более сложно понять, что она нам преподносит. В этом и заключается моя работа – донести до всех истинный смысл священного Писания. Донести до обыч-

ных прихожан, что именно от них хочет Бог. И я помогу и вам в этом разобраться. – Втроём они двинулись дальше, медленно разгуливая по храму. – Вам вряд ли знакомо имя Уильяма Баркли. – Джеймс и Ханна помотали головой. – Он был известным баптистским Богословом. Известен он также тем, что дал свои комментарии к Евангелию. Так вот, Уильям писал следующее: «Христиане унаследовали веру и надежду от Евреев. Господь Иисус говорил, что спасение от Иудеев, так сказано в послании от Иоанна 4:22. Это была вера и надежда Патриархов и Пророков, которые ещё ожидают награду от Господа, так сказано в послании к Евреям в одиннадцатой главе. Маленькие ветви питаются соком, который приходит через корень и через большие ветви. Разумный христианин не отвергнет Писания Ветхого Завета, говоря, что они написаны только для Иудеев. Только неразумная „веточка“ отсечёт себя от „Дерева маслины“ и попытается жить без „Корня“. Христианство – это ветвь, привитая на Дереве Иудейской веры, и они достигнут совершенства только тогда, когда будут тесно связаны с деревом. Тогда эта ветвь расцветёт и принесёт плод».

Они обошли восточную часть здания, обошли северную, прошли мимо амвоны и центральных колон и стали возвращаться туда, откуда и пришли. Ханна всё время переглядывалась с Джеймсом, который так и читал в её глазах просьбу закончить этот бессмысленный разговор, но заканчивать ещё было рано, нужно было дать пастырю возможность высказать всё, что он хочет. Если он желает вновь читать свои проповеди, но уже не большой толпе прихожан, а двум неверующим людям – его воля. Джеймс тоже устал слушать учения, а ведь их встреча только началась, но всячески подавал вид, что ему эта тема столь интересна, что он готов продолжать этот разговор.

– Церковь также сравнивается с живым телом в Библии. И как вы думаете, кто же является главой этой Церкви? – Джеймс и Ханна одновременно подняли брови, делая вид, что они заинтригованы. – В послании к Колоссянам об этом сказано: «И Он, то есть Христос, есть глава тела Церкви...», первый стих, восемнадцатая глава. В первом послании к Коринфянам 12:25: «Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге». Я думаю, вы уже понимаете, какое поучение даёт нам Господь через этот символ.

«Несомненно, понимаем», – субвокализировал Джеймс, и по взгляду Ханны понял, что она подумала также. Они обошли уже всю церковь и остановились возле скамьи. Но присаживаться никто не стал, Отец Джон продолжил свой увлекательный рассказ.

– Хотя мы и отличаемся нашими способностями и положением, которое занимаем в Церкви и в обществе, мы все вместе составляем живое тело Церкви. Каждый человек очень ценен в глазах Божьих. Если хотим знать цену одного человека, тогда нужно взглянуть верой на Голгофу! Иисус был готов умереть даже за самого незначительного человека из этого мира. Мы должны любить, уважать, помогать друг другу, страдать вместе и радоваться вместе.

И вот, казалось бы, Джон подошёл к завершению своего рассказа, Джеймс с радостью в душе готов был предложить покинуть церковь и отправиться дальше в места, которые они заранее запланировали, как Джон вновь стал цитировать Библию:

– «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу! Ибо наступил брак Агнца и жена Его приготовила себя», Откровение 19:7. В Библии Церковь часто сравнивается с невестой. Невеста – символ церкви. Почему именно невеста, спросите вы? Это символ чистоты и невинности. Послание к Ефессянам, глава пятая, стих с двадцать пятого по двадцать седьмой: «... Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё, чтобы освятить её... Чтобы представить её Себе славного Церковью, не имеющего пятна или порока... но дабы она была свята и непорочна». Из этого следует, каково же желание Иисуса относительно Его невесты? Откровение, девятнадцатая глава, стих восьмой Иоанн говорит: «И дано было ей облечься в...»

– Отец Джон, – на этот раз настойчиво остановил его Джеймс. – Мы все прекрасно ценим ваше желание поведать нам истину, но, к сожалению, если мы будем столь сильно углубляться в учение, у нас просто не останется времени, чтобы посетить остальные места.

Джону это не понравилось, было видно по его взгляду. Джеймс почувствовал себя неловко, как и Ханна. Он хотел было сказать что-нибудь, чтобы смягчить своё пренебрежительное отношение к человеку, который всего-навсего решил почитать проповеди, но не смог произнести ни слова. Ему даже стало немного стыдно за то, что за всё время, что Джеймс отучился на медика, проработал в больнице и немного отработал на должности городского советника, он так и не научился самому главному качеству – терпению и уважению своего собеседника. Нет, уважение он испытывал: в конце концов, Джон Уокер одна из самых выдающихся личностей в своей сфере за последние несколько лет, достигшая значительных успехов. И способность выслушать собеседника он тоже приобрёл в ходе своей медицинской деятельности, когда приходилось выслушивать и фильтровать весь тот бред, что порой несли пациенты в психиатрической клинике. Но что сейчас сподвигло его прервать речь святого Отца, он никак не мог понять.

– Не переживайте, мистер Росс, времени у нас предостаточно. Мы успеем посетить запланированные места, но прежде всего я хотел бы Вам поведать одну истину, которую Вы, к сожалению, так упорно не хотите слушать. Но я не злюсь на Вас, нет, ни в коем случае. И мало того, я понимаю Ваше стремление поскорее закончить эту часть встречи, но всё же, я хочу, чтобы Вы кое-что вынесли из нашего разговора. Чтобы Вы, вернувшись домой, вспомнили мои слова, тогда я буду со спокойной душой спать по ночам, что я сделал всё, что от меня зависело, чтобы попытаться донести до Вашего ума, как прекрасно на самом деле жить в единстве с Господом нашим.

– Вы правы, святой Отец, – извинилась Ханна за Джеймса, который не мог вырвать эти слова из своих уст. – Извините за нашу бестактность. Разумеется, мы с радостью слушаем Вас.

«Нет, не с радостью», – промелькнула мысль у Джеймса. В церковь он больше не ступит ни ногой, даже если придётся ради этого пожертвовать своей карьерой. Едва он переступил через себя, чтобы встретиться с Джоном именно здесь. Но когда приезжаешь на встречу в другой штат, где действуют совсем другие правила, приходится мириться с прихотью и встречаться там, где предложил великий пастырь. Да и Джеймс отнёсся к этой новости положительно, ведь репортёры будут довольны, а значит доволен будет и Джеймс.

– Все те, кто от всего сердца любит Иисуса Христа, через веру в него и святую кровь были омыты от всех грехов и были облечены в праведность Иисуса Христа. Через послушание всей истине Божьей верующие сохранили эту святость или белый цвет и достигли совершенства, объединились в истинной любви Иисуса и готовы для брака Агнца. Для этого великого праздника, когда земная семья навеки сольётся с небесной семьёй.

Джеймс подготовил внушительный список вопросов, которые планировал задать святому Отцу, но Джон, словно знал об этом и не хотел давать Джеймсу преимущество в споре, поэтому не давал тому возможности заговорить, а сам продолжал нести свою мысль.

– Нас спасает Христос. Но что значит спасает? – задал Джон риторический вопрос. Джеймс с Ханной вновь переглянулись. – Избавляет от вины греха, силы греха и присутствия греха. Иисус омыл нас, очистил. И мы соблюдаем Заповеди, чтобы сохранить эту чистоту, а нарушая Заповеди, мы снова грешим и этим теряем спасение.

Откуда ни возьмись появилась та самая монахиня, что следила за порядком в храме. Джеймс не заметил, как она прошла мимо него. Джеймс нервно дёрнулся, Ханна, разумеется, это заметила, но ничего не сказала. Монахиня подошла к святому Отцу и что-то прошептала ему на ухо, на что Джон мотнул головой, дав понять, что согласен с ней. Затем она отлучилась по своим делам, а Джон не спеша повёл своих слушателей к выходу, по дороге продолжая свою речь. Тот факт, что они скоро покинут церковь, привела Джеймса в восторг, от того он даже стал внимательно слушать пастыря.

– У Бога одно дерево как в ветхом, так и в новом завете. Мы были привиты над деревом. У Бога одно здание и в основании, и в стенах его апостолы, пророки и Христос. У Бога одно тело, все верующие одно единое целое. У Бога одна невеста – он заберёт её с собой, когда возвратится на землю. – Джон встал, как вкопанный. Джеймс не сразу сообразил, в чём дело. – Я ведь не поведал вам об ещё одном символе Церкви. Совсем забыл. Когда идёт нескончаемый поток мыслей, иногда мне сложно сориентироваться.

– Ничего страшного, – тут же выговорил Джеймс, понимая, что не вытерпит ещё одной истории о том, как Господь сравнивает Церковь со зданием. – Вы и так уже вполне развёрнуто дали ответ на мой вопрос.

Джеймс всего-навсего хотел получить краткий ответ, как найти своё место среди множества различных вероучений, у него и в мыслях не было, что Джон начнёт цитировать половину Библии. И ответа на вопрос Джеймс так и не получил, но уже не горел желанием его знать.

– Вам важно знать для понимания всей истины, что говорит сам Иисус. Из его уст звучат слова: «Как сильно Я люблю тебя, человек. Я пришёл, чтобы вытащить тебя из этого мира греха. Я хочу, чтобы ты был со мною. А ты хочешь быть со Мною?»

Повисло неловкое молчание. Джеймс не знал, обращался ли Джон конкретно к нему и ждал ответа или же просто в очередной раз цитировал Писание. Пристально они смотрели друг другу в глаза, как два диких животных, играющих в игру: кто первый сдастся и отведёт взгляд. Так в диком мире хищники доказывают, кто из них сильнее. Джеймс научился играть в эту игру и не отводил взгляда. Священник не был для него соперником, поскольку они находятся в совершенно разных социальных группах.

– Библия говорит, – продолжил Джон, не отводя пристального взгляда, – «Кто имеет сына, имеет жизнь вечную».

Вновь молчание. Джон, не дождавшись ответа, предложил Джеймсу и Ханне прогуляться по саду, на что те согласились. Схватка взглядом закончилась, победителей не было. Но Джеймс и не собирался играть с проповедником в глупые игры. Здесь он исключительно ради рейтингов.

«Бог любит всех нас», – именно это слышит Джеймс от всех исповедующих. Досадным остаётся тот факт, что Библия содержит около тысячи различных сцен жестокости, насилия, совершаемых самим Богом или же от его имени. Как поведал сам пастырь Джон, Христос признавал Ветхий Завет, Иисус одобряет и Закон и Пророков. А это значит, что у него нет никаких возражений против жестокости Ветхого Завета. Более того, он настаивает, что те законы будут действовать вечно. Разумеется, очевиден тот факт, что Ветхий Завет имеет отношение к христианству и Иисусу.

Пока в Берлингтоне национальная гвардия наводила порядок, Джеймс в ходе подготовки к встрече изучал некоторый материал касательно жестокости Библии. На отдельном листе он выписал некоторые цитаты, и первая из них была взята из Второзакония 13:6—10 и гласила: «Если твои родные призывают тебя поклоняться иным богам... то убей их... побей их камнями до смерти». Джеймсу не терпелось задать вопрос касательно этого момента, но Джон, словно прознал намерения Джеймса и не давал ему даже вставить своё слово.

Выйдя из здания церкви, троица обнаружила, что толпа репортёров сместилась за пределы калитки. Очевидно, монахиня попросила их покинуть территорию храма и как раз доложила об этом святому Отцу. Теперь можно было спокойно прогуляться по яблоневому саду без присутствия навязчивых репортёров.

– Вы спрашивали меня, как же найти истинную церковь Божью, и я дал вам вполне раскрытый ответ. – Джеймс усмехнулся про себя: «Ага, вполне ясный и внятный ответ». – Но знаете ли вы, что же несёт в себе истинная церковь Божья?

– Разумеется, – ответил Джеймс. – Соблюдение Заповедей, регулярное посещение церкви и чтение молитвы каждый день.

– Ваши познания весьма скудны, – заключил Джон. – К счастью, сегодня я поведаю вам, что из себя представляет церковь.

«Время очередных историй». Набрал в грудь побольше воздуха и глубоко вздохнув, он вновь принялся внимать всё, что собирается донести до него Джон. К счастью на этот раз Джеймс не ощущал давящего чувства, которое он ощущал внутри храма. Слегка прохладный ветерок приятно проходил по лицу, а вид сада, гармонично придававший храму некоторое подобие эдема, успокаивал нервы и, быть может, даже исцелял душевные раны.

– В Евангелие от Матфея 16:18 Иисус обращается к Петру: «И Я говорю тебе: ты, Пётр, а на сём камне я создам церковь Мою». Господь ясно говорит, что он создаёт церковь. Прошу вас обратить внимание, что именно церковь, а не церкви, это очень важно! Все члены церкви должны повиноваться только Иисусу. Здесь нужно сделать одно замечание, – Джон убедился, что Джеймс и Ханна внимательно его слушают. – Библия была написана на греческом языке. В переводе с греческого «Петрос» означает камень. Поэтому если дословно перевести то, что было сказано мною ранее, можно сказать так: «и Я говорю тебе: ты – Петрос – камень, и на этой „Петра“ – скале Я создам Церковь Мою». Церковь на скале спасения, на Христе основана. Сам Пётр говорит, что Христос является главным камнем в фундаменте церкви Божьей. В той же главе Матфея сказаны последние слова Иисуса: «Я создам Мою церковь и врата ада, то есть силы Дьявола, не одолеют её». Дьявол искушает нас, чтобы нас погубить. Он не допустит, чтобы церковь была побеждена.

Джеймс с позволения святого Отца оторвал от яблони два яблока и вручил один Ханне. Несмотря на то, что он плотно позавтракал в номере отеля, у него проснулось лёгкое чувство голода. Троица подошла к небольшой беседке, из которой открывался вид на весь райский сад. На мгновение Джеймс даже представил себя и свою девушку в образе Адама и Евы, что вкусили греховный плод. Символично, но ничего удивительного. Абсолютно всех людей тянет к запретному, тут ничего не поделаешь.

– Деяние апостолов, двадцатый стих, двадцать восьмая глава, апостол говорит: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил блюстителями пасти Церковь господа и Бога, которую Он приобрёл Себе кровью Своею».

– Простите, что перебиваю, – проговорил Джеймс, дожёвывая яблоко. – Но я заметил, что у Вас нет в руках Библии. Неужели Вы всё это знаете наизусть, все эти цитаты, что говорите?

– Разумеется, – улыбнулся Джон. – Я много читал и многое смог вынести для себя. Я говорю лишь ключевые фразы, которые позволяют понять смысл. Разумеется, помимо чтения Библии я также увлекаюсь историей. Однажды Павла арестовали и стерегли воины римской армии, он был заключён в темницу. Лука пишет в Деянии 12:5: «Итак, Петра стерегли в темнице. Между тем Церковь прилежно молилась о нём Богу». В I веке нашей эры была одна христианская церковь, но уже тогда Господь предсказал, что с ней что-то случится. И вот тут-то я и отвечу на Ваш вопрос, касательно того, что в мире сейчас множество различных религиозных организаций. Бог через апостола Павла дал предостережение в Деянии в двадцатой главе: «Ибо знаю, что по отшествии моём войдут к вам лютые волки, не щадящие стада. И из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою».

Несколько дней Джеймс провёл у себя дома, чтобы подготовиться к встрече, упорно выискивая материалы, которые его интересуют. Лист, на котором он выписывал цитаты из Библии, был свернут в карман пиджака. Но доставать его при святом Отце он не намеревался, дабы показать свою осведомлённость, он выучил все цитаты наизусть, тем самым давая возможность продемонстрировать свою значимость на этой поездке. В памяти у Джеймса всплыли сцены инцеста, которые описывались в Бытие 19:33—38: «*И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим: а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И напоили отца*

своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала. И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего, и родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доньне. И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми. Он отец Аммонитян доньне». Джеймс с нетерпением ждал, когда ему представится возможность узнать мнение Джона на этот счёт.

– Кого Бог имеет в виду под словами лютые волки? – продолжал Джон. – Людей, желающих разрушить церковь. А кто будут те люди, которые восстанут? Это те, которые будут учить не как учил Иисус Христос. Они будут создавать другие церкви. Это не был план Божий, это было предупреждение, что Дьявол сумеет это сделать. Мы имеем очень ясное предостережение. Из среды христиан поднимутся люди, которые будут учить превратное и увлекут учеников за собою. Это был план Дьявола, чтобы в Церкви возникли разделения и образовалось много церковных организаций. Но смеют ли лидеры этих организаций проповедовать свои учения? Только Иисус пролил кровь, церковь – те, кто омыты этой кровью. Никто не смеет брать на себя ответственность, которая ему не принадлежит.

Они двинулись дальше в сторону небольшого импровизированного водоёма, что располагался на обратной стороне церкви. Здесь можно было часами сидеть на скамейке и спокойно наслаждаться природой, читая книгу и попивая чашечку кофе, поскольку даже шум машин здесь не был слышен. Настолько прекрасен был этот сад.

– Во втором послании к Фессалоникийцам во второй главе, третьем стихе говорится: «Да не обольстит вас никто никак, ибо день тот не придёт, доколе не придёт прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели». Когда Иисус вознёсся на небо, христиане верили, что он очень скоро возвратится. Павел тогда предупреждал, Иисус не возвратится, не наступит в ближайшее время второе пришествие, поскольку нас ещё ожидает печальная часть истории. Будет отступление в церкви Иисуса. Отступление от веры, от чистого учения и откроется человек греха и сын погибели. Много верующих в Иисуса раскидало по разным организациям в самых разных частях света. И Бог также говорит относительно них: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести. И они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь», – Иоанн 10:16.

– У меня назрел такой вопрос, – вклинился Джеймс, – как эти люди должны слышать голос Господа?

– Хорошо, что Вы поинтересовались. Ответ очень прост – Библия может в этом помочь. Открывая Библию, мы слышим голос Божий. В Библии есть ответы на все вопросы, именно она и есть прямое доказательство существования Господа.

Такой ответ, разумеется, не устраивал Джеймса. Человек науки, ищущий доказательства существования Бога не должен опираться на книгу, написанную несколько тысяч лет и переписанную множество раз. Объективных доказательств существования Всевышнего нет. Субъективные – есть – это священное Писание.

– Боюсь, что тут я с Вами не соглашусь. Вера в Бога – слепая догматическая вера без какой-либо критики, критического отношения к самому факту существования.

– У Вас своё мнение на этот счёт, у меня же своё. Многие верующие порой задаются этим же вопросом и ищут ответы на них.

– Меня всегда интересовало это, – радостно проговорил Джеймс, ожидая именно такой ответ от пастыря. – Зачем теологи занимаются доказательством бытия Божьего? – Джон с непониманием смотрел на своего собеседника, у Джеймса же внутри всё забурлило от того, что ему удалось поставить своего оппонента по мышлению в тупик. – Если человек верит в Бога – ему не нужны доказательства. Теологи словно пытаются достроить обоснование Бога, как бы за Бога. Как-будто Богу не хватает обоснования в виде веры в Него.

Джеймс не мог не радоваться тому, что стал перетягивать канат в свою сторону. Ханна тоже в душе была этому рада, Отцу Джону не помешало бы прерваться на мгновение от своих рассказов и поговорить на более насущные темы.

– Так устроен человек, он хочет найти ответы на вопросы и в этом я не вижу ничего необычного, – кратко ответил Джон. К сожалению Джеймса, на этом их спор закончился, и Джон вновь вернулся к цитированию и донесению до своих слушателей Библии. – Из всего мною сказанного в сознании верующих должна остаться истина, что во всём мире должна остаться лишь одна организация, которая признаёт Иисуса Христа. У вас, как и меня, вполне логично возникает вопрос, как же характеризует Библия истинную Церковь последнего времени? – «Несомненно, именно это меня и интересует больше всего», – подумал Джеймс, молясь, чтобы этот вопрос не перерос в очередной получасовой монолог. – В Откровении 14:6 говорится: «И увидел я другого Ангела, летящего посреди неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени, и колену, и языку, и народу». Матфей 28:30: «Идите научите все народы... Учи их соблюдать всё, что Я повелел Вам...» Господь ожидает, что Церковь должна проповедовать во всём мире.

Втроём они направились дальше, минуя водоём, в обход церкви к калитке. Репортёры уже с нетерпением ждали возможности пообщаться как с Джеймсом, так и с самим Отцом Джоном. Что же, у них, как теперь надеялся Джеймс, если Библейские учения не затянутся ещё на очередной круг вокруг храма, скоро представится эта возможность. А пока он довольствовался тем, что, по всей вероятности, прогулка по садам храма подходила к концу.

– В Откровении в двадцать второй главе, в восемнадцатом и девятнадцатом стихе написано: «Если кто приложит к словам пророчества сего, на того нагонит Бог язвы, написанные в книге сей». Как вы уже могли догадаться, если кто-то что-то добавит к учению Иисуса Христа, таковые будут наказаны. «Если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у него Бог отнимет участие в книге жизни», то есть в спасении. Бог строго-настроено запрещает добавлять и отнимать что-то из священного Писания. Никто не может быть мудрее Бога нашего.

Следующие несколько посланий от Бога, переданные через пророков, изложенные в Библии и прозвучавшие из уст святого Отца Джона Джеймс пропустил мимо ушей. Ханна тоже перестала вникать в суть разговора, но делала вид, что внимательно слушает каждое слово.

Откровение 14:12: «Здесь терпение святых, соблюдающие Заповеди Божьи и веру в Иисуса».

Иаков 2:10: «Кто соблюдает весь Закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всём».

Послание к Ефесянам 2:20: «Бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем».

Иоанн 5:39: «Исследуйте Писания (Ветхий Завет). Они обо Мне свидетельствуют».

Иоанн 17:21: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...»

– Что же ещё должна истинная Церковь провозглашать в этом мире? – продолжал пастырь, делая вид, что не замечает, как его послушники уже давно мечтают о своём, думают на отдалённые темы и витают в облаках. В этом, собственно, и заключался его замысел: не давать оппоненту одержать над ним верх. Один раз он уже позволил Джеймсу вступить в небольшой спор, теперь же он постарается не допустить этого вновь. – «И говорил он, то есть ангел, громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море, и источники вод». Какой же призыв делает Господь всем тем, кто ещё не в истинной Церкви? Об этом говорится в Откровении, восемнадцатой главе, четвёртом стихе: «И услышал я иной голос с неба, говорящий: Выйди от неё народ Мой, чтобы не участвовать в грехах её и не подвергнуться язвам её», то есть наказанию.

Мольбы Джеймса (скорее, желания, поскольку молиться он не умел) были услышаны, и они всё же добрались до калитки, за которой уже вооружившись камерами и микрофонами их дожидались репортёры. Но перед тем, как отворить калитку, Джон аккуратно схватил Джеймса за предплечье и обратился лично к нему.

– Я знаю, что слегка утомил вас своими проповедями, но я хочу, чтобы вы вынесли один важный урок из всего, что я вам поведал. Я – Агнец Божий, и сейчас я обращаюсь от Его имени. Скажи мне, Джеймс, ты веришь в Меня? – Он снова пристально стал смотреть в глаза, но на этот раз это не было игрой кто кого пересмотрит. В этот раз он залез глубоко внутрь Джеймса и, словно, вывернул наружу всю его сущность. Там внутри его души не было ничего, лишь сплошная пустота. Не было веры, без которой невозможно было спасение. Потерянная душа, которая так и не нашла своё место в этом и без того греховном мире.

– Да, – невольно проговорил Джеймс.

Ханна изумлённо вытаращила глаза. Это было неожиданно настолько, что репортёры тут же смолкли, не произнося ни звука. Некоторые протянули микрофоны через калитку, чтобы отчётливо записать их разговор. Джеймс же словно вошёл в состоянии транса и не отдавал себе отчёт в том, что только что произнёс. Он вообще не мог понять, как такие слова могли вырваться из его уст, человека, который приехал сюда, чтобы раскритиковать веру ради рейтингов и славы. Только спустя несколько секунд он понял, что этот диалог транслировался в прямом эфире в новостной ленте на одном из крупнейших сайтов Америки.

– Это хорошо, – продолжал Джон, не отпуская руку Джеймса, который стал чувствовать себя неловко, но не мог просто так одёрнуть её. – Но это не всё. Потому что и Дьявол верит, а эта вера не меняет ничего в поведении в жизни Дьявола. Если веришь, Я хочу, чтобы ты был со Мной. В Моей церкви. Слышал Мой голос. Чтоб Я мог и тебя одеть в белую одежду.

Он отпустил руку Джеймса, и тот ещё простоял какое-то время в оцепенении. Ханна не знала, как на это реагировать, поэтому не сказала ни слова. Джон же только улыбнулся, предвкушая вкус победы над неверующим атеистом, который неожиданно для всех уверовал истину.

– Ну что же, теперь я предлагаю всем нам посетить несколько мест в Бирмингеме и начать я предлагаю с больницы. Вы согласны со мной? – обратился он к Джеймсу и Ханне.

– Отличная идея, – с энтузиазмом проговорил Джеймс, оправившись после небольшого потрясения. – Не будем задерживаться, впереди много дел.

Репортёры тут же кинулись задавать вопросы, не успели ещё Джеймс и Джон выйти за территорию храма. Джеймс не знал, что им сказать, поскольку осознал, что сильно облажался на первой же встрече. Он должен был поставить Отца Джона на место, доказать ему, что роль священника только одна: она нужна, чтобы управлять системой, верой в религию, руководствуясь теми социальными принципами человеческих отношений, которые без участия священника не будут соблюдаться. Именно для этого и нужна паства, люди не способны сами соблюдать все законы, которые пропагандируются в священном Писании, ведь для них не нужна вера в Бога, и только прикрываясь верой они будут соблюдены. Именно эту мысль хотел донести до Джона Джеймс, но так и не нашёл возможности поговорить на эту тему, вместо этого он выслушал целую лекцию касательно того, как Господь раскрывает идею Церкви Божьей.

Джеймс хотел было быстро сесть в машину и отгородиться от репортёров, но они буквально встали у него на пути.

– Скажите, мистер Росс, как, по Вашему мнению, прошла эта встреча?

– Должен признать, это встреча произвела на меня большое впечатление. То, что мне сегодня рассказал святой Отец, во многом позволило мне пересмотреть некоторые вещи на счёт религии. – Разумеется, Джеймс остался также при своём мнении, что религия – это зло, от которого нужно избавиться как можно скорее. Но произнёс он ровным счётом то, что

от него ждала публика. – Это была очень познавательная встреча, лишний раз я убедился, что знание Библии – это большой дар, и Библию нужно знать, хотя бы для общего саморазвития.

– Только что Вы сказали Отцу Джону, что уверовали в Бога. Можете нам пояснить на этот счёт? – не унималась репортёр с местного канала.

– Я и вправду так сказал? – насмешливо произнёс Джеймс, демонстративно хихикнув. – Разумеется, Отец Джон знает своё дело, и у него неплохо получается находить подходы к разным группам людей. Я по-прежнему остаюсь при своём мнении, но смею заверить, что с удовольствием готов продолжить наш разговор, но уже в больнице «Святого Джона», куда мы сейчас собственно и направляемся.

Джеймс сделал вид, что время поджимает, а впереди ещё несколько мест, которые им предстоит посетить до того, как солнце скроется за горизонтом. Часть репортёров брала интервью у Джона, который также с радостью (а может и нет) делился своими впечатлениями. Те, кто брал интервью у Джеймса, переметнулись к Джону, в то время как Джеймс с Ханной уселись на заднее сиденье предоставленного им автомобиля.

– Разумеется, я рад был познакомиться с такими приятными людьми и уверяю вас, что наша встреча прошла исключительно в дружественном формате, – давал Джон интервью. – Джеймс политик, мы с ним очень похожи: мы оба работаем с социумом, проповедуем свои идеи. И я очень рад, что мне довелось пообщаться с такой разносторонней личностью.

Весь этот лицемерный спектакль никто из репортёров так и не раскусил. Только лишь Джеймс с Ханной и Джон понимали, что всё сказанное ими – сплошная фальшь. Каждый из них преследовал свои корыстные цели, но никто не должен был о них узнать. По крайней мере раньше времени.

Джеймс откинул голову на сиденье. Водитель дожидался, когда Джон закончит давать интервью и поедет на своей машине в больницу, чтобы последовать за ним. Самое время было обдумать свои дальнейшие действия. Первый раунд Джеймсом был проигран, но это лишь первый раунд, впереди ещё представится возможность донести своё мнение на счёт религиозных нравоучений. К тому же, вспомнив, что у него в кармане пиджака свёрток бумаги с выписанными цитатами из Библии, он понял, что преимущество всё же за ним.

Достав бумагу, он прочитал, чтобы освежить в памяти Евангелие от Матфея, 10:34—38: *«Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берёт креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».*

– Надо же, не ожидала, что так быстро... – сказала Ханна, листая новостную ленту на своём смартфоне.

– Что там?

– Твои рейтинги. Они поднялись на три очка. Похоже, людям нравится, что ты делаешь.

– Это странно, учитывая, что представлял я эту встречу весьма иначе.

– Нет, ты не понял. Людям нравится, что ты положительно отозвался о святом Отце. В интернете уже всюю обсуждают ролик, где ты говоришь, что веришь в Бога. Им нравится, что ты с уважением отнёсся к религии, а не стал высказывать свои политические речи относительно правильности запрета религиозной пропаганды в Берлингтоне.

– Да уж, мне нечего добавить. И кстати, я не верю в Бога, – тут же заверил её Джеймс.

– Но сказал ты совсем другое.

Их разговор прервал стук в окно. Джеймс приоткрыл его, Джон закончил с репортёрами и подошёл, чтобы уточнить некоторые вопросы, которые у него назрели, когда они вышли из церкви.

– Перед тем, как мы поедem в больницу, я хотел у Вас поинтересоваться. – Джеймс сделал умный взгляд, Джон продолжил. – Почему Вас сопровождают столько полицейских? Неужели Вы и наш шериф думаете, что я могу представлять для Вас угрозу?

– Это ради нашей безопасности, – объяснил Джеймс. – Чужой штат, я здесь не слишком желанный гость, сами понимаете.

– Поверьте, мне и в мыслях не приходило кому-либо навредить. И уж тем более Вам, хоть я и понимаю, что Вы ярый приверженец атеизма, но я также уважаю Ваше мнение.

– Меры предосторожности, приходится их соблюдать.

Джеймс натянул улыбку. Ему не терпелось уже поскорее двинуться дальше. Рейтинги поднялись, а значит, в какой-то мере встреча всё же прошла успешно. Если так пойдёт и дальше, его ждёт большой успех.

– Мы с Вами отлично проведём этот день, не так ли, мистер Росс? – Джон тоже улыбнулся в ответ.

– Посмотрим. Всё зависит от Вас, – резюмировал Джеймс и после того, как Джон отошёл от машины, закрыл окно.

Машина, наконец, тронулась с места. Между тем, Джеймс продолжал просматривать свой список, вместо того, чтобы наблюдать за улицами города. Бытие 19:6—8: *«Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь, и сказал: братья мои, не делайте зла; вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучшие я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно...»*

Больница располагалась в паре миль от церкви и была названа в честь того, кто спонсировал строительство: Отец Джон. По большому счёту это было странно для Джеймса, поскольку он никогда не понимал того факта, что верующие не отказываются от услуг современной медицины, а ведь медицина – это прежде всего наука. Наука, которая спасает жизни, а не даёт ложные надежды на спасение молитвами и верой.

Пока водитель парковал машину, Джеймс успел ещё прочитать Моисея, Числа 31:17—18: *«Итак, убейте всех детей мужеского пола, и всех женицин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя».*

Машина притормозила, они приехали. Больница располагалась в несколько этажей, по площади она также была внушительных размеров. Поверить в то, что она была построена на деньги общины, Джеймс мог с трудом. Выходя из машины, подавая руку Ханне, он про себя проговорил Второзаконие 23:1: *«У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество господне».*

Отец Джон был навеселе, у Джеймса даже промелькнула мысль, не выпил ли он стаканчик крепкого, пока добирался до больницы. Сославшись на то, что это у Джона от чувства превосходства, Джеймс с Ханной направились за ним ко входу.

Внутри больница выглядела великолепно, Джеймс за всё своё время обучения в медицинской школе и в резидентуре не видел таких больниц. Первое, что бросалось в глаза – это чистота помещения. Разумеется, в больницах должно всегда быть чисто, несмотря на то, что каждый день по ней проходит большой поток людей. Второе, что бросалось в глаза – это внутренняя отделка помещения. Складывалось впечатление, что человек попал в высокотехнологичный научно-исследовательский институт, который, не жалея средств, спонсируется государством. Опять в его мыслях промелькнуло то, что на деньги прихожан в церкви всё это не могло быть построено. Определённо бюджет для больницы поступал с других источников. В-третьих, удивление Джеймса вызвало то, что нигде не было очередей, несмотря на то, что в полдень в будний день всегда огромное количество посетителей.

Джон провёл гостей (помимо Джеймса и Ханны были ещё несколько человек, как полагал Джеймс, помощники Отца Джона) мимо стойки регистрации, рассказывая о достоинствах своей больницы.

Больница «Святого Джона» – это первоклассный высокотехнологичный и высокоспециализированный медицинский центр, который включает в себя как амбулаторий, так оказывает и стационарную помощь населению Бирмингема. В состав больницы входят различные отделения, в числе которых есть как детские, так и взрослые. Также немаловажным является то, что больница может предоставить широкий набор по диагностике заболеваний: лаборатории, кабинеты рентген-диагностики и УЗИ, эндоскопические исследования и многие другие методы. Лишний раз Джон подчеркнул, что все аппараты для исследований последнего поколения, что, несомненно, даёт гарантию более качественной диагностики. Больница предоставляла как бесплатную помощь, так и платные услуги.

Задержавшись возле регистрационной стойки, Джон заверил, что в настоящий момент она утратила свою значимость, поскольку все направления, вся документация хранится в электронном виде. Сейчас нет никаких проблем записаться на приём через информационную систему на сайте больницы, однако не все люди, а именно – пожилого возраста, способны это сделать. Для них более привычно обратиться в стойку регистрации.

Далее Джон повёл своих гостей на второй этаж в эндокринологическое отделение, рассказывая, как устроена больница, какой в ней режим, какое оснащение. Джеймс поражался увиденному, но не подавал этого чувства, поскольку так и не мог просчитать в уме, откуда у больницы столько средств. На этот вопрос Джон заверил, что в Бирмингеме у него множество религиозных последователей, среди них есть и богатые и бедные. За счёт пожертвований прихожан он смог правильно вложить средства и, что самое главное, правильно перераспределить их так, чтобы обустроить больницу и превратить её в первоклассный стационар. Разумеется, деньги поступали и от других источников, в том числе и от государства, но в гораздо меньших количествах. Сам же Джон убеждённо говорил, что себе в карман не положил ни цента. Оглядевшись вокруг, Ханна и Джеймс даже не стали сомневаться в этом.

Проблему очередей удалось решить правильным перераспределением потока прихожан и благодаря электронной записи на приём к врачу, а также хорошей медицинской подготовкой специалистов и быстрой, а самое главное, качественной работой медицинского персонала.

Они прошли по нескольким отделениям, включая эндокринологическое, неврологическое, пульмонологическое и нефрологическое. И в каждом отделении было всё, что нужно: весь набор расходного материала, удобные кровати, приятного вида палаты, нигде не чувствовалась экономия средств.

– Вы привыкли видеть верующих прихожан, как людей, которые безрассудно проводят время за чтением молитвы. А между тем эти люди, сплотившись вместе, смогли обустроить эту больницу так, что может позавидовать любая другая медицинская организация, – обрадовался к ним Джон, проводя экскурсию по отделениям. – Разумеется, наша община не отказывается от современных медицинских технологий, и нет ничего зазорного в том, что современные верующие пользуются благами достижения науки.

Затем они двинулись в педиатрическое отделение, где лежали дети с бронхиальной астмой или другими аллергическими заболеваниями. Дети и их родители внимательно наблюдали за гостями, Джеймс улыбался им в ответ. На стенах возле каждого диагностического кабинета помимо номеров висели рисунки различных зверюшек – так детям было проще ориентироваться, в какой кабинет им нужно идти. Столь незначительное усовершенствование во многом упрощало жизнь маленьких пациентов в больнице.

– Это всё замечательно, что дети могут получить хорошую и своевременную медицинскую помощь, – согласился Джеймс. – Но у меня назрел вопрос и Вы, как глубоко верующий человек, можете на него ответить. Если Бог действительно есть и, как Вы утверждаете, нас всех любит, то как же он допускает такое, что страдают невинные дети? Почему в мире так много зла?

Джон замедлил шаг. Все присутствующие, в том числе и дети, столпились вокруг него, чтобы послушать, что скажет святой Отец.

– Было время, когда Бог общался с человеком напрямую, лицом к лицу. Но настал момент, когда человек бежал от Бога. Адам и Ева ослушались Его, и когда явился Бог, они бежали от него. Как вы уже подметили, Бог милостивый, у него особый план на каждого из нас.

Они остановились в игровой детской комнате. Дети расселись по мягким креслам и миниатюрным стульчикам. В игровую также подросли некоторые врачи, медсёстры и санитары, а также несколько репортёров, которые снимали всё на камеру. Вот он, триумф, когда Джеймс имел возможность задать Отцу Джону всё, что собирался. Если только Джон опять не решит пересказывать свою любимую книгу.

– Согласно Библии, – начал он, Джеймс неосознанно закатил глаза, – есть одна война, которая началась на небе у Божьего престола. Наш Бог-творец создал всё очень хорошо, не было никакого недостатка ни на земле, ни на небе. Поэтому Бог не несёт ответственность за то, что в мире так много зла.

Джеймс вот-вот хотел было возразить, что это идеальная отмазка для всего беззакония, что творится во всём мире. Просто потому что это не ответ, а пустая болтовня, которая не несёт в себе никакого смысла. Но ему не позволили это сделать, поскольку стоило лишь Джеймсу открыть рот, как Джон тут же продолжил:

– Пророк Иезекииль, двадцать восьмая глава, пятнадцатый стих: «Ты был помазанным Херувимом, чтобы осенять. И Я, (то есть Бог), поставил тебя на то... Ты совершенен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония». Речь, разумеется идёт об ангеле, которого мы привыкли называть Люцифером. Настал день, когда в этом ангеле появилось зло, беззаконие. Библия говорит о беззаконии так: «Ибо тайна беззакония уже в действии». Почему же тайна? Потому что невозможно объяснить, почему появилось зло.

И опять же, теперь уже прямым текстом Отец Джон говорит, что в Библии нет ответа на этот вопрос, но Джон всё продолжал, не давая вставить слово Джеймсу:

– Исаия 14:14 об этом ангеле пишет: «Взойду на высоты облачные и буду подобен Всевышнему». Ангел начал проявлять возмущение и недовольство. Откровение, двенадцатая глава, стих седьмой: «И произошла на небе война». Кто с кем воевал, спросите вы? – обратился он ко всем. Дети, на удивление Джеймса, также с интересом слушали Джона. – Михаил, что означает подобный Богу, и Иисус воевали против Люцифера и его ангелов. Но чтоб вы понимали, это не была война в прямом значении этого слова, как мы привыкли понимать. Это была идейная война. Бог и истина с одной стороны, и Люцифер и обман, ложь, с другой стороны. Так впервые и возникло столкновение между истиной и заблуждением.

Как бы ни пытался понять Джеймс, он не верил, что люди действительно слушают проповедника с интересом, всё происходящее ему казалось очередной игрой. Вполне возможно, что Джон до приезда сюда подговорил всех этих людей, чтобы они создали видимость заинтересованной толпы. И Джеймсу ничего больше не приходилось, как молча наблюдать за ним, хоть в душе его скребли кошки от того, что Джон снова не даёт ему возможности выговориться. Однако поразмыслив, он пришёл всё же к выводу, что это тоже может сыграть ему на руку, поэтому решил не предпринимать попыток высказать своё мнение, а просто присоединиться к толпе слушателей и стал вникать в то, что говорил пастырь.

– Люцифер оставил место, где он должен был служить Богу и пошёл среди ангелов. И стал распространять недовольство и поднимать их против Бога. Он обманывал их, твердил, что Бог – диктатор, который ограничил их и не даёт полную свободу. Из его уст звучали слова: «Если бы я был вместо Бога, вы бы были более счастливыми. Я дал бы вам полную свободу». Некоторые ангелы прислушались и встали на его сторону. Так началась эта война. Библия пишет, – продолжил Джон после короткой паузы, – «Не устояли они в этой войне. И поскольку проиграли битву, место им на небе больше не нашлось». В Откровении написано, что был

низвержен этот великий дракон или дьявол, обманщик. И естественно в присутствии святого Бога, чистого Бога, Бога истины, ложь не могла существовать. И они были изгнаны от Божьего присутствия. Послание к Ефессянам, вторая глава, второй стих написано, что «Он – князь, господствующий в воздухе». Бог не определил для дьявола никакого места. Он был изгнан и был оставлен в пространстве. В воздухе. Павел пишет, что «наша брань против духов злобы поднебесных».

– Если дьявол так коварен и опасен, почему же Бог не уничтожил его сразу? – Джеймс решил не отмалчиваться в стороне. Вопрос никак не смутил святого Отца.

– Бог решил дать ему время, чтобы Дьявол доказал, что он в самом деле может сделать что-то лучшее.

«Очередной расплывчатый ответ, – усмехнулся про себя Джеймс, – даже я бы придумал что-нибудь оригинальное».

– И каким же образом грех и зло стали развиваться на нашей земле?

– «И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: только плодов дерева посреди рая, сказал Бог, не ешьте их... чтобы вам не умереть», – Бытие три, стих с первого по третий. Тогда Сатана добавил: «Нет, не умрёте. Бог только вас напугал, потому что он боится одного. Знает Бог, что в день, в который вы вкусите от этих плодов, у вас откроются глаза, вы будете как боги, знающие добро и зло».

– Что же получается, всё это из-за какого-то там плода? Из-за этого мы теперь все рождаемся грешниками? Из-за того, что Ева откусила кусочек запретного плода с дерева?

– Не в плоде была вся причина, – пояснил Джон. – Господь ясно сказал – не есть его. Дьявол сказал – кушайте. Зло как грех или болезнь перешло к Еве и Адаму. В послании к Римлянам в пятой главе Бог пишет: «Как одним человеком грех вошёл в мир, потому что в нём, то есть в Адаме, все согрешили. И непослушанием этого одного человека сделались многие грешными». Все последующие дети были грешными и лишены славы Божьей. Иеремия 2:13: «Меня, говорит Бог, источник воды живой оставили, высекли себе водоёмы разбитые, которые не могут держать воды». Человек жив только по причине, что Бог поддерживал его жизнь. Адам и Ева должны были погибнуть, так как оторвались от источника жизни. Они остались как лампа без света. Но Господь проявил особую милость и поддержал их жизнь и дальше. Таким путём дьявол стал хозяином земли.

– И чем же занимаются дьявол и его павшие ангелы на Земле?

– Апостол Пётр в послании к Ефессянам: «Вы жили в грехах по воли князя, действующего в сынах противления». Дьявол постоянно занят тем, чтобы мы сопротивлялись Богу, чтобы мы не слушали Бога. Он побуждает нас не повиноваться Богу. «Неверующим, у которых Бог века сего ослепил умы, чтобы не воссиял им свет благовествования...» Книга Иова в первых двух главах открывает работу Дьявола. «Огонь с неба упал, это очень лукаво...» Стало быть, Дьявол – автор всех несчастий и страданий. И Бог намерен положить конец этому злу. Зло в нас самих, запомните эту истину, мистер Росс. – Джеймс не стал возражать, поскольку это он и так прекрасно знал. – Много лет длится эта война, и по Библии мы уже подходим к концу этой войны.

– Довольно удручающие слова. Есть у нас хоть какая-то надежда на спасение?

Джеймс заметил, что дети тоже были напуганы, некоторые медсёстры сложили руки на груди, словно читая про себя молитву. «Да уж, Отец умеет нагнать страх». Собственно, в этом и заключается смысл паствы: вселить в народ ужас от неминуемого конца, но дать ему надежду на то, что спасение всё же можно получить и избежать ужасной участи Сатаны.

– «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её, оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятю», – Бытие 3:15. Когда Дьявол приходит и предлагает зло, Бог посылает духа святого, и дух начинает враждовать с Дьяволом. Но Бог обещал; настанет день и семья жены, который есть Иисус Христос,

раздробит голову Змея. И когда это случилось на Голгофе, когда Христос воскликнул: «Свершилось», было объявлено, что Дьявол будет уничтожен, он не останется больше руководителем, князем этой земли. Это истина и обетование в словах. Иоанн пишет: «Для сего и явился сын Божий, чтобы разрушить дела Дьявола». Пророк Исаия 44:10: «Не бойся, он имеет в виду врага, – пояснил Отец Джон, – ибо Я – с тобою; не смущайся, ибо Я – Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей». Бог хочет быть с нами, только когда мы хотим быть с ним. Через апостола Господь говорит: «Покоритесь Богу тогда», то есть повинуйтесь, слушайте Бога и сопротивляйтесь врагу Дьяволу, и он убежит от нас, потому что Дьявол боится Бога, так как проиграл войну на небе и на Голгофе.

– Прекрасные слова, святой Отец, – похвалила его врач. Джеймс же не нашёл в его словах ничего необычного, точно также и он мог прочитать цитаты из Библии и рассказать детям. Очевидно, что жители Алабамы почитали его и готовы были делать всё, что говорит им Джон Уокер.

– Что же мы должны делать? – обратился он к слушателям? – Покориться Богу, – ответил он за всех. – Пусть Господь благословит каждого из нас, – он посмотрел на Джеймса. – Прямо сейчас и здесь идёт война, внутри меня и внутри вас. И каждый из вас должен задать себе вопрос: кто должен победить в моей личной жизни? Дьявол или Бог? Это зависит только от нашего выбора. Так давайте же встанем и помолимся нашему Господу.

Все те, кто сидели на скамейках и на креслах поднялись, чтобы вместе со святым Отцом прочитать молитву. Джеймс тоже склонил голову и сложил руки, только для того, чтобы это засняли на камеру.

– Отче наш, любящий Бог, – начал молитву Джон. – Мы благодарим за эту истину. Часто мы задаём вопрос: почему столько слёз, горя, страданий, болезни и смерти на Земле? И сегодня мы узнали, что это дело рук Дьявола, врага нашего. Но слава тебе, Господи, что ты на Голгофе, на кресте одержал вторую победу над ним. И сегодня мы имеем полную гарантию, что можешь и нас защитить и освободить от этого Дьявола. Поэтому мы поднялись, мы не хотим быть на его стороне, если мы ошибаемся – открой нам глаза, чтобы мы видели, каким путём идти, что нам нужно делать, чтобы покориться Тебе, чтобы слушать Тебя, как Отца любящего, стать на Твоей стороне и с Тобою одержать полную победу, пока Ты возвратишь нас снова в дом, откуда Дьявол украл. По этой причине мы славим Тебя, мы поклоняемся Тебе и желаем, чтобы Ты был нашей охраной, когда мы уйдём отсюда, и услышь нашу молитву во имя Иисуса. Аминь.

– Аминь! – хором проговорили почти все присутствующие, в том числе и дети. Джеймс, разумеется, промолчал.

На этом осмотр больницы подошёл к концу. Репортёры в очередной раз начали задавать вопросы. Джеймс не стал вдаваться в подробности, поделившись лишь общим впечатлением, которое на него произвела больница «Святого Джона». Несомненно, это была одна из лучших больниц, которую довелось повидать Джеймсу, но это в очередной раз не доказывало того, что вера должна быть главной и неотъемлемой частью жизни каждого жителя Соединённых Штатов Америки.

По дороге к выходу, Джеймс всё же планировал поговорить со святым Отцом тет-а-тет, но Джона окружили репортёры, врачи и другие люди, которые не отставали от него ни на шаг. К Джеймсу тоже приставали репортёры, но он тактично отказывался с ними беседовать, заявляя, что только лишь в конце дня подведёт итог всей встречи. Однако сделать пару фотографий напротив главного корпуса больницы вместе с Отцом Джоном он всё же согласился.

Следующее место назначения была протестантская школа, построенная, разумеется, Отцом Джоном. Это одна из немногочисленных религиозных протестантских школ на территории США. Джон восхвалял её и неспроста выбрал её для демонстрации своему приезшему гостю, поскольку очень гордился тем, что жители этого города уже с самого детства могут изучать основы религии. Джеймс же был категорически против навязывания детям каких-либо

религиозных доктрин и придерживался мнения того, что человек сам в сознательном возрасте должен прийти к заключению, нужна ему вера или нет.

Добрались они до школы быстро. Джеймс на этот раз всю поездку задумчиво просидел в салоне, наблюдая за жителями Бирмингема в окне, пока Ханна вновь читала новостную ленту в интернете.

Школа выглядела весьма обычно, впрочем, Джеймс и не ожидал увидеть нечто столь невообразимое от учебного заведения, как это было с больницей, которая оправдала все его ожидания. Но одно дело больница, где людям оказывают должную медицинскую помощь, другое дело – религиозная школа, где уже с раннего возраста навязывают детям религиозные наставления. Дети – это пластилин, из которого можно лепить всё, что угодно, пока они не достигнут сознательного возраста. И от того, что учителя, родители, окружающие ребёнка слепят из него, определит его поведение и мировосприятие во взрослой жизни.

В то время, как они зашли в корпус, в школе была перемена. Дети в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет с интересом наблюдали за ними. Джеймс почему-то смутно помнил своё обучение в средней школе, поэтому его никак не пробило на ностальгию, в отличие от Ханны, которая всегда в школе была прилежной ученицей и любимицей большинства преподавателей.

– Я так понимаю, что в Вашей школе большой акцент в обучении делается на изучение религии? – поинтересовался Джеймс. – Как в Вашей школе относятся к естественным наукам? Они также преподаются на должном уровне?

– Разумеется, в нашей школе дети также изучают естественные науки, как и положено в обязательной образовательной программе, но и должное внимание уделяется урокам воспитания семьи и веры, – пояснил Джон.

– Как по-Вашему, отчего зависит счастье и благополучие в семье? – следом спросила Ханна.

– «Веруй в Христа и спасёшься ты и дом твой». Не может быть счастья и благополучия в семье, если там нет настоящей любви.

– Вы говорите, что нужно верить в Христа, – продолжал Джеймс, – но как нам всем быть уверенным, что и Бог помнит о нас? Что он не забыл и давно не отвернулся от нас и ему не безразлично, что происходит на земле?

– Об этом пишет пророк Исаия: «Я начертал тебя на дланях Моих». Когда римские воины пригвозждали Христа на кресте, этим там было написано имя каждого из живущих грешников на земле. «Бог есть любовь». Солнечный свет и дождь, радующие и освежающие землю, горы, моря и равнины – всё говорит нам о любви творца... на каждой распускающейся почке, на каждой пробивающейся из земли травинке написано: Бог есть любовь. Окружающая нас природа свидетельствует о нежности, отцовской заботе Бога и о Его желании дать счастье Своим детям. Сын Божий пришёл с небес, чтобы открыть нам Отца. Каждая душа была драгоценна для Него... Иисус жил, страдал и умер, чтобы спасти нас...

Джеймс так и не мог местами понять, сам ли Отец Джон придумал всё, что говорил, или все свои доводы он и впрямь цитировал из различных религиозных книг, включая и доводы о том, что имя Бога написано на каждой травинке. Разумеется, когда он ссылался на Евангелие, сомнений в подлинности текста у Джеймса не было, но вот всё остальное, что тот твердил – могла быть лишь интерпретация того, что Джон усвоил и переварил через себя в процессе чтения.

– Что вправе Бог ожидать от нас, как членов Его семьи? – продолжал Джон, проходя по коридорам школы мимо детей. – Апостол Иоанн, первое послание, четвёртая глава, девятнадцатый стих: «Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас». Первое послание Иоанна, глава четвёртая, стих семнадцать: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога».

– Как мы должны доказать ему свою любовь? – Джеймс не хотел на самом деле продолжать этот разговор, но положение вещей обязывало его вести диалог.

– Первое послание Иоанна 5:3: «Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его. И заповеди его нетяжки». Бог говорит: «Ты, Христианин, хочешь быть уверенным, что ты меня любишь, что ты принял Христа спасителя? Тогда проверяй себя». «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди». Господь был тем, кто сошёл на гору Синай и лично провозгласил десять заповедей. Первое Иоанна 3:4: «Всякий, делающий грех делает и беззаконие; грех есть беззаконие».

– И, как мы уже выяснили, Адам и Ева были те, кто первыми согрешили и нарушили Закон Божий, – утвердил Джеймс, поглядывая на ребяташек. Периодически он встречал учителей, которые совсем не отличались от учителей обычной школы. Джеймс предполагал, что одеты они будут по церковному, но ошибался.

– Первое послание от Иоанна 3:8: «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил...» Из великой милости и благодати Бог не убил грешников Адама и Еву. Бытие 3:15: «Бог посмотрел на Змея, на Дьявола и на Еву, и на Адама и объявил: «Я – Бог, вражду вложу между тобой, Дьявол и между женою. Между твоими последователями и её последователями. И хотя ты будешь жалить человека в пяту, придёт семя жены и раздробит тебе голову». Апостол Павел поясняет: «Семя жены – это Христос». Когда Иисус пришёл на нашу землю в один день Иоанн Креститель, увидев его на берегу Иордана, поднял руку и сказал: «Вот агнец Божий, который берёт грех мира на себя». В Откровении сказано, что Христос заклан от создания мира, потому что с тех пор Бог планировал, чтобы избавить грешника от греха. Есть только один путь – чтобы сын Божий сошёл на нашу планету, взял на себя весь позор, все грехи и спасти человека от осуждения и присутствия греха.

Джон резко остановил Джеймса, уже в который раз за этот день он вновь пронзительным взглядом стал смотреть на него. Однако на этот раз Джеймс не поддавался на его уловки. Они стояли близко друг к другу, даже слишком, нарушая личное пространство.

– Кто вбивал гвозди в руки Христа? – задал Джон вопрос. Джеймс и не думал отвечать. – Это я. – Он выдержал паузу. – Это Вы. – Джон ткнул пальцем в грудь Джеймса. – Это мой грех. Это Ваш грех. По причине греха Иисус висел на кресте. Христос умер, чтобы избавить от греха и не дать нам волю дальше грешить. Каждый раз, когда мы сознательно грешим, мы снова распинаем сына Божьего. Грех – нарушение закона Божьего. Смерть Христа на Голгофе является сильнейшим доказательством, что закон Божий не может быть отменён, потому что по причине нарушения его Христос умер.

Они двинулись дальше. Ни Джеймс, ни Ханна никак не прокомментировали его слова, потому что сказать им было нечего. Звонок на урок прозвенел, и дети стали разбредаться по кабинетам. Коридоры резко опустели, в школе начались занятия. Лишь пару учеников копошились возле своих шкафчиков, торопливо перебирая учебники и спеша на урок.

– Иисус говорит о законе в Евангелие от Матфея 5:17: «Не думайте, что Я пришёл нарушить Закон или пророков; не нарушить пришёл Я, но исполнить». В восемнадцатом стихе: «Доколе не пройдёт Небо и Земля, ни одна йота, ни одна черта не пройдёт из Закона, пока не исполнится всё».

– Стало быть, если подвести итог всего сказанного Вами, – перешёл к заключению Джеймс, не вынеся больше нравоучений Отца, – каждый человек должен соблюдать заповеди Божьи, чтобы доказать свою любовь к Богу. – Ещё несколько часов в присутствии святого Отца он не вынесет, а потерпеть было нужно. Ради рейтингов. Ради карьеры, так успокаивал и поддерживал себя Джеймс.

– Всё верно, – согласился Джон, ликуя, что ему удалось донести это до своего оппонента. – «Ибо в третий день сойдёт Господь перед глазами всего народа на гору Синай». Бог лично сошёл с неба на гору Синай. В книге Второзаконие 5:22 Моисей пишет: «Слова сим

изрёк Господь ко всему собранию вашему на горе из среды огня, облака и мрака (бури) громогласно». Книга Исход 31:18: «И когда Бог перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим». Я хотел бы, чтобы вы обратили на это внимание, – сделал Джон акцент, обращаясь к слушателям. – Вся Библия написана пророками на свитке, в то время как Закон Божий был высечен на камне.

– У меня возник вопрос, – обратился Джеймс. Джону нравилось, когда прихожане задавали вопросы, это означало, что они внимательно слушали его проповедь. – Почему Закон десяти заповедей был написан на двух каменных скрижалях?

– Первая скрижаль указывает на любовь к нашему Богу. В ней написаны первые четыре заповеди. Вторая скрижаль – на любовь к ближнему. Вы ведь знаете заповеди? – ехидно обратился он к Джеймсу.

Теперь у Джеймса всё расставилось по полкам. Десять заповедей он знал наизусть, но никогда не обращал внимания на то, что они условно по смыслу поделены на две части.

– Само-собой, – также ехидно ответил Джеймс. – Первая заповедь гласит: «Я господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». – Не зря Джеймс несколько дней заучивал их.

– Господь – один единственный живой Бог, – дал пояснение Джон относительно первой заповеди.

– Вторая заповедь, – продолжал Джеймс, втянувшись в игру, – «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвёртого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои».

– Господь говорит, что не нужно делать идолов, не нужно делать икон, не пытаться представить Бога через мёртвую материю и не поклоняться, не служить этой мёртвой материи. Бога никто не видел, мы не можем его представить. Бог запретил делать изображения и запретил поклоняться им.

Об этом Джеймс тоже слышал когда-то давно. У него тогда возникал вопрос, почему же тогда многие церкви молятся на изображение святых и Иисуса Христа. Тогда он начал выискивать ответ в интернете и узнал, что так и было: много веков христианская церковь не имела икон и изображений. К концу седьмого века в христианской церкви началась целая война. Одна группа не желала вносить в служение иконы, другая же была в этом заинтересована. Тогда в истории христианской церкви началось иконоборчество – борьба за вынесение и удаление икон из церкви.

Долгие триста лет воевали христиане между собою. Силы борющихся групп были не равны: на стороне тех, кто был за внесение икон в служение был царь кесарь и богатые люди, что и принесло им победу. Так к концу десятого века иконы были внесены в служение христианской церкви.

– Третья заповедь: «Не произноси имени господа, Бога твоего, напрасно; ибо господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно».

– Многие мои прихожане интересуются, что означает произносить имя Господа напрасно? Ответ весьма прост. Произносить там, где нужно, и не произносить там, где не нужно. Не ругаться, не шутить именем Бога. Евреи редко произносили Его имя, они с особым уважением, с благословением относились к имени Бога.

– «Помни день субботний, чтобы Святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих, – вслух по памяти произнёс Джеймс четвёртую заповедь. – Ибо в шесть

дней создал господь небо и землю, море и всё, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил господь день Субботний и освятил его».

– В самом начале Библия говорит: Иисус создал в течение шести дней всё, а в седьмой день он почил, перестал делать. Он благословил этот день и освятил или отделил его для Себя.

Отец Джон предложил Джеймсу и Ханне посетить урок религиозных культур, Джеймс и Ханна с радостью согласились. Вполне возможно, что они согласны были на всё, лишь бы не слушать проповеди Джона Уокера.

– В католических школах обычно при приёме на работу требуют, чтобы учитель был практикующим католиком, – пояснял Джон, пока они входили в кабинет. – В нашей школе таких условий нет. Мы отдаём предпочтение наиболее квалифицированным кандидатам, которые, по меньшей мере, симпатизируют христианскому духу школы.

Войдя в кабинет, Джеймс увидел то, что опасался увидеть больше всего: преподавателем была монахиня, и одета она была соответственно. Как бы отец Джон ни пытался переубедить Джеймса, что это практически обычная школа, лишь с уклоном в изучение христианской религии, в глазах Джеймса это была та же церковь, где проповедуют свою точку зрения и навязывают её тем, кто не способен ей противостоять – детям. Он не хотел находиться в этом кабинете, но было уже поздно. Отец Джон представил Джеймса и Ханну монахине и детям и заявил, что гости очень интересуются, как проходит обучение в школе. Дети тут же начали делиться своими впечатлениями. Абсолютно все высказывались положительно, все так или иначе были на эмоциях, но Джеймс им не верил, он видел лишь натянутую улыбку и строгое наказание тому, кто осмелится сказать правду. А правда была не такой прекрасной...

Джеймс научился определять правду от лжи. Также он научился подмечать мелкие детали, которые обычный человек может с лёгкостью проглядеть. В беседе с пациентом всегда важно обращать внимание на некоторые вещи, так Джеймсу и приглянулась странная красноватая полоска у одной из девочек на левой руке. Несмотря на то, что девочка быстро спрятала руку, заметив сердитый взгляд Джеймса, он понял в чём дело. Кардиган хоть и закрывал предплечье, но не закрывал руку полностью. Это был след от удара, по всей видимости, по заключению Джеймса, удар был произведён линейкой. Очевидным стал вопрос: кто нанёс эти удары? Повернув голову, он посмотрел на монахиню, что с улыбкой наблюдала за детьми и посматривала на Джона, периодически, толкающего свою речь. «Это, определённо, она, – сделал вывод Джеймс. – Эта стерва калечит детей!»

Внутри у него взбушевал вулкан. «За что они её так? За непослушание?» Хоть и не было никаких доказательств того, что била линейкой по рукам детей монахиня, Джеймс почему-то точно был уверен в том, что это она. Ярость затуманила его разум. В последний раз он обратил взор на небольшой крест с распятым Иисусом, что висел на стене и ещё больше наполнился яростью, что после всего этого все люди в монашеской рясе смеют прикрываться именем Господа.

– *О, благодать! Спасён тобой...* – раздалось откуда-то. Это был голос священника, который Джеймс слышал уже не раз.

Голова стала кружиться, желудок стал извергать содержимое, а легкие стали сжиматься так, что он не мог дышать. Этот голос... Джеймс не мог определить, откуда он идёт, он, словно, был повсюду. И в то же время Джеймс никак не мог определить его источник.

– *Я из пучины бед...*

В глазах кабинет стал расплываться, и вот Джеймс уже не видел, что происходит перед ним. Вены на шее стали набухать, пот начал струиться по лбу, а ноги подкашиваться. Воротник сжимал горло, а затянутый галстук душил его. Обхватив левой рукой лицо, Джеймс сослался на плохое самочувствие и, извинившись, быстро покинул кабинет. Никакого ответа, никаких замечаний со стороны святого Отца, монахини, Ханны или детей он не услышал, в голове лишь продолжал звучать голос пастыря и его чёртова песня, которая проела уже весь мозг.

Джеймс быстро нашёл уборную и бросился к раковине. Вода помогла привести его в чувство и освежиться. Умывая лицо, он всё пытался понять, что это только что было? Откуда раздался этот голос? Кто этот пастырь, что всё время видится ему? Ополоснув лицо ещё раз холодной водой, он стал смотреть на своё изображение в зеркале.

В уборную практически следом за ним ворвалась обеспокоенная Ханна.

– Что с тобой произошло? Ты, словно, оборотня там увидел.

– Это вообще-то мужской туалет, – подметил Джеймс, смотря на неё через отражение в зеркале.

– Не переживай, меня не интересуют какающие мальчики, – попыталась она пошутить, чтобы дать себе понять, что ничего серьёзного не произошло. – Так в чём дело?

– Я не знаю.

– Джеймс! – не унималась она, подошла к нему и встала рядом. – Я волнуюсь за тебя.

Он замялся, не зная, что сказать. Сказать правду? Соврать? Сказать, что просто отравился? Ханна не настолько глупа, она не поверит.

– Я и вправду не знаю, что со мной происходит, – начал он объясняться. – В последнее время у меня всё чаще возникают какие-то видения. Эти видения... Они больше похожи на воспоминания. Я не могу объяснить это, потому что меня беспокоит тот факт, что я ничего не помню до переезда в Берлингтон. – Он снова омыл лицо холодной водой и протёр глаза. Ханна слушала его, не смея прерывать. – Когда мне было двенадцать, мой отец на бешеной скорости въехал в здание заброшенного приюта для животных, ты это знаешь. – Он рассказывал эту историю Ханне. – И как бы я сейчас не пытался вспомнить, я практически ничего не помню из своей жизни, до того момента, как он погиб. Словно, из меня вырезали этот кусок воспоминаний, понимаешь? Все люди помнят, как поступили в первый класс, как учились в средней школе, а я ничего не могу вспомнить, лишь какие-то обрывочные отрывки. Но даже не этот факт пугает меня больше всего, – он набрал в лёгкие побольше воздуха, – а тот факт, что мне кажется, что до двенадцати лет я тоже ходил в религиозную школу. Моя мать католичка, но я никогда не интересовался у неё, в какой школе я учился. Скажи, как я мог забыть такой большой промежуток моей жизни? Как?

Джеймс прислонил голову к зеркалу и закрыл глаза. Ханна нерешительно подошла к нему и обхватила его спину руками, затем прижалась к его телу. Это всегда успокаивало её, когда Джеймс делал тоже самое.

– Я порой не помню, что происходило вчера. Наверное, это не удивительно, что ты не помнишь того, что происходило много лет назад. Тем более ты мог забыть эти воспоминания на фоне стресса из-за смерти отца.

– Наверное, ты права.

Он успокоился. Джеймс готов был вернуться в класс и продолжить экскурсию. Но его ещё какое-то время беспокоило галлюцинаторное присутствие поющего священника. Во время практики и работы он выслушал немало историй от пациентов, слышащих голоса и видящих то, чего быть не может. И вот Джеймс сам оказался в их числе, как бы он не желал признавать себя психически устойчивым.

* * *

Как гром среди неба завибрировал телефон на тумбочке возле телевизора. Йозеп вскочил с дивана и кинулся к нему, взял трубку и ответил на звонок.

Координатор дал распоряжения, которые немедленно следовало выполнить. Задача была проста: нужно было добраться до места назначения, забрать чемодан и заселиться в одном роскошном отеле в Бирмингеме. Трудности могли возникнуть лишь с тем, что лицо Йозепа транслировалось по новостным телеканалам, так что была велика вероятность того, что кто-

нибудь его разоблачит. Но Йозеп не мог подвести Отца, поэтому надел очки и кепку, которую ему выдал лысый мужчина.

Служащий мотеля даже не обратил на него внимания, поэтому Йозеп с лёгкостью добрался до предоставленной ему машины и двинулся к полученным координатам. Точкой назначения оказался действующий склад. Йозеп без проблем отыскал чемодан, загрузил его в багажник автомобиля и двинулся в отель.

Добравшись до отеля, он опешил. На входе была охрана, и каким образом он должен пройти мимо неё, не имел представления. Однако координатор заверил, что ему не следует об этом беспокоиться и делать всё так, как ему велели. Делать было нечего. Выгрузив чемодан из багажника, он двинулся ко входу. По заверению лысого мужчины, что давал указания, на вымышленное имя Йозепа забронирован номер, в который он и должен заселиться.

На удивление Йозепа всё прошло без осложнений: охрана на него даже не обратила внимание, а администратор за стойкой ресепшен без проблем проводил его в номер, что располагался на четвёртом этаже.

Номер был шикарен, по крайней мере по меркам Йозепа, который большую часть своей жизни провёл в бедном районе в обществе низшего рабочего класса. В комнате располагалась большая двухместная кровать, застеленная красным покрывалом. Напротив кровати у противоположной стены располагался плазменный телевизор на подставке. Хоть номер был и не большим, но производил впечатление. В нём было всё необходимое: мини-бар, туалет-биде с ванной-джакузи, балкон, на котором разрешено курить, и отдельная комната с гардеробом и сейфом.

Что делать дальше Йозеп не знал, но решил пока повременить со звонком. Йозепа одолело любопытство, что находится в чемодане. Поставив его рядом с кроватью, он сел на неё и стал разглядывать свою посылку. Так он просидел несколько минут, размышляя и гадая, что может находиться внутри чемодана. Поддавшись соблазну, он заглянул в него и поначалу не увидел ничего необычного.

Обычные вещи и, по всей видимости, женские. Перебрав несколько сорочек, он наткнулся на небольшой кейс, который как раз и был самой главной составляющей этого чемодана. Вытащив его и поставив на пол, он открыл кейс и с ужасом отпрянул от него в дальний конец комнаты, прислонившись к стене.

– Это ещё что за хрень?! – громко проговорил он и замолк, зная, что стены в отеле тонкие и легко прослушиваются соседями.

В кейсе находилась взрывчатка, в этом Йозеп не сомневался. Внимательно осмотрев кейс, он пришёл к выводу, что взрывчатое вещество напоминало C4, содержащий гексоген. Никакого таймера не было, да и Йозеп не рассчитывал, что он его найдёт. Лишь несколько закреплённых к корпусу разноцветных проводов и пару странных кнопок, прикоснуться к которым он не желал, как и не желал вообще прикоснуться больше к кейсу.

Впопыхах он стал выискивать телефон. Найдя его в одном из карманов, он тут же набрал номер своего координатора, который ответил спустя пару гудков.

– Заселился в номер? – поинтересовался координатор.

– Ага, заселился. А теперь объясните мне, какого хрена в кейсе взрывчатка? – перешёл он к делу. – Я на такое не соглашался.

– Это вторая часть твоего задания. Теперь тебе нужно положить кейс под кровать в соседнем номере 406.

– Вы, сука, издеваетесь?! – рассвирепел Йозеп, осознавая, что его могут услышать. – Я не стану этого делать, – твёрдо произнёс он.

– Послушай меня сюда, – грубо ответил координатор, – ты думаешь, мы тут в игры играем? Знаешь, будет очень весело, если прямо сейчас к тебе в номер нагрянет полиция.

Боюсь, что отмазаться ты уже не сможешь. Я могу устроить так, что ты навсегда сядешь в тюрьму.

– А что если я прямо сейчас покину этот отель?

– Можешь попробовать, – координатора это никак не смутило. – Но поверь, что охранник, который впустил тебя, вряд ли выпустит тебя обратно, ведь ты в данный момент разыскиваешься полицией по всей Америке. На свободе ты пробудешь недолго, тем более в незнакомом тебе штате. Но есть и другое решение...

Координатор умел запугивать людей, и запугать Йозепа ему удалось. Тот послушно замолчал и стал слушать.

– После того, как ты выполнишь своё задание, мы организуем тебе защиту. Мы сделаем так, что ты покинешь эту страну и поселишься в Южной Америке там, где тебя не найдут. Там ты начнёшь новую жизнь, заведёшь семью, устроишься на работу и проведёшь остаток последних дней, зная, что послужил на благо и заслужил доверие Отца. Ведь ты этого хочешь, верно? Чтобы Отец тобой гордился? Так что не подведи его. Тебе всего-то надо избавиться от Джеймса Росса, который в данный момент проживает в соседнем номере. – У Йозепа сжались кулаки от одного только произнесённого имени этого человека, которого ненавидел всей душой. – Кейс нужно заложить под кровать. Взрыв будет небольшим, стены должны выдержать ударную волну, поэтому не стоит волноваться за других людей, они не пострадают.

– Хорошо, я согласен, – сказал Йозеп после недолгих размышлений.

– Отлично. Ключ от номера четыреста шесть находится в кармане чемодана. Дальше ты знаешь, что делать. Отчитаешься, как выполнишь поручение.

Связь прервалась. Йозеп уселся на пол и стал осматривать кейс, так и не решившись до него дотронуться.

Он никогда не отнимал чьей-либо жизни. Случай, который произошёл в Берлингтоне, когда люди в масках напали на служащего в здании городского Совета, в ходе чего тот был смертельно ранен, произошёл не по его вине. Секта не должна была отнять чью-либо жизнь, её цель была лишь запугать жителей города и донести до сенатора и президента свой протест. Человек погиб по вине Вивьен Горсей, той самой стервы, что носила маску Ангелы Меркель. Это она была инициатором нападения на служащего, даже не посоветовавшись с Йозепом. Она зашла слишком далеко, но её уже было не остановить. Именно такой легенды придерживался Йозеп.

И теперь Йозепу предстоит впервые отнять жизнь человека, который в данный момент проводит встречу с самим Джоном Уокером. С самим святым Отцом, человеком, олицетворяющим всё самое лучшее, что можно вообразить на этой земле. Человеком, несущим истину Божью по всей Америке. Йозеп с восхищением представлял, как Отец будет рад узнать, что он избавился от дьявола в человеческом облике – от Джеймса Росса.

Прошуршав карманы чемодана, Йозеп обнаружил ключ от номера 406. Осторожно закрыв крышку кейса и аккуратно взяв его в руки, он вышел в коридор и подошел к двери соседнего номера. Джеймс и его девушка сейчас на встрече, поэтому внутрь Йозеп проник без проблем.

Номер был полностью зеркально скопирован, точно такое же расположение мебели. Разве что в отличие от нового и чистого номера Йозепа, здесь был небольшой беспорядок в виде раскиданных вещей, которые указывали на то, что номер заселён. Он не стал ничего рассматривать, а просто подошел к кровати и запихнул под неё кейс. Точно также он вернулся в свой номер и стал ждать дальнейших указаний.

* * *

Джеймс и Ханна вернулись к кабинету, возле которого их уже дожидался Джон. Сославшись на то, что Джеймсу стало душно и у него поднялось давление, Джон хотел было закончить встречу, но Джеймс поспешил заверить его, что всё в порядке и давление пришло в норму. Так что встречу можно было продолжить, посетив последнее место в расписании, хоть Джеймс этого и не желал. Однако показывать свою слабость он не был намерен, поэтому решил придерживаться назначенного плана.

В последний раз обратив свой взор на школу, Джеймс и Ханна уселись в машину и направились в студию, где проходили съёмки телепередачи Джона Уокера. Это было большое здание в несколько этажей, внутри которого располагались несколько павильонов, съёмочных площадок, гримёрки, личные кабинеты и так далее.

Не успели Джеймс и Ханна выбраться из машины, как их уже подждал Отец Джон, чтобы вновь продолжить разговор о небесной конституции.

– Мы с вами не прояснили ещё некоторые моменты, которые мне бы хотелось до вас донести, чтобы этот день стал для вас познавательным, – с ходу сказал Джон, направляясь ко входу в студию.

– Я думаю, мы уже достаточно сегодня выяснили, – уныло отозвался Джеймс, но Джон не обратил на это внимание. Джеймс уже не сомневался, что цель Джона была говорить без умолку и не давать возможности задать интересующие вопросы, которые были бы неудобны любому служителю Господа.

– И всё же, Вы говорили о законах Божьих, и я очень ценю то, что Вы выучили их наизусть. Но Вам также стоит знать, что Закон нас не спасает. Христос нас спасает. В послании к Римлянам 7:7 сказано: «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак; но я не иначе узнал грех, как посредством закона...» Закон не может спасти нас. Апостол Иаков сравнивает Закон с зеркалом, об этом написано в первой главе, с двадцать третьего по двадцать пятый стих.

Они прошли через парадные двери прямоком в здание. Внутри офис был ещё красивее. Большой светлый холл, по всему периметру стояли огромные колонны. В центре находились диваны, можно было присесть, отдохнуть от работы. Холл был отделан под цвет дерева, не смотря на свои внушительные размеры, казался достаточно уютным. По углам стояли большие цветы в горшках, на потолке висели необычные люстры. Вдоль огромной стены располагалась администраторская. На стене за стойкой администратора висел большой логотип, напоминающий планету Земля. Не задерживаясь, Отец Джон сразу же повёл их мимо фойе к лифтам, по дороге приветствуя работников. Повстречался им на пути и ведущий новостей, с которым у Отца Джона завязалась короткая беседа, в ходе которой Джон представил своих гостей. Джеймс был рад повидать человека, который был бы не помешан на религии, потому что сегодня таких людей он ещё не встречал. Все трое двинулись дальше. Святой Отец продолжил:

– Дьявол бросил нас в лужу греха, потому что мы нарушили закон и грешниками родились. Из великой милости к нам из благодати в крови Иисуса Бог очищает и омывает нас. Христос говорит: «Я из любви к тебе, человек, пролил кровь и омыл тебя». Бог в последней книге Откровение 12:17 говорит: «И рассвирипел дракон на жену, и пошёл, чтобы вступить в брань с прочими от семени её, сохраняющими (то есть соблюдающими) заповеди Божьи и имеющими свидетельство Иисуса Христа». Как вы уже помните, Дракон и есть Дьявол. Жена – это символ церкви. Прочие, о которых говорится в Откровении – это остаток верующих людей в последние дни. Сатана наполнен злостью против верующих, против крестьян и пошёл на последнюю войну с остатком верующих. Через веру с Иисусом они были прощены.

За большой стойкой администратора находился охранный пункт, за которым находился другой зал. Он был не таким большим, как первый, но полностью его напоминал. В этом зале можно было сесть в лифт и отправиться на нужный этаж. Пройдя мимо металлодетекторов

и пост охраны, они остановились возле лифта. Пока они ждали его, Джон продолжал рассказывать:

– Послание к Евреям 8:10: «Вот завет, который завещаю дому Израилю после тех дней, говорит Господь; вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их, и буду их Богом, а они будут Моим народом». Из всего этого вытекает вопрос: какое же предупреждение даёт Бог верующим? Запомните, раз и навсегда, – обратился он преимущественно к Джеймсу. К ним присоединились ещё два человека, которые стояли, ожидая лифт. – «Кто соблюдает весь Закон и согрешил в одном чем-нибудь, тот становится виноватым во всём», послание Иакова, вторая глава, десятый стих.

Двери лифта, наконец, открылись, трое вышли из него и Джеймс, Ханна и Джон, к которым также присоединились уже несколько человек, вошли в кабину. Каждый вошедший нажал на нужный этаж. Джон нажал на цифру 6. Двери лифта захлопнулись, и кабинка двинулась вверх. Встав рядом с Ханной и Джеймсом, Джон продолжил, в то время как другие люди также с интересом слушали и в какой-то степени жалели, что они выходят из лифта раньше времени.

– Если мы соблюдаем восемь или девять заповедей, а нарушаем только одну заповедь, как Бог нас рассматривает? – Джеймс не ответил, все молчали. – Как к тому, кто ничего не соблюдает.

– Но ведь это не справедливо, – произнёс Джеймс.

– Понимаю, на первый взгляд кажется именно так, – лифт остановился на третьем этаже, несколько человек вышли из него, – но это можно объяснить тем, что добро можно испортить маленьким злом, а зло не исправляется.

– Одно плохое зерно портит целый горшок с похлёбкой², – проговорил Джеймс, в то время, как лифт двинулся дальше.

– Всё верно, – согласился Джон. – Бог иначе говорит тем, кто нарушает заповеди в Евангелие от Матфея, седьмая глава, двадцать третий стих: «И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Не всякий, говорящий «Господи!» войдёт в царство Божье, говорит Иисус, а только те, кто соблюдают волю Его Отца Небесного.

Лифт остановился на пятом этаже, двое молодых людей молча покинули кабинку. Теперь Джон остался с Джеймсом и Ханной наедине, но поговорить им довелось только после того, как они добрались до шестого этажа.

– Один священник православной церкви Лопухин писал: «Нарушитель закона Божьего, есть преступник против этого Закона и уже не дитя Божие, а общник и сын Дьявола», что означает, что человек живёт во грехе, даже если нарушает хотя бы одну заповедь.

Шестой этаж представлял из себя несколько павильонов, в которых проходили съёмки различных телепередач, в том числе и с участием Джона Уокера, у которого был свой павильон с декорациями. Они направились напрямик к нему, проходя мимо гримёрок.

– Откровение 14:6: «Иоанн увидел ангела, который летел посреди неба с вечным Евангелием». В том же Откровении 14:12: «Здесь терпение святых». Почему святые? Они имеют веру в Иисуса, они соблюдают Заповеди Божьи. Именно эту истину вы должны запомнить, что нужно соблюдать Заповеди, чтобы доказать Богу, что мы Его любим и хотим стать Его детьми. – Джеймс больше с интересом смотрел на надписи на дверях, чем слушал святого Отца. Они прошли мимо кабинета сценариста одного известного шоу, которое транслировалось каждое субботнее утро. – Вы ведь не забыли Заповеди на второй скрижали?

Джеймс ответил не сразу, потому что не сразу сообразил, что вопрос адресован ему. Он быстро стал перебирать в уме то, что заучивал перед поездкой.

– Пятая заповедь, – вспомнил он, – «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе».

---

² Английский аналог русской поговорки: «Ложка дёгтя в бочке мёда».

- Здесь, я думаю, не стоит пояснять. Дети должны уважать и слушать родителей.
- Шестая заповедь: «Не убивай».
- Не убивай, – повторил Джон. – Только Бог вправе дать и отнять жизнь.
- Седьмая: «Не прелюбодействуй».
- Бог установил семью. Другие связи вне семьи – грех.

«Измена – это прежде всего асоциальный поступок, а не грех», – подумал Джеймс. За всё время, что он был в отношениях с девушками (а у него их было не много) у него ни разу даже в мыслях не было изменить с кем-либо. Больше всего он ценил в отношениях доверие, и считал, что ревность к партнёру – это низкий поступок. А измене нет оправдания.

- Восьмая заповедь: «Не кради».
- Мы не имеем права брать в руки то, что нам не принадлежит.

«Стоило бы сказать это коррупционерам». Джеймс осознавал, что эта заповедь в принципе не выполнима в нашем обществе. Каждый человек на этой Земле брал что-либо чужое, даже если это было не преднамеренно.

- Девятая заповедь: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

– Не обманывай и не распространяй клевету. На небе не будет обмана. Недаром Иисус сказал, что Сатана – отец лжи.

– И десятая заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». – Последнюю заповедь Джеймс произнёс гордо от того, что смог доказать святому Отцу, что кое в чём он всё же осведомлён. И ещё потому, что их встреча подходит к концу.

– Не завидуй соседу, что он имеет, а ты не имеешь. Зависть – грех. Нельзя допускать греховные желания в мыслях и в сердце. Вот что господь говорит относительно второй скрижали в книге Левит 19:18: «Но люби ближнего твоего, как самого себя. Я – Господь».

Они достигли павильона, который представлял небольшую комнату с декорациями. Импровизированная комната напоминала уютный рабочий кабинет. Здесь располагался небольшой диван, на котором, по-видимому, располагали (Джеймс не смотрел ни одной передачи с Джоном) гостей, а также небольшой столик с лампой и, разумеется, Библией. Даже имелось импровизированное окно, чтобы создать ощущение солнечного света. Также в импровизированном кабинете располагалось несколько горшков с цветами и прочие декоративные принадлежности, которые нужны были, чтобы заполнить пустые места и создать впечатление обжитого рабочего места.

За всем этим наблюдал режиссёр, судя по пустующему стулу за столиком с несколькими мониторами, выводящими картинку с камеры, что стояла напротив съёмочной площадки. Также в павильоне находилось несколько световых ламп и микрофонов. В данный момент в помещении было лишь несколько человек, поскольку съёмки шоу начнутся только завтра.

Джеймс прошёлся по павильону, осматривая декорации и предметы интерьера. Ханна тоже с интересом наблюдала за работой людей, по всей видимости, монтажёров и сценаристов.

– Значит, Вы проповедуете не только в церкви, но и на телевидении? – поинтересовался Джеймс, осматривая подставку с декоративными фруктами. Джон поправил колоратку и пояснил:

– В наши дни, чтобы донести информацию до людей, нужно идти в ногу со временем. – Джон тоже прошёлся по павильону. – Я это понял сразу, именно поэтому я сделал акцент на медиасферу, чтобы любой житель в каждом уголке страны мог включить телевизор и послушать мысли Господа нашего. Поверьте, если бы я не вёл свою передачу, я бы не достиг таких успехов. Наш канал транслирует разные передачи, включая и детские, почти что двадцать четыре часа в сутки.

– Вы сказали, детские? – Джеймс недоумевал. – Разве религиозной школы недостаточно, Вы ещё и по телевизору навязываете им религиозные учения?

Джеймс произнёс это слегка грубо. Недостаточно грубо для святого Отца, который уже привык к подобным заявлениям, но достаточно для двух молодых парней, что находились в павильоне, которые тут же обратили на них внимание. Джон же даже не шелохнулся.

– Вам стоило бы посмотреть хотя бы одну передачу, чтобы судить нас. Поверьте, в том, что мы показываем детям, нет никакого навязывания. Мы всего лишь учим их, как нужно себя вести, как правильно общаться со сверстниками, нужно ли помогать родителям. Это простые правила, которые пропагандируют любые детские передачи, и в этом нет ничего плохого.

– Разумеется, – тихо прошептал Джеймс так, что его никто не услышал. «Бить детей линейкой – тоже одно из средств воспитания?» – хотел он озвучить вслух, но промолчал.

– Вся нашу встречу я отвечал на Ваши вопросы, но позвольте теперь мне задать Вам вопрос, мистер Росс.

«Он не ответил ни на один действительно интересующий меня вопрос», – злобно проговорил Джеймс в уме. Отложив в сторону Библию, которую уже успел покрутить в руках, он сделал вид, что с интересом готов выслушать Джона.

– Вы ведь сейчас смело можете называть себя политиком, верно? – Вопрос не требовал ответа, это и так всем было известно. – Хотя ещё совсем недавно Вы были врачом.

– Я и сейчас врач, – поспешил заверить Джеймс. – Работаю на полставки.

– Разумеется, – Джон ухмыльнулся. – Вы несколько лет проучились в медицинском колледже, затем в медицинской школе, прошли резидентуру, стали заведующим отделением в больнице, это заслуживает похвалы. Такие как Вы уже с раннего возраста знают, чего хотят от жизни и твёрдо следуют своей цели. Вы, можно сказать, добились немалых высот, нашли своё место в жизни. Что же Вас сподвигло на такие перемены?

Вопрос был явно с подвохом, Джеймс это чувствовал, но решил сказать правду.

– Желание изменить этот мир.

– Амбициозное желание, Вам так не кажется?

– Значит, у меня есть амбиции, – подтвердил Джеймс.

– Думаете, Вы сможете?

– Всё зависит от народа, готовы ли люди меняться.

– Разве нужно их менять? Пускай всё идёт своим чередом.

– Слишком долго всё шло своим чередом. Настала пора что-то изменить.

– Вам не кажется, что запрещать народу верить в Бога – не самая лучшая идея в стране, где почти каждая семья, чья свои традиции, молится перед ужином?

– Как я уже говорил, традиции – пережитки прошлого, – настойчиво проговорил Джеймс. – Я считаю, что, только сбросив эти оковы, можно идти дальше, в новый путь.

На этот раз уже Джон не сдержался и усмехнулся над глупостью своего оппонента. Он сделал пару шагов в его сторону и остановился подле Джеймса, который никак не отреагировал на смех священника.

– В этом и заключается Ваша слабость. Я бы даже сказал, Ваш порок. Вы мыслите слишком уж однобоко через призму своих убеждений. Вы никогда не задумывались, к чему в итоге приведут Ваши действия, если Вы не прекратите гнуть свою палку? Могу Вас уверить, что Вы этой же палкой схлопочете себе по лицу. – Джеймс наконец дождался возможности поговорить с Отцом Джоном на человеческом, а не «Библейском» языке. – Не поймите меня неправильно, я уважаю Вас и Ваше мнение и с достоинством выслушивал Ваш негатив в адрес моего учения. Но я всё никак не могу понять, почему Вы так заиклены на этой проблеме? Неужели Вы думаете, что, перечеркнув все те постулаты, которые несёт людям священное Писание, это разом исправит все проблемы? Так не бывает, проблема кроется вовсе не в религии, как Вы думаете.

– И в чём же кроется проблема по-Вашему мнению, святой Отец? – Джеймс слегка наклонил голову в бок, искоса смотря на своего оппонента.

– В Вас, мистер Росс. – Джеймс нахмурился, не понимая, что несёт пастырь. – Впрочем, не только в Вас. Во всех людях, включая и меня. Так уж вышло, что человек слаб по своей природе, и порой единственное, что обретает смысл его жизни – это вера. Вера во что угодно, пусть то в Господа нашего или же в «чайник Рассела», как Вы выразились.

Джеймс был приятно удивлён тем, что Отец Джон тоже смотрел его выступление на федеральном канале, а значит также серьёзно готовился к этой встрече.

– И всё же, если хотя бы один житель этой страны поймёт, что есть лишь один постулат: человек человеку Бог, я уже буду рад, что смог многое изменить. Когда-нибудь, люди всё же поймут, что верить нужно не во Всевышнего, а в реальность, которая, к сожалению, не столь приятная, как нам хотелось бы.

– Этого не будет никогда, – твёрдо заключил Джон, посматривая на время, которое уже подходило к концу. – Уничтожив одну религию, люди сразу же создадут другую. Просто потому, что верить во что-то надо. И кто знает, какой она будет. Я знаю, что наша встреча подошла к концу, но позвольте мне в последний раз уделить ещё немного времени. Думаю, нам есть, что ещё обсудить.

Джеймс не желал задерживаться здесь хотя бы ещё на пару минут. Но его переубедило то, что за всё время встречи они, наконец, смогли обсудить хоть какие-то детали их разногласий, с целью которой и была запланирована эта встреча. То, что Джон Уокер закончил свои наравоучения и готов поделиться своими мыслями воодушевляло Джеймса.

– Что ж, думаю, ещё несколько минут у нас есть в запасе, – без особого энтузиазма, вычурно улыбнувшись, согласился Джеймс.

– Тогда пройдёмте со мной туда, где мы сможем уединиться от посторонних взглядов. – Он намекнул на тех двоих, что находились на съёмочной площадке, делая вид, что не заинтересованы в разговоре, хотя на самом деле слушали с интересом.

Они прошли по довольно узкому светлому коридору мимо нескольких закрытых кабинетов. Джеймс на этот раз не стал всматриваться в надписи, а наблюдал за Джоном, что спешил как можно скорее добраться до своего излюбленного места. Он резко остановился возле двери и вошёл в неё, Джеймс и Ханна последовали за ним.

Помещение представляло из себя большой кабинет, в центре которого располагался овального вида стол, вокруг которого находились несколько стульев. На две стены расположилось огромное окно, одно из которых было с выходом на балкон. На другой стене висел большой плазменный телевизор. Джеймс сразу сообразил, что это комната была создана для переговоров.

– Здесь сценаристы высказывают свои идеи относительно шоу без боязни того, что их могут подслушать, – поспешил пояснить Джон.

Святой Отец уселся на стул у дальнего конца стола. Джеймс и Ханна последовали его примеру и уселись по центру, не слишком близко к Джону, но и не слишком далеко от него. В переговорной повисло молчание. Джеймс высокомерно смотрел на Отца, Джон же облокотился на спинку стула и посматривал на Джеймса, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Ханна наблюдала за их реакцией.

Первым тишину прервал Джон.

– Здесь вы можете не бояться, что нас услышат. Всё, что будет сказано в этом кабинете, останется здесь, – заверил он. – Настало время поговорить откровенно с глазу на глаз.

Джеймс удивился переменам святого Отца, стоило им только скрыться от навязчивых глаз репортёров и других людей. Все прелюдии соблюдены, теперь можно было переходить к сути этого визита Джеймса в Алабаму.

– Я Вас слушаю, – отозвался Джеймс.

– В чём цель Вашего визита? – начал Джон. – Только не говорите мне, что это ради рейтингов или интереса. Нет, Вами движет что-то другое.

– Ответы, – проговорил Джеймс. – Я хочу знать ответы на вопросы, которые Вы упорно не даёте мне задать, заваливая нас своими нравоучениями из Библии. Вы и слова не дали вставить за всё время нашей встречи, – грубо заговорил Джеймс так, что Ханна опешила от такой дерзости со стороны своего партнёра.

– Что ж, не стану скрывать, я действительно не давал Вам слова, читая свои проповеди. Такой у меня имидж. Но спешу Вас заверить, что, задав мне то, что Вы намеревались задать, Вы бы всё равно не были удовлетворены моим ответом. Поэтому я предлагаю Вам хорошо обдумать и задать один единственный вопрос, который Вас интересует. Не спешите, подумайте хорошо.

– Я уже всё обдумал, – тут же вставил Джеймс, не успев Джон даже закончить свою фразу. – Вы причастны к секте в Берлингтоне?

Ханна затаила дыхание. Они обсуждали планы поездки, но в этот план не входило спрашивать святого Отца о его отношении к тем преступлениям, что совершают сектанты в масках политиков. Тем не менее она тоже была бы не прочь услышать на него ответ, раз уж Джон решил разоткровенничаться.

– Вы и вправду хотели задать мне именно это? – недоумённо переспросил Джон.

– Да. – Джеймс не стал колебаться.

– Что же, интересно. С чего Вы вообще взяли, что я могу быть причастен к этой секте?

– Ходят разные слухи, – прояснил Джеймс.

Джон несколько секунд молчал, покусывая нижнюю губу и продолжая, откинувшись на спинку стула, наблюдать за Джеймсом. Затем он переключил свой взгляд на Ханну.

– А Вы? – обратился он к ней. – Всё время скромно молчите. Вы тоже думаете, что я имею отношение к секте?

Ханна занервничала. Она не знала, что сказать, поскольку вопрос Джеймса и её застал врасплох.

– Я не знаю, – неуверенно ответила она. – Но мне бы хотелось прояснить эту ситуацию.

Джон разозлился. По его мнению, в этом помещении не было людей, способных мыслить здраво.

– Я отвечу вопросом на вопрос. Зачем мне это делать? Зачем мне совершать преступления в Вермонте? Зачем мне организовывать секту? Зачем творить в городе беззаконие?

– Чтобы держать в страхе людей, перечасших Вам, – объяснил ему Джеймс.

– Вы серьёзно? – чуть ли не выкрикнул Джон. – Нет, Вы серьёзно?! Я был лучшего о Вас мнения, но Вы сильно упали в моих глазах, задавая такие глупые вопросы. – Джеймс не слишком разочаровался от этого. – У меня тысячи последователей в этом городе. Вы и сами убедились, чего мы достигли за такой короткий промежуток времени. Мы живём в общине, в гармонии, которую Вам не понять. Какое мне дело до советника, пропагандирующего анти-религиозные движения? Мои послушники верны мне, они не перевернутся на Вашу сторону, как бы Вы их не пытались переубедить.

– В этом и заключается проблема, – продолжал Джеймс. – Эти люди слепо верят Вам и готовы пойти на всё, что Вы им прикажете. Такое большое влияние на неокрепшие умы населения может быть опасным в умелых руках. История знала много таких случаев, взять к примеру «Семью Мэнсона». – По недоумённым взглядам Джона и Ханны Джеймс сделал вывод, что они ничего не слышали об этом и посчитал своим долгом рассказать им. – Чарльз Миллз Мэнсон – музыкант, в своё время записавший несколько популярных композиций, неоднократно проводил время в исправительной колонии, впоследствии создавший коммуны под названием «Семья». В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году члены его коммуны совершили ряд жестоких убийств. Мэнсон объявил войну между чёрной и белой расами и назвал её «Хелтер Склтер». Чарльз и его секта также известны тем, что вербовали в свои ряды отбросов общества и детей, выброшенных на улицу. Жертвами их убийств были также и известные

личности из мира шоу-бизнеса того времени. В том же году всех членов арестовали и дали пожизненный срок. Интересно также то, что почти все члены секты, оказавшись на скамье подсудимых, в знак протеста нанесли себе на лоб свастику.

– И какое это имеет отношение ко мне? – Джон был сильно возмущён.

– Вы тоже своего рода вербуете людей и оказываете на них влияние. А значит, потенциально Вы также можете представлять угрозу для других мирных жителей. Ведь Вам стоит только лишь поманить своих собратьев по разуму пальцем, они тут же набросятся на нас.

– Любому стаду нужен свой пастух, – громко вещал Джон. – Мы – стадо в Божьих глазах. Он – наш пастух. Я лишь приспешник Бога, связующее звено между Богом и народом. И моя задача донести до стада Его труды, Его требования, Его законы.

– Вот! Вот! – перебил его Джеймс. – Вот Ваше отношение к народу. Вы воспринимаете его как стадо, я же отношусь к нему как к своим братьям. Вы воспринимаете и относитесь ко всем, как к стаду, готовому выполнять Ваши условия и нести Вам деньги. То, что Вы построили на деньги общины, это не ради народа, а ради себя, чтобы доказать свою значимость, прежде всего самому себе, а затем уже и всем остальным.

– Большого лицемера, чем Вы я не видел. Вы политик, который вешает народу лапшу на уши, кормите их лживыми обещаниями, и всё это делаете ради рейтингов. Вы нуждаетесь в людях, пока они будут слушать Вас, вы продолжите оставаться политиком, но как только от Вас отвернутся, а это обязательно произойдёт, будьте уверены, Вы станете никому не нужным. Вы также, как и я зависите от этих людей. Но, в отличие от Вас, я смогу прожить один, наедине с Богом, Вы же этого не можете себе позволить.

– Религия не делает Вас лучше. Христианство для нытиков и покорных овец. Вы только и делаете, что учите своих овец не богохульствовать, молиться, размножаться и бухать вино, вместо того, чтобы действительно направлять народ на полезное дело.

Ханна не могла выдать из себя хоть слово, так и продолжала молча сидеть и наблюдать за разбушевавшимся спором.

– И какое же полезное дело, по-вашему, они должны совершать?

– Заниматься наукой. Заниматься программированием. Заниматься строительством, да чем угодно, но не тратить время на пустую болтовню в церкви. Религия и наука – вещь не противоположная, но религия не должна вмешиваться в науку – вот что я пытаюсь до всех донести. И когда-нибудь, религия падёт, святой Отец. В этом я не сомневаюсь. – Джеймс поднялся со стула и дал понять Ханне и Джону, что разговор закончен.

– Время покажет, – ответил Джон, тоже поднявшись со стула.

– Всего Вам доброго, – не слишком добродушно пожелал Джеймс и направился к выходу. Ханна только лишь попрощалась и последовала за ним.

Отец Джон не стал их провожать, а остался в кабинете. После того, как гости скрылись, он вновь присел на стул и стал размышлять. Думал он много и о многом, мысли так и не покидали его вплоть до самого вечера.

Джеймс и Ханна после посещения студии первым делом направились в ресторан, чтобы утолить разгулявшийся аппетит. После вечерней прогулки по улицам Бирмингема в сопровождении полицейских, они вернулись в номер отеля.

* * *

Йозеп ждал.

Выжидал и прислушивался к шагам и разговорам в коридоре. Всё, что ему оставалось, это сидеть и надеяться на скорое возвращение людей, что забронировали соседний номер. Так ему велел координатор. Включить телевизор он не мог, поскольку мог пропустить их приход. Почитать книгу тоже не мог, поскольку боялся увлечься и пропустить момент. К тому же, книг

в номере не было, а в последний раз Йозеп брал книгу в руки, когда ещё ходил в школу. Вздремнуть тоже не представлялось возможным, по ясным причинам. Оставалось только молча сидеть и ждать несколько часов. К счастью, в кармане у него была пачка сигарет, а на балконе можно было смело курить.

Он услышал разговоры в коридоре и звуки шагов, явно приближающихся к номеру 406. За окном уже было темно. Йозеп также с утра ничего не ел, хоть и никто не запрещал ему заказывать еду в номер. От напряжения он позабыл о чувстве голода.

Звук поворачивающегося ключа, и вот гости забрели в номер. Координатор, которому Йозеп позвонил, когда заложил бомбу, ясно дал понять, что активировать её с мобильного телефона нужно, когда в номере 406 погаснет свет и его жители улягутся в кровать. Также координатор сообщил, что активировать бомбу нужно будет с номера, в котором находится Йозеп. В очередной раз он не забыл упомянуть, что взрыв будет не сильным, и стены его выдержат, так что опасаться нечего. Так и намеревался поступить Йозеп. Ради Отца и ради Всевышнего.

Почему нужно было исполнить всё так, Йозеп не понимал, но не задавал лишних вопросов. Велено сделать – значит нужно сделать. Так он поступал всегда. Ещё полгода назад, когда Йозеп проживал в своей халупе в Берлингтоне вместе с сестрой, с ним связался один человек, который представился как член общины святого Отца Джона Уокера и предложит ему вступить в общину. Тот, без лишних раздумий, поскольку был глубоко верующим человеком, согласился. Затем последовала череда неприятных известий, касательно того, что член Демократической партии, который яростно высказывался против религиозных организаций, выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Тогда культ Джона Уокера осознал, что их свободе грозит опасность. Были предприняты различные попытки дискредитировать Нормана Хинтона в глазах общественности, к тому же, против него выступали различные известные политические деятели. Но все они потерпели фиаско, когда президент Хинтон выступил с трибуны после оглашения итогов выборов.

Тогда Йозепу дали задание: организовать культ, который будет держать в страхе жителей Америки, что выступали за поддержку Хинтона. Сам Йозеп ни за что бы не справился с такой задачей без посторонней помощи. Благо, члены общины Джона Уокера всячески способствовали ему, и вскоре секта в Вермонте стала одной из самых быстроразвивающихся сект за всю историю Америки. К несчастью, полиция взялась за них, и вскоре, благодаря войскам вооружённых сил США, культ стал сдавать свои позиции. Но сейчас у Йозепа есть шанс реабилитироваться и совершить правосудие, чтобы заслужить доверие Отца.

Он примкнул ухом к стене, из-за тонких стен было слышно, как Джеймс и Ханна продолжают развлекаться, не желая заканчивать этот вечер. Йозепа охватило чувство одиночества, он мог бы сейчас также веселиться со своими друзьями в компании молодых девиц, большую часть которых интересует только секс, но он вынужден сидеть здесь и выждать момент, когда можно будет совершить своё дело. К счастью, у него есть нечто гораздо большее: покровительство самого Отца Джона, почётная возможность быть с ним в одной общине и стать участником великих свершений. Выкинув все мысли из головы, он продолжил подслушивать.

Было не ясно, о чём они разговаривают, но по весёлому смеху, было очевидно, что слегка подвыпившие соседи по номеру не теряют времени даром и активно радуются жизни. Йозепу теперь стало даже немного жаль их, поскольку радоваться жизнью им осталось недолго. Вспомнив, как Джеймс выступал с трибуны во время дебатов, он сжал кулаки. Глаза до сих пор помнили эту жгучую резь от перцового газа. Но теперь Джеймсу воздастся за всё, что он наговорил и совершил.

Свет в номере погас, Йозеп это понял по отражению в окне на балконе. Выждав несколько минут, он вновь прислонил ухо к стене и вслушался. За стеной до него доносились стоны, означавшие только одно: Джеймс и Ханна занимались любовью. Конечно, Йозеп мог бы уже активировать заряд, тогда сладкая парочка оказалась бы в эпицентре взрыва в самый приятный

для них момент, но Йозеп всё же позволил им в последний раз предаться плотским утехам, поскольку больше такой возможности у них не представится.

Прошёл ещё час. И всё это время Йозеп продолжал выслушивать стоны и звуки двигающейся кровати. Невольно он стал замечать, лёгкое возбуждение в области полового органа. Несколько недель он не ощущал женского тела, с тех пор, как затеял драку в баре. После того, как его выпустили из окружной тюрьмы под залог, его сразу же направили в Алабаму в дешёвый номер мотеля и приказали не высовываться из него. Он не жаловался, ведь вера в высшую цель требовала от него самоотдачи, но биология всё же брала периодически над ним контроль. И стоны девушки во время оргазма заставили его оторваться от стены и уединиться в ванной комнате.

Сделав своё дело, Йозеп, не забыв надеть кепку и очки, вышел на балкон и закурил сигарету. Мечтая о предстоящей встрече с Джоном, он не заметил, как из соседнего номера также на балкон вышел Джеймс в простой чёрной майке и спортивных штанах. Джеймс стал шаркать по карманам, нашёл пачку сигарет, вытащил одну и стал чиркать зажигалкой. Чиркнул один раз, потом второй, потом третий и четвёртый, но всё никак не удавалось ему зажечь. Йозеп не обращал на него внимания. Тогда Джеймс, так и не закулив, обратился к нему с просьбой:

– Извини, не поделишься своей зажигалкой?

Йозеп, стараясь не смотреть в его сторону, кинул свою зажигалку Джеймсу прямо в руки.

– Благодарю. – Джеймс чиркнул зажигалкой и успешно закурил. Затем он вернул её владельцу.

Несколько затяжек Джеймс стоял и смотрел на незнакомца, который почему-то казался ему знакомым. Йозеп же старался не поворачиваться к нему, облокотившись на перила и всматриваясь в даль города.

Так вышло, что Джеймс не успел должным образом разглядеть лицо человека, что видел сегодня утром по телевизору, из-за впечатлений о своём навязчивом сне. Это и не позволяло ему разглядеть в представшем перед ним человеке те же черты лица, которые Йозеп скрывал под очками и кепкой. Единственное, что показалось Джеймсу странным, это то, что представший перед ним человек носил солнцезащитные очки в то время, когда солнце уже давно скрылось за горизонтом.

– Давно уже в Бирмингеме? – решил заговорить Джеймс.

– Нет, недавно. Пару дней, – неохотно поддержал Йозеп беседу. – Я путешествую по разным городам.

– О, так ты путешественник, всегда мечтал когда-нибудь сорваться с места и посетить разные части света. Но всё дела, да работа. – Йозеп ничего не ответил, но Джеймс и не ждал от него ответа. Сделав ещё несколько затяжек, он представился. – Меня, кстати, Джеймс зовут.

Правило этикета гласило, что Йозеп тоже должен был представиться, хоть он того и не желал. Дабы не портить о себе впечатление перед человеком, которого он видит в последний раз, Йозеп тоже представился:

– Ильмар, – произнёс он, вспомнив своего неприятеля в школе. Разумеется, представиться своим настоящим именем он не мог.

– Рад знакомству, Ильмар. – Джеймс сделал последнюю затяжку и затушил сигарету о пепельницу. – Будь здоров. – Он отлучился к себе в номер.

– Тебе же я этого не пожелаю, – прошептал Йозеп и тоже вернулся в номер.

* * *

Закрыв дверь балкона, Джеймс заметил, что Ханна уже закончила принимать душ и вышла, завёрнутая в полотенце, из ванной комнаты. Выглядела она ещё сексуальнее, чем прежде, у Джеймса даже возникло желание снова уложить её на кровать и снять полотенце.

Алкоголь продолжал своё действие, и Джеймс не собирался укладываться спать, хоть день и выдался нелёгким. Душа его требовала продолжения, поэтому он предложил Ханне спуститься на первый этаж номера в бар. Ханна запротестовала, но, к счастью, она не стала мыть и высушивать голову, поэтому после недолгих уговоров, всё же согласилась.

Поняв, что стены в отеле тонкие, а в соседних номерах могут проживать дети и пожилые люди, Ханна попросила Джеймса вести себя тише, дабы не навлечь на себя гнев администратора. Одевшись в обыденный спортивный костюм, она вместе с Джеймсом покинула номер и направилась к лифту, чтобы спуститься на первый этаж и продолжить развлекаться в баре, где также находилось караоке.

* * *

Свет в соседнем номере не горел, Йозеп в этом убедился. И, судя по отсутствию звуков за стенкой, он пришёл к выводу, что Джеймс, насытившись алкоголем и прекрасным телом Ханны, улётся спать. Стало быть, пора приступать к делу.

Взяв в руки мобильный телефон, он отошёл к дальней стене поближе к выходу, перекрестился, мысленно прочитал небольшую молитву и активировал взрывное устройство.

Последующие несколько минут он словно ощутил себя героем дешёвого голливудского боевика. Взрыв прогремел с невиданной силой. Гораздо сильнее, чем пытался заверить координатор. Стена всё же не выдержала взрывной волны. Раздалась сирена, тут же активировались датчики пожаротушения. Йозеп не стал задерживаться в своём номере и в спешке выбежал в коридор.

Весь коридор был в пыли, а из-за мгновенно распространяющегося огня, он быстро окутался чёрным дымом, несмотря на то, что вода из датчиков интенсивно гасило пламя. На глазах Йозепа вокруг номера 406 произошёл частичный обвал. Обрушился номер, что находился этажом выше, обрушились стены соседних номеров, в том числе и того, в котором несколько секунд назад находился Йозеп. Люди с ужасом в глазах, раздетые, стали выбегать из своих номеров. Некоторые кричали, доносился плач ребёнка, которого родители вели к выходу. Никто не мог понять, что произошло, но все бежали в сторону лифта. Йозеп тоже присоединился к ним. Через три минуты он уже покинул отель, через семь уже был в паре кварталов от него.

* * *

Джеймс и Ханна веселились за барной стойкой, когда прогремел взрыв. Тут же откуда ни возьмись, появился администратор и приказал всем сохранять спокойствие и эвакуироваться из здания. Датчики пожаротушения сработали во всём отеле, поэтому, когда Джеймс, держа за руку Ханну вместе с огромной толпой покинул через центральный вход отель, промок до нитки.

Они стояли на улице и наблюдали за происходящим. Ханна тут же повела Джеймса в обход отеля, чтобы посмотреть на место происшествия, которое ввергло проживающих в отеле и его персонал в панику. Когда они обошли вокруг здания, Джеймс уже стал улавливать приближающиеся сирены пожарных машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.